

**Социологическое
наследие
А.А. Зиновьева**

Сборник научных статей

Донецк 2015

УДК 303:316(3+4+7)

C-91

C-91 Социологическое наследие А.А. Зиновьева [Текст]: Сборник научных статей / Отв. ред. **Н.И. Гаврилов**. – Донецк: ДонГУУ, 2015. – 287 с.

В сборнике представлены научные статьи международной конференции «Социологическое наследие А.А. Зиновьева», состоявшейся 16 октября 2015 года в Донецке. В ней приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Донецка и Макеевки.

Тематика статей охватывает широкий круг проблем теории, методологии и истории социологии, обогащает понимание организации и управления современными социально-политическими процессами, раскрывает потенциал духовной культуры общества, расширяет возможности методов социологических исследований.

Издание предназначено для научных работников, профессорско-преподавательского состава вузов, аспирантов, студентов социально-гуманитарных направлений подготовки и всех мыслящих людей.

Статьи публикуются в авторской редакции

В оформлении обложки использована картина А.А. Зиновьева

© А.А. Зиновьев, автопортрет, 2015
© А.Н. Черных, худ. оформл., 2015
© Авторы статей, 2015.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Творческое наследие Александра Александровича Зиновьева настолько многогранно, что невозможно определить, какую грань своего таланта он ценил больше всего.

В хронологическом порядке свою деятельность он выстраивает следующим образом. В начало ставит логику и методологию науки. За ними следуют социальные исследования (социология), которые, в свою очередь, определяются его логической теорией, без которой зиновьевский подход («поворот мозгов») к социальным явлениям был бы невозможным. Венчает его творчество публицистика и художественная литература.

Если принять во внимание, что амплуа А.А. Зиновьева как писателя составляет основанный им новый литературный жанр – социологический роман, то вкпе с научным пониманием важнейших социальных феноменов современности в пиковые нагрузки своего акме он позиционирует себя как Социолога.

В своих сочинениях по социологии и социологической публицистике – «Без иллюзий» (1979), «Мы и Запад» (1979), «Коммунизм как реальность» (1981), «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983), «Сила неверия» (1986), «Горбачевизм» (1988), «Кризис коммунизма» (1991), «Гибель империи зла» (1994), «Запад» (1995), «Посткоммунистическая Россия» (1996), «Великий эволюционный перелом» (1999), «На пути к сверхобществу» (2000), «Гибель русского коммунизма» (2001), «Логическая социология» (2002), «Идеология партии будущего» (2003), «Распутье» (2005) – он разрабатывает теорию, которая соединяет в себе точность исторического знания и научность социологических обобщений, предлагая тем самым новую науку об обществе.

В своих социологических воззрениях он указывал на то, что все учения, предшествующие его теории, как только заходила речь о применении заложенных в них идей, совершенно не годились для научного понимания реального коммунизма, реального западнизма и величайшего перелома в социальной эволюции человечества, который произошел во второй половине двадцатого столетия.

Но социологическое сообщество России так и не приняло его в свои ряды. Так, в «Социологической энциклопедии» в статье, посвященной А.А. Зиновьеву, хотя и называют его «социологом»,

основной посыл ее сводится к тому, что он «сформировал собственную школу и направление в логике, получившее резонанс на Западе».

Социологическое кредо А.А. Зиновьева уместилось в одном предложении. В нем констатируется, что его работы последних лет посвящены ряду глобальных социальных проблематик: 1) системной критике последних лет современной буржуазной цивилизации; 2) пропаганде идеи о том, что крах советского коммунизма привел к распаду советской цивилизации; 3) аргументации тезиса об исторической обреченности «западнизма» перед лицом вызовов со стороны цивилизации «коммунальности».

В этой статье даже нет упоминания о том, что А.А. Зиновьев был награжден в 1982 году премией Токвиля за социологические исследования.

Не заметили вклада А.А. Зиновьева в развитие социологической мысли в России и авторы сборника «Вехи российской социологии. 1950-2000-е годы (2010)».

Чтобы актуализировать на постсоветском пространстве социологические идеи А.А. Зиновьева, кафедра социологии управления Донецкого государственного университета управления посвятила международные V Зиновьевские чтения, состоявшиеся 16 октября 2015 года в Донецке, его социологическому наследию. Поддержали эту инициативу ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Донецка и Макеевки.

По результатам чтений подготовлен данный сборник. Тематика статей охватывает широкий круг проблем теории, методологии и истории социологии, обогащает понимание организации и управления современными социально-политическими процессами, раскрывает потенциал духовной культуры общества, расширяет возможности методов социологических исследований.

Н.И. Гаврилов

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВИДЯ ЧЕРНОЕ, ПОМНИТЬ О БЕЛОМ

Н.И. Гаврилов

В статье устанавливается различие в определении единиц измерения материального, социального и духовного типов цивилизации, коммунистическая реальность соотносится по уровню развития культуры с духовным типом цивилизации, используется принцип целостности в исследовании субъективных и объективных факторов в становлении и развитии стран с коммунистической ориентацией.

Ключевые слова: единицы измерения, культура, коммунизм, производительные силы, производственные отношения, социальные законы, цивилизация.

Большинство людей имеют свое представление о самом широком спектре явлений окружающего мира, начиная от проблем, связанных с воспитанием, медициной, и заканчивая политикой, развитием общества в целом. И нет разницы в понимании общественного развития у тех, кто остался в плену рассудочного мышления, будь это воззрения представителей конкретно научного знания или точка зрения отдельного индивида, которая сформировалась на основе жизненного опыта.

Многие склонны искать ответы на все проблемы общественного развития в субъективном факторе: в умственных и волевых параметрах людей, которые стоят у «руля» общественных преобразований. Более прозаично такой взгляд на развитие общества выражается в укоренившемся в общественном сознании афоризме: «рыба гниет с головы».

Но не только на быденном уровне такая народная «мудрость» является своего рода квинтэссенцией объяснения причин развития «недемократических» обществ. И если на уровне обывателей одни будут ностальгировать по авторитарной власти Сталина, другие апеллировать к волевым качествам «железной леди», третьи пребывать в ожидании новых лидеров, которые смогут благодаря своим личным качествам изменить жизнь к лучшему и т.д., то

политики развязывают войны, чтобы произвести необходимые демократические преобразования в разных странах и силовым путем смещают Саддама Хусейна в Ираке, Муаммара Каддафи в Ливии, Хосни Мубарака в Египте, Виктора Януковича на Украине, Башара Асада в Сирии и т.д.

Антитезой навязанной извне демократизации является психология «винтиков», «пешек», «маленьких людей» и т.д. По умолчанию народ воспринимается подобно стаду баранов, которое бездумно следует за своим вожаком. И тем самым как бы лишний раз утверждается всеислие руководителей государств.

В интеллектуальный тупик заводит и представление широких масс о механизме регуляции общественного развития, согласно которому жизнедеятельность людей подчиняется «закону джунглей». Интерпретация этой очевидности чаще всего сводится к двум положениям: «тот прав, у кого больше прав» и «приспосабливается и выживает сильнейший». Как можно убедиться, действием такого псевдозакона также усиливается роль сильной личности и приуменьшается значение отдельного человека.

Еще больше недоразумений возникает в интерпретациях коммунистического общества. Как замечает А.А. Зиновьев, «миллионы людей жили и живут в нем. Миллионы людей из некоммунистических стран соприкасались так или иначе с ним, наблюдали его. Десятки тысяч специалистов изучали его и написали тонны книг и статей. Невозможно определить множество слов, сказанных о нем. И все же я беру на себя смелость утверждать, что то, как его понимают, достойно лишь презрения и насмешки. Причем это касается как противников коммунизма, так и его защитников, как обывателей, так и специалистов. Последних – в особенности. Их суждения как будто специально изобретаются для того, чтобы помешать объективному пониманию и убить здравый смысл, еще в какой-то мере свойственный обывателям» [1, с. 294].

Чтобы убедиться, насколько ограничено представление о построение коммунистического общества, достаточно взять для примера любой исторический отрезок времени, в котором наиболее ярко проявились бы все эти народные «мудрости», и посмотреть, насколько полно они «срабатывают». На первый взгляд, этому требованию в наибольшей мере отвечает период правления Сталина. Но развитие китайского общества во времена правления Мао Цзэдуна

впечатляет намного больше. Если в СССР Сталин был символом Родины, то Мао Цзэдун приравнялся к самому Солнцу, которое освещало путь не только китайцам, но и всем народам мира. В то же время, Сталин должен был вести за собой, «как баранов», 150 миллионов человек, а Мао Цзэдун – миллиард. И самое главное, Мао Цзэдун один к одному повторил все преобразования для построения светлого будущего – коммунистического общества, которые проделали Ленин, Сталин, Хрущев и Брежнев, вместе взятые.

Все преобразования китайского общества в 1966-1976 годах, направленные на построение коммунизма, в основном свелись к трем «большим скачкам». Процесс реализации намеченных Мао Цзэдуном задач полностью отвечал условиям действия вышеперечисленных народных «мудростей». В результатах преобразований нельзя было не увидеть, что «гниение головы» (первого руководителя страны) отразилось на «туловище» (обществе). Очевидным было и то, что основная масса китайцев, «как стадо баранов», гоняла непрерывно несколько суток воробьев с полей, чтобы решить продовольственную проблему; плавил чугуны и сталь для решения проблемы индустриализации всей страны и создания материально-технического потенциала построения коммунистического общества; осуществляла культурную революцию, нивелируя мышление всего населения до уровня сознания рабочих и крестьян. Все это делалось для того, чтобы за три года упорного труда построить светлое будущее – коммунизм. Но общественные преобразования, которые продолжались десять лет, фактически отбросили Китай на несколько десятков лет назад в своем развитии. Общество, которое развивалось по канонам народной «мудрости», вместо желаемого продвижения вперед оказалось в худшем положении, чем оно было на исходном этапе.

Пример общественного преобразования в Китае под руководством Мао Цзэдуна проиллюстрировал, что все условия общественных преобразований, к которым обычно апеллирует обыденное представление, были соблюдены, но в то же время, почему-то китайцы не достигли поставленной цели. Отсюда можно сделать вывод, что необычная популярность народных «мудростей» вовсе не является доказательством их правильности. Разобраться в причинах такого парадокса можно опираясь только на разумный способ освоения мира.

Роль любой выдающейся личности в общественном развитии изначально ограничена уровнем развития производственных отношений и уровнем развития производительных сил. Лучше всего это положение иллюстрирует феномен льва в клетке. Лев как царь зверей, прежде всего, символизирует всесильность какой-либо выдающейся личности. Клетка, в свою очередь, представляет собой символ единства производственных отношений и производительных сил. В пределах клетки – все во власти льва, то бишь первого руководителя. За пределами клетки он бессилён, сделать что-либо по своему произволу. Иными словами, в рамках возможностей данных производственных отношений и уровня развития производительных сил действия личности неограничены в своем произволе, как в примере с Мао Цзэдуном. Поэтому, чтобы избавиться от ошибок и вновь стать свободным от шаблонов и ограничений» в понимании коммунистической реальности следует, если перефразировать Лао-Цзы, видя черное, помнить о белом [2, с.50].

Вместе с тем коммунистическое устройство общества может быть понято лишь тогда, когда будут учтены различия в материальном, социальном и духовном типах цивилизаций. Цивилизации, сформированные на основе приоритетов развития *материальной* культуры, в первую очередь, функционируют как сообщества, обеспечивающие высокий уровень удовлетворения материальных потребностей. Этот тип цивилизации нацелен на создание необходимых условий для достижения материального благополучия и в меньшей степени заботится о развитии сущностных сил человека. *Социальный* тип цивилизации формируется как такой уровень развития культуры, который обеспечивает в наибольшей мере реализацию общественно-значимых функций человека, становления его как личности, роста его карьеры, развитие коллективистских начал в обществе. *Духовный* тип цивилизации связан с такой мерой культурного развития человека, посредством которой он получает все возможные предпосылки для развития своих сущностных сил, для духовной самореализации [3, с. 69].

Тип цивилизации определяется по доминированию одной из сфер жизнедеятельности человека по отношению к другим. Поэтому, как отмечает И.А. Ильин, «народ может иметь древнюю и утонченную духовную культуру, но в вопросах внешней цивилизации (одежда, жилище, пути сообщения, промышленная техника и т.д.) являть

картину отсталости и первобытности. И обратно: народ может стоять, на последней высоте техники и цивилизаций, а в вопросах духовной культуры (нравственность, наука, искусство, политика и хозяйство) переживать эпоху упадка» [4].

В формате принципа целостности феномен всеильности личности руководителя предстает таким же обманчивым, как и восприятие айсберга в океане, который меньшей своей частью находится на поверхности, а большей – под водой. Поэтому разумное видение роли субъективного фактора (личности руководителя) в общественном развитии предполагает рассматривать эту роль только как один момент целостности. Ее весомость в рамках целого не превышает 0,3. Другой момент образуют производственные отношения. Степень их значимости для общественного развития сравнима с той долей айсберга, которая находится под водой. Весомость производственных отношений в рамках целого составляет 0,7.

Вступая в жизнь, каждое новое поколение людей не свободно в выборе своих производительных сил и производственных отношений. Оно наследует то, что создано его предшественниками, и, так или иначе, продолжает в этом наследии тенденции. Общество не может перешагнуть через необходимые этапы своего развития, по аналогии с ростом дерева до желаемого плода. В конкретных условиях совершаются лишь вытекающие из наличных условий перемены. И коммунизм, согласно А.А. Зиновьеву, «не есть продукт, продолжение и завершение капитализма. Они вырастают из различных источников. Не случайно поэтому коммунизм впервые вырвался на историческую арену не на высокоразвитом капиталистическом Западе, а в капиталистически отсталой России с высокоразвитыми явлениями коммунальное, а именно: с мощным централизованным государственным аппаратом и классом чиновников, с привычкой масс населения к подчинению властям, с крестьянской общиной» [1, с. 301].

Продуктивность действий руководителей любого типа общества обусловлена мерой воздействия на развитие производственных отношений и производительных сил. Все возможные варианты воздействия можно свести к трем основным.

1) Если этот руководитель участвует в создании необходимых условий для развития производственных отношений и производительных сил, то тем самым он может оказать благоприятное влияние на развитие общества.

2) Если руководитель ничего не делает для развития производственных отношений и производительных сил, то общество находится в процессе застоя или медленной стагнации.

3) В случае, когда первый руководитель явно игнорирует закономерности развития производственных отношений и производительных сил, то общество откатывается на многие годы, десятилетия назад в своем развитии.

Производя необходимые для жизни материальные блага, люди с необходимостью создают производственные отношения. Люди сознательно производят материальные блага, но социальный результат их производственной деятельности, а именно, те производственные отношения, которые складываются между ними, от них не зависят. Данные отношения идеальны по своей природе, ибо не содержат в себе ни грана вещества. Иными словами, не человек сам по себе, не его деятельность как таковая, а производственные отношения становятся исходным пунктом анализа общества.

Согласно разумному пониманию, производственные отношения представляют собой систему, состоящую из четырех элементов: непосредственного производства, распределения, обращения (обмена) и потребления. Иными словами, производственные отношения представляют собой систему, образованную четырьмя элементами, из которой нельзя вырвать какой-либо элемент и противопоставить его всей системе.

Практически все экономические науки сводят производственные отношения к отношениям, которые складываются в процессе производства. На первый взгляд, определение производственных отношений как производной от процесса производства вполне логично. И хотя такая точка зрения в определении производственных отношений укоренилась и, более того, стала отправной для проведения общественных преобразований, согласиться с ней невозможно, если стоять на позициях разума.

Тот факт, что отношения производства стоят первыми в цепи производственных отношений, еще не означает, что они должны быть приоритетными, привилегированными, и противопоставляться отношениям распределения, обращения и потребления. Не убедительно звучит при этом ссылка на то, что отношения распределения, обмена и потребления коренятся в отношениях производства. Более того, система производственных отношений

не «запускается» элементом отношений по поводу производства, хотя это считается прописной истиной. В коммунистической реальности, как отмечал, А.А. Зиновьев, «члены коллектива вознаграждаются за их деятельность по установленным нормам, причем – независимо от реализации результатов деятельности коллектива. Коллектив вообще может заниматься никому не нужным делом. Его продукция может просто пропадать. Но раз он официально признан в качестве ячейки, члены коллектива получают свою долю вознаграждения. Для подавляющего большинства граждан такое положение вещей есть благо. Оно освобождает их от всяких тревог за реализацию продуктов деятельности коллектива и позволяет сосредоточить их усилия на борьбу за увеличение личной доли вознаграждения. Хотя с точки зрения интересов целого общества главным является дело, делаемое ячейкой, с точки зрения ее членов главным является получение средств существования и вообще удовлетворение каких-то потребностей за счет деятельности в ячейке. Это имеет свои недостатки, проявляющиеся в равнодушии к производительности труда, в халтуре, в очковтирательстве, в имитации деятельности, в паразитизме и других явлениях» [1, с. 310].

Как это ни покажется странным, характер производственных отношений определяется принципом распределения. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать, как развиваются страны, в которых реально, а не на бумаге, действует принцип распределения «от способности – по труду», и сравнить их с теми странами, где господствует государственный или субъективный уровень распределения зарплаты.

Чтобы понять, почему в коммунистической реальности не может действовать в качестве единицы измерения принцип распределения капиталистических обществ, вспомним Аристотеля, который указывал на то, что мера как единица измерения должна быть «всегда однородна с измеряемым: для величин мера – величина и в отдельности для длины – некоторая длина, для ширины – ширина, для звука – звук, для тяжести – тяжесть, для единиц – единица» [5, с. 254]. Отсюда следует, что для каждой измеряемой вещи, процесса, явления должна быть своя, сугубо специфическая мера. Так, если для длины мера есть величина, которая выражает расстояние, для тяжести – определенный вес, у качества – нечто, обладающее качеством,

количества – нечто количественное и т.д., то и для коммунистического общества должно быть нечто, что выражает ее суть.

В качестве иллюстрации можно сослаться на А.А. Зиновьева. Он пишет: «Официально считается, что граждане коммунистического общества вознаграждаются соответственно их труду. Но принцип вознаграждения по труду имеет очень узкую сферу приложения. В силу разнообразия видов деятельности единственным универсальным критерием сравнения: трудовых вкладов людей в общественное благосостояние становится сравнение людей по их социальным позициям и по их социальной ценности (значимости) вообще. Так что фактически действующим принципом вознаграждения за труд здесь является принцип «Каждому – по его социальному положению». Даже самое педантичное следование этому принципу порождает неравенство в распределении жизненных благ. Неизбежным следствием рассматриваемого принципа является также система социальных привилегий, т.е. тех преимуществ, которые человек в данной социальной позиции имеет сравнительно с нижестоящими. Кроме того, на этой основе развивается; система коррупции и использования своего служебного положения в корыстных целях. Она фактически становится дополнительным средством распределения и перераспределения жизненных благ. В практической реализации для огромной массы людей рассматриваемый принцип распределения превращается в принцип «Каждый урывает для себя максимум того, что позволяет ему его социальное положение». Для этого люди объединяются в мафиозные группы по совместной эксплуатации общества в своих интересах» [1, с. 352].

В развитых капиталистических странах все элементы производственных отношений как системы равноценны, и лишь в своей взаимосвязи они образуют целостность, обладающую параметрами жизненности. Думать иначе так же абсурдно, как, представив человека как систему, состоящую из элементов рук, ног, туловища и головы, попытаться оторвать человеку голову от туловища и всяческим образом превозносить ее, создавать наилучшие условия ее функционирования в обособленном виде. Даже если в целостном организме держать голову в привилегированном положении по отношению к остальным его частям, то со временем все закончится плачевно. Такие же самые последствия характерны и для производственных отношений. Господство отношений производства,

связанного с материальной сферой, в обществах с государственным регулированием производственных отношений привело их к экономическому и социальному краху. Потому, как отмечает А.А. Зиновьев, «здесь трудно ликвидировать нерентабельные в экономическом смысле предприятия и затруднена интенсификация труда, что могло бы привести к безработице. Следствием этого является сравнительно низкий уровень заработной платы. Люди не стремятся работать усердно, наоборот, стараются всячески уклоняться от работы, работать лишь в той мере, в какой это достаточно для отчетов и видимости работы. Лишь немногие энтузиасты стараются повысить свой жизненный уровень за счет героического труда. Большинство же добивается улучшений иными путями, включая нарушение законов» [1, с. 309-310].

Исходить из того, что народные массы представляют собой бесформенное образование, которое определяется как «стадо баранов», может только обыденное представление. На уровне разума человек как работник является главным элементом производительных сил как системы. Другим элементом производительных сил как системы предстают средства производства – вещественный компонент системы. Взаимосвязь личностного и вещественного элементов производительных сил как сторон противоречия, составляет принципиальный момент движущих начал их развития. Поэтому для разумного анализа общественного развития важно знать, что собой представляют те, кто воспроизводит общественные отношения: какова их квалификация и образованность, какие средства производства они используют в преобразовании мира, каким образом они связаны с этими средствами производства. Только с учетом всех этих моментов народные массы представляют собой движущие силы развития общества. Иными словами, народные массы всегда характеризуют определенный уровень развития производительных сил. Однако от уровня развития их квалификации и образованности зависит, насколько они действительно самостоятельно могут влиять на ход общественного развития.

Другое дело, что «работающие граждане коммунистического общества, как подмечает А.А. Зиновьев, имеют меньше жизненных благ, чем представители соответствующих профессий в западных странах. Но зато они и трудятся меньше. Степень эксплуатации есть отношение вознаграждения за труд к трудовым усилиям,

затрачиваемым на это. При коммунизме степень эксплуатации ниже. Но следствием этого является и более низкий жизненный уровень.

Членам коллективов гарантированы оплачиваемый отпуск, оплата времени болезней, бесплатное медицинское обслуживание, пенсия по старости и инвалидности, жилье, детские сады, образование, обучение профессиям и другие жизненные потребности. Основные жизненно важные потребности граждан так или иначе удовлетворяются, хотя и на невысоком уровне. Впрочем, уровень этот повышается с повышением социальной позиции и является высоким для средних и тем более высших слоев населения» [1, с. 308].

Следует признать, что определенная доля истины в народной «мудрости» о безвольном, стадном начале народа все-таки есть. Как показывает практика, чем ниже уровень образованности и квалификации человека, тем более он склонен к пассивным формам преобразования жизни, тем больше у него выражено стремление переложить ответственность в принятии решений на других, и наоборот. Сложные задачи общественного преобразования нельзя решить с людьми, которые в социальном и профессиональном планах «не созрели» для этого.

В диалектике производственных отношений и производительных сил существенен один принципиальный момент. Производительные силы как сторона способа производства охватывают все четыре элемента системы производственных отношений. Таким образом, говоря о человеке как главном элементе производительных сил, как о производителе производственных отношений, мы не должны соотносить его только с отношениями производства, а и распространять на отношения распределения, обмена, потребления. Все, кто занят в этих сферах общественного производства, также являются равноценными элементами производительной силы. Отсюда становится понятным, почему работник, занятый в сфере непосредственного производства не должен быть более значимым, чем работники сфер распределения, обмена и потребления. Если этого нет в действительности, то производственные отношения деформируются. В свою очередь, деформация производственных отношений обусловит деформацию в производительных силах. В то же время, могут приниматься программы по развитию средств производства, но совершенно игнорироваться приведение в соответствие квалификации и образованности работника, и наоборот.

В этой связи А.А. Зиновьев указывает на то, что одной из труднейших проблем коммунизма становится проблема, «как сделать более или менее терпимое общество из плохого человеческого материала, как снизить значение человеческого фактора. Для этого имеются разнообразные методы. Помимо методов принуждения, контроля и наказания, тут имеет силу стремление сделать ход дела по возможности независимым от человеческого фактора или приспособить его к качествам занятых в нем людей. Следствием этого является более грубая и упрощенная технология, чем в странах Запада, сдерживание технологического прогресса вообще. Но все эти средства не в состоянии элиминировать роль человеческого фактора. Он, так или иначе, дает о себе знать. В будущем коммунизм выработает формы и средства деятельности, которые сведут к минимуму роль человеческого фактора. Это – один из источников исторической миссии коммунизма остановить безудержный прогресс, вдохновляемый капитализмом» [1, с. 361].

Одной из причин, не позволяющих правильно объяснить закономерности общественного развития, является натуралистическое толкование общественных явлений (объяснение развития общества посредством законов физики, химии, географии, биологии и т.п.). Подняться над уровнем этого примитивизма поможет выявление законов общественного развития. Раскрывая механизм действия законов развития общества, мы сталкиваемся с проблемой взаимодействия объективных и субъективных факторов. С одной стороны, общественное развитие подчиняется законам, которые носят объективный характер и в своем проявлении в целом не зависят от сознания и воли людей, как и законы природы. А с другой стороны, в обществе действуют люди, наделенные волей и сознанием, и законы общества – это есть законы, созданные деятельностью человека. Поэтому, анализируя процессы общественного развития, необходимо рассматривать развитие общества как результат деятельности людей, а самого человека как главный элемент производительных сил, что позволит увидеть в народных массах движущие силы исторического процесса.

В капиталистическом обществе, отмечает А.А. Зиновьев, «доминирует экономический подход к производственной деятельности людей, в коммунистическом – социальный. Они не совпадают. Коммунизм имеет более высокую степень социальной

эффективности сравнительно с капитализмом, но более низкую степень экономической эффективности. Социальная эффективность экономики характеризуется многими факторами. Среди них – способность существовать без безработицы и без ликвидации экономически нерентабельных предприятий, сравнительно легкие условия труда, способность ограничивать и вообще не допускать избыточные предприятия и сферы производства, не являющиеся абсолютно необходимыми, способность сосредоточивать большие средства и силы на решение исторически важной задачи – милитаризация страны и другие» [1, с. 345].

Социальные законы и деятельность людей нельзя понимать как первоначально существующие по отдельности, а затем вступающие в такое отношение, когда деятельность становится формой проявления закона. Социальные законы реально существуют только в деятельности, в их проявлении, а функционирование закона и есть его деятельность. В этом феномене заключается непреодолимая трудность для обыденного представления и рассудочного мышления. Изображая деятельность людей в качестве пассивного проводника действия законов, рассудочное сознание полностью искажает реальную картину общественного развития, ибо для реализации законов нужна именно активная целеустремленная деятельность.

Решением данной проблемы может быть то положение, что вне практической деятельности людей ни о каких законах общественного развития не может быть и речи. При этом надо иметь в виду следующее. Во-первых, диалектика общественного развития такова, что люди изменяют обстоятельства под давлением самих обстоятельств. Поэтому законы общественного развития, проявляясь лишь в практической деятельности людей, определяют содержание и направление этой деятельности. Во-вторых, законы определяют лишь главное направление развития общества, но конкретный ход истории, детальный «рисунок» этого развития, а также формы и темпы развития обусловлены более конкретными причинами, в том числе и творческой инициативой людей, соотношением сил прогресса и сил реакции, активностью лиц, групп, партий и т. п. Исходя из этого, можно понять, что человек в рамках способа производства на любом уровне социальной иерархии может оказывать определенное влияние на общественное развитие, и тем больше, чем выше его социальный

статус. Но, в любом случае, он не будет свободен от проявления законов общественного развития.

Имея свою структуру, свои внутренние источники саморазвития, общество находится в непрерывном изменении. Эти изменения на каждом историческом этапе определяются действием людей, преследующих свои цели, системой и масштабами проявления законов общественного развития. Знание этих законов имеет принципиальное значение для людей. При этом важно помнить, что законы общественного развития, как и законы развития природы, нельзя ни видоизменить, ни создать новые. Человек может познать их и попытаться использовать в своей деятельности. Опираясь на них, человек может влиять на природу и общество, может при помощи одних законов ограничивать действия других, но не более того.

Динамично развивающееся общество всегда отвечает двум критериям. Во-первых, общественные преобразования, в какой бы стране они не происходили, всегда связаны с преобразованием производственных отношений. Во-вторых, чтобы произошли изменения в производственных отношениях, надо изменить производительные силы, развивать и совершенствовать их.

Унаследовав после экспериментов Мао-Цзэдуна разрушенный и сотрясаемый социальными и политическими проблемами Китай, Дэн-Сяопин инициировал инновационные преобразования с китайской спецификой, которые позволили этой стране стать самой быстрорастущей экономикой в мире. За тридцать лет китайских реформ ВВП увеличился в 15 раз (в то же время Украина за двадцать лет не может выйти на уровень ВВП 1991 года), промышленное производство – в 22 раза, внешнеторговый оборот (с положительным торговым сальдо) – в 100 раз! В 2007 году китайским правительством была поставлена задача к 2020-му превратить Китай в инновационный локомотив мировой экономики, «фабрику знаний». И как тактическая задача, уже в 2010 году Китай вышел на первое место в мире по количеству полученных патентов и открытий в области химии, создав мощный плацдарм для создания новых материалов и начала системной экспансии на мировом фармацевтическом рынке. До 2010 года пальма первенства в химическом направлении принадлежала Японии, а на втором месте были США. Т.е. сегодня весь мир наблюдает, как Китай переходит от скупки зарубежных технологий к созданию своих собственных, превосходящих зарубежные аналоги.

Доведя объем инвестиций до 45% ВВП и более, эта страна самыми стремительными темпами в мире создает новую мощнейшую высокотехнологичную экспортоориентированную производственную базу.

Следствие высоких темпов роста экспортоориентированной экономики – с 1 января 2012 года минимальная зарплата в Китае утверждена на уровне 185 евро, увеличившись за двадцать лет более чем в десять раз! Валютные резервы вышли на уровень 3 трлн. долл. Последнее десятилетие мировая денежная система функционирует в режиме двух насосов: США выпускают доллары, а Китай их скупает.

Китай, имеющий колоссальные резервы в долларах США, понимая неизбежность девальвации данной валюты и, соответственно, ощущая острую необходимость избавиться от нее, в ближайшие годы превратится в одного из крупнейших мировых кредиторов, по сравнению с которым Международный валютный фонд и Всемирный банк будут выглядеть моськами перед слоном. Только за 2009-й и 2010-й год два государственных китайских банка China Development Bank и China Import Bank выдали кредитов развивающимся странам на сумму более 110 млрд. долл. (больше, чем Всемирный банк).

Более того, современное экономическое состояние Китая не только показывает, как США теряет свои позиции ведущей экономики в мире, но и демонстрирует цивилизационные тупики материально ориентированного построения будущего. А самое главное, Китай был и остается приверженцем коммунистической модели государственного устройства.

В заключение следует отметить, что развитие коммунистического общества следует рассматривать как естественноисторический процесс. Для понимания его основы, определяющей специфику его развития, надо выделять свойственные ему социальные законы и их особенности, раскрывать механизм их действия и использования на каждом конкретном историческом отрезке времени. Мощным средством в анализе коммунистического потенциала может служить только разумный способ освоения мира.

Ссылки:

1. Зиновьев А.А. Кризис коммунизма // Коммунизм как реальность. – М.: Центрполиграф, 1994. – С. 291-490.

2. Лао-Цзы. Дао дэ цзин: Книга о Пути и его Силе – Новосибирск, 1990.

3. Гаврилов Н.И. Мера инновационности цивилизационных инноваций // Социально-антропологические ресурсы трансдисциплинарных исследований в контексте инновационной цивилизации. [Текст] Сб. науч.ст./отв. ред. И.А. Асеева. – Курск: Юго-Зап. ун-т, ЗАО «Университетская книга», 2015. – 186 с.

4. Ильин И.А. Основы христианской культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/ilyin/ilyin01.htm> (дата обращения: 20.04.2015).

5. Аристотель. Метафизика. Соч. В 4-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1975. – С. 65-367.

**СОВЕТСКАЯ И ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ПРЕДЕЛ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ
В ЛОГИКЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Д.Е. Муза

В статье акцентуировано внимание на важнейшей проблеме актуального исторического процесса: наличии двух альтернативных версий социальной эволюции, имевших место в XX веке и реализованных советской и западной цивилизацией соответственно. С опорой на цивилизационную теорию показано, что по своему генезису, социоструктуре, проективным заданиям и целям исторического творчества эти цивилизации принципиально разнятся. Событием, указывающим на предел противоположности, выступает «холодная война» и поражение в ней СССР. В свою очередь желание США переформатировать постсоветскую Россию по лекалам западной техногенно-урбанистско-гедонистической цивилизации свидетельствует о метафизическом отрицании иномерной формы и вектора социальной эволюции.

Ключевые слова: советская цивилизация, западная цивилизация, цивилизационные истоки, условия формирования, социальная структура, антропологические типы, исторические проекты, телеология.

Споры о природе советской цивилизации, её потенциях и интенциях, более того, о «вписанности» этого «социального гиганта» в логику глобальной эволюции, не утихают до сих пор. Недавний пример, свидетельствующий в пользу этого обстоятельства, имел место в конце мая текущего года на заседании «Зиновьевского клуба» в МИА «Россия сегодня». Причем, заседание прошло под вывеской: «Советская цивилизация как продолжение и развитие европейской цивилизации», т.е. с позиции, подчеркнута отождествляющей рассматриваемых субъектов [1].

Собственно само отождествление, поначалу совершаемое западниками, за ними представителями социал-демократической и марксистской мысли ещё в XIX, а затем, и в XX веке, почему-то выглядит допустимым и органичным век спустя. При этом якобы

интеллектуальная вершина XX – начала XIX столетий: А.А. Зиновьев и само его наследие могут быть легко втиснуты в европо- (шире – западноцентристскую) модель исторического процесса, причем, со всеми его интригами и метаморфозами.

Непродуктивность, а то и нелепость подобной ориентации не подтверждает как состояние самой социальной теории (укажу лишь на принципиальные работы А.С. Панарина [2] и С.Г. Кара-Мурзы [3]), так и весьма определенную фигуративность мысли самого Александра Александровича Зиновьева, который, впрочем, никогда не выпестовал из России и СССР – Европу. Замечу, как «настоящую», «аутентичную», так и первую/ вторую её, Европы, производную (!). Проще говоря, существующие интерпретации наследия мыслителя скорее деформируют его интуиции и их формализацию, чем говорят правду о соотношении советской и западной цивилизаций.

Так, в автобиографической «Исповеди отщепенца» мыслитель, индуцируя опыт проживания в ФРГ, писал: «Различие двух типов социальных систем – западной и советской – не есть всего лишь пропагандистское изобретение. Это различие имеет место на самом деле. Оно на самом деле идет гораздо глубже, чем принято об этом думать на Западе и в Советском Союзе. Мы это испытали на себе...» [4, с. 464] (курсив мой – Д.М.). Но последнее обстоятельство никак не отменяет (быть может) главного методологического кредо Зиновьева, как «внутреннего», а не только «внешнего» наблюдателя обоих социальных систем, а именно: «Что коммунистическое общество дает ключ к пониманию и современного западного общества», поскольку, «что на Западе существует лишь в тенденции, что растворено в явлениях иного рода (вроде плюрализма, демократии, идеологического хаоса) и что может быть выделено лишь в абстракции, в Советском Союзе можно видеть почти что в лабораторно чистом виде» [там же, с. 489]. Более того, дивергентная социологическая оптика удерживается в пределах *установки на понимание общечеловеческих явлений* [там же].

В этом, собственно, и видится проблемность ситуации, вызванной не только когнитивным, но и ценностным диссонансом, наличествующих в современном зиновьевоведении. Степень его преодоления пока не задана, и предлагаемый материал в некотором отношении как раз и претендует на роль своеобразного начала дискуссии об этом предмете.

Впрочем, для установления обстоятельства их, цивилизаций, онтологической нетождественности необходима (цель статьи) проработка категориального каркаса зинovieвской версии эволюции человечества с выходом на уровень глобальности, но с учетом существующих в цивилизационной теории концептуальных решений о дискретно-связном ходе исторического процесса.

Итак, обратимся к текстам А.А. Зиновьева, в которых вычитывается немало интересного, прямо касающегося содержания зафиксированной проблемы. В первую очередь нужно говорить об аксиоматическом уровне исторического процесса, который очерчивается принципами и логикой социальной эволюции. Разумеется, поданных по-зинovieвски оригинально. Вкратце, следуя зинovieвской экспликации понятия социальной эволюции, можно говорить о том, что социальная эволюция есть процесс: а) конституирующийся в определенных условиях; б) многомерный; в) одинаковый для всех частей и протекающий с одинаковой скоростью, г) включающий в себя внешний и внутренний аспекты; д) определенно (за счет борьбы различных сил в течение длительного времени) направленный [5, с. 253 - 255].

Помимо этого здесь важна (как для эволюционизма в целом) метафора роста. В нашем случае, «точками роста» как раз и выступают описываемые величины – советская и западная цивилизации, по разному осуществляющими «механику» изменчивости, наследственности и отбора. Но главный, сущностный признак здесь – возникновение и развитие «более высоких уровней организации». Именно в свете этого признака становится понятной общая схема эволюционного процесса, которая имеет формы восхождения от предобществ – через общества – к сверхобществу. На этом пути к «социальным гигантам» располагаются привычные таксоны исторического процесса – «народы», «нации» и «цивилизации». В реальности, несмотря на действие механизма «снятия» (закона отрицания отрицания), именно они обладают субъектностью, в отличие от художественно-конструируемого и умозрительно постигаемого сверхобщества.

Однако тут напрашивается одно уточнение: в социологическом романе «Глобальный человек» (1997) и ключевой теоретической работе «На пути к сверхобществу» (2000), посвященных «надвигающейся громаде веков сверхчеловеческой или

постчеловеческой истории», А.А. Зиновьев преподнес именно как гипотетическую линию конституирования новой социальности. При этом в других работах мыслителя можно встретить тезис о том, что СССР – суть один из первых вариантов сверхобщества.

Данное обстоятельство нуждается в более развернутом объяснении. Многие исследователи мировой динамики, и А.А. Зиновьев здесь отнюдь не исключение, тяготеют к двум полярным позициям. А именно: отрицание цивилизации как реальности идет через отрицание а) универсального (линия Данилевского – Шпенглера и их современных последователей); б) регионального (современные концепции глобализации, а также разновидности «мир-системного» подхода [6, с. 31]. Понятно, что результаты, кристаллизующиеся в рамках реализации этих (не связанных) крайностей никак не обогащают науку. Напротив, давно созрела необходимость в выработке общей для Global studies и Civilizational studies перспективе истолкования присутствия цивилизаций в структуре и логике формирующего глобального мира, о которой я писал неоднократно [7].

Помимо этого, глядя на состояние современных глобальных и цивилизационных исследований, можно обнаружить, что они уже пришли к пониманию необходимости согласования своих позиций: «Глобалистика и цивилиология глядятся одна в другую, тематизируют одна другую, и им уже не обойтись друг без друга». В частности, «цивилогия есть в конечном счете познание человеческих стратегий выживания в прошлом, тогда как глобалистика – познание человеческих стратегий выживания в настоящем и, возможно, в будущем. Выживания – вопреки неизбежно возникающим и воспроизводящимся в истории силам социальной и духовной энтропии» [8, с. 117].

Но вернемся к А.А. Зиновьеву. У него категория «цивилизация» весьма операциональна, о чем хотя бы говорит её использование во многих работах, и в частности, в тексте, проясняющем методологию социального познания – в «Логической социологии». Тут цивилизация дефинирована и как колыбель генезиса новых человеичков, и как макросоциальная общность (сборка нескольких обществ). При этом, имея пространственные, временные (синхронно-диахронные), социально-родственные связи (возникающие в ходе драматических взаимодействий между государствами, принадлежащими к одной цивилизации), размеры входящих в неё объединений, материальную

культуру и определенное качество человеческого материала, всякая цивилизация стремиться к порождению единой системы власти и управления [9, с. 205 – 208]. Так, собственно было и в СССР, и на Западе.

Однако главный критерий жизни цивилизаций – это идеолого-проективный. Тут мы имеем дело с коммунизмом и западнизмом, по Зиновьеву, этими двумя «крайностями эволюционного процесса» [там же, с. 212 – 213].

В первом случае речь идет о марксизме как проекте создания «человека всеобщего благоденствия», который и был реализован в виде «советского (русского) коммунистического человека» на соответствующем материале, но с опорой на идеологию, а не науку [там же, с. 214 и сл.]. Его логика развертывания циклична: зарождение, юность, зрелость, кризис и крах. Но при этом именно второй период – период юности (1924 – 1953 гг.) стал наиболее продуктивным: именно Сталин «руководил построением реального коммунизма в реальных условиях России, с реальным человеческим материалом, в окружении реальных врагов» [там же, с. 216].

Во втором случае правомерно говорить о плюральном, а не целостном учении (по истокам и уровням функционирования, в частности, речь идет об *элитарном, пропагандистски-просветительском* и *житейском* уровнях), но при этом выступающим в ранге общего дела: оно имеет внегрупповой, внеклассовый, т.е. всеобщий характер. В этом своем качестве она нацелена на поддержание нужного идейно-психологического состояния общества, на выработку и поддержку в людях иммунитета в отношении анти-западнистских влияний, на привитие западнистской системы ценностей.

Но самое, пожалуй, важное обстоятельство в рассматриваемой проблеме находится в аксио- и идеосферах двух цивилизаций. Но дабы перейти к его анализу (а именно к установлению разновекторности ценностно-целевых и идеало-логических компонентов обоих проектов), нужно принять во внимание системный взгляд на устройство цивилизации.

Так, можно утверждать, что всякая цивилизация как социокультурная целостность может быть интерпретирована посредством: 1) *базисного смыслообразующего текста* (текстов) и *лидера* (иногда – «творческого меньшинства»); 2) *первичных*

цивилизационных институтов – церкви и школы, литературы и искусства, наконец, науки, раскрывающих и закрепляющих смысло-содержание базисного текста, манифестирующих смыслы, обращенные к материи Итории; 3) *вторичных цивилизационных институтов* – государства и экономики, обеспечивающих материальную мощь бытия; 4) *цивилизационного («безмолствующего») большинства*. Но сама по себе эта концептуальная рамка нуждается в наполнении конкретным содержанием.

Поэтому, ниже я привожу общую сравнительную таблицу, касающуюся всего класса вопросов цивилизационной архитектоники:

Принципы цивилизационного устройства и функционирования	Советская цивилизация	Западная цивилизация
Идейно-мировоззренческие истоки	Коллективизм, мораль, имперская (русская и советская) традиция	Индивидуализм, частная собственность, мозаика «национальных государств», капитализм
Проективный план, заданный текстами и персонифицированный лидерами цивилизации	Марксизм, народничество, ленинский («Государство и революция») и сталинский («Краткий курс ВКП(б)» и «О диалектическом и историческом материализме») проекты конституирования коммунистического	От стихии: буржуазных революций в Англии и Франции, борьбы Нидерландов за независимость от Испании, борьбы американских колоний за независимость, французской революции (1789), – к проективности: «Конституции США»

	общества; Ленин - Сталин	(1787); «Декларации прав человека и гражданина»; (1800), «Кодекс Наполеона» (1804); просветители, Наполеон, отцы-основатели США
Условия осуществления	«социальная пустыня»: предвоенная, военная и послевоенная разруха, нищета, голод, хаос, безграмотность населения и дефицит культуры	«социальные джунгли»: наличие категории «свободных людей», которые могли нанять других «свободных людей» или наниматься другими, конкуренция, законы, государство-посредник, денежная система, мозаика национальных государств
Превалирующий социальный аспект	Коммунальный (то, что интересов дела не касается, а есть связано со взаимодействием человека с социальной средой и подчиняется «принципу «социального расчета»)	Деловой (интересы дела и «закон эффективности дела»)
Человеческий материал (антропологический тип)	homo soveticus, в основе которого «руссоид»	Естественные и искусственные «западоиды»

<p>Ценностно-целевая программа</p>	<p>«райский коммунизм», «царство равенства, справедливости и изобилия», и в то же время, служение народу и стране, героический труд и достойное (самопожертвовани е) поведение в коллективе, образование и овладение культурой как таковой</p>	<p>Индивидуализм, богатство, власть, слава, богатство, мастерство, собственность, комфорт, благополучие, сила, здоровье, удовольствия, предпринимательство , свободы, права.</p>
------------------------------------	--	--

Помимо указанных структурных и динамических характеристик этих субъектов, важен ракурс, говорящий об их непростых взаимоотношениях. Классическая теория цивилизаций, восходящая к Н.Я. Данилевскому и К.Н. Леонтьеву, делала ударение на процедуре усиливающегося *Drang nach Osten* со стороны Запада, либо включения России в ритмику «вторичного смесительного упрощения». Неклассическая теория цивилизаций – в лице О. Шпенглера и А.Д. Тойнби – предлагала усматривать самостоятельный маршрут «русской души» («души края») или восточнохристианской цивилизации несмотря на петровско-большевистский псевдоморфоз или беспрецедентный «вызов» Запада. Современная же, постнеклассическая теория, например, представленная именами Ф. Броделя, Б.С. Ерасова, Э. Каволиса, М. Мелко, С. Эйзенштадта, и т.д., акцентирует несколько вариантов интеракций: а) дополнительности; б) альтернативности; в) симбиоза институтов и ценностей взаимодействующих цивилизаций.

У Зиновьева данный пункт выглядит как направленный процесс неэквивалентного обмена, точнее, предстающий в форме *западнизации*. В частности, в книге «Запад. Феномен западнизма» читаем: «Когда народы стран Восточной Европы и Советского Союза вознамерились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то

обстоятельство, что западнизация их стран не может стать превращением их в части Запада или западные страны по двум основным причинам. Первая – навязывание этим народам и странам отдельных свойств Запада (демократия, рынок, приватизация и т.д.) не есть превращение их в части Запада, ибо Запад вообще не сводится к этим свойствам. Запад есть огромный и многосторонний феномен, сложившийся по бесчисленным каналам в течении многих столетий. Вторая причина – место и роль Запада (скажем, «мировой престол») уже заняты, и самое большее, на что эти западнизируемые народы могут рассчитывать, это оказаться в сфере власти, слияния и колонизации Запада, причем на тех ролях, какие им может позволить сам единственный и неповторимый Запад» [10, с. 43].

Спрашивается, как поступил Запад, западная цивилизация со своим эволюционным оппонентом в ходе и на исходе «холодной» войны? Ответ мыслителя здесь вполне откровенен: «В течение буквально нескольких лет благодаря «бомбе западнизма» в России под вопли «ура!» были разрушены три основные опоры советского общества, создававшаяся в течение семидесяти лет усилиями миллионов людей в неимоверно трудных исторических условиях, – система власти, социальная организация трудовых коллективов и идеология» [4, с. 552]. Под «бомбой западнизма» же здесь понимается не что иное, как «мирная пропаганда достоинств западной цивилизации и западного образа жизни и бескорыстная помощь незападным народам планеты в их добровольном развитии в направлении западного образца общественного устройства» [там же, с. 551].

Но при этом, поставленный вопрос и релевантный ответ не снимают остроты мета-вопроса: во имя чего Запад осуществил убийство СССР, а далее наметил аналогичную акцию в отношении исламской и китайской цивилизаций? Замечу, мета-вопрос, который объективируется на наших глазах не только в виде «Арабской весны» на Севере Африки и Ближнем Востоке, активизации «Исламского государства», но и методичных плясок вокруг Поднебесной (заигрывании с Гонконгом).

Зиновьевская версия и здесь исчерпывающа: сегодня «Запад стремится к объединению человечества в единый глобальный человекий не ради каких-то абстрактных идеалов, а как необходимое средство формирования и выживания западной сверхцивилизации. Для выживания на достигнутом ею уровне ей необходима вся планета

как среда существования, необходимы все ресурсы человечества» [9, с. 211]. Проще говоря, полное уничтожение «оставшихся в живых» своих эволюционных оппонентов – исламской и китайской цивилизаций, о чем прямо говорит не только зинovieвская прогностика [11], но и реалии американско-натовской силовой геополитики.

И далее, чтобы развеять все сомнения относительно позиции А.А. Зиновьева по обсуждаемой проблеме, нужен ещё один довод, их упраздняющий. Он сопряжен с самоотрицанием, саморазрушением бытия советской цивилизации и её идентичности: «Как бы русские ни оплевывали коммунистический период своей истории, как бы ни усердствовали в разрушении всего того, что было достигнуто за этот период, как бы ни ползали на коленях и ни холуйствовали перед Западом, как бы ни подражали всему западному и как бы ни перенимали все пороки Запада, Россия все равно никогда не станет частью Запада» [10, с. 43].

Наконец, перед завершением анализа хочу обратить внимание на следующее обстоятельство. Зиновьев не был бы Зиновьевым, если бы в его построениях не содержалось доли надежды. Нет, надежды, не связанной с возрождением идеологии коммунизма (марксизма-ленинизма-сталинизма), ибо вероятность это ничтожна в т.ч., из-за несоответствия её содержания – реальности XXI века. И это при том, что на западнистский путь к сверхобществу, как прямая противоположность коммунистическому, уже встали страны и народы планеты.

Тем не менее, социальная «точка роста» человечества возможна и желательна, причем, как преодоление (отрицание!) западнизма и коммунизма, в т.ч. негативных последствий осуществленных ими экспериментов. В первом случае это «дефекты», как обратная сторона «добродетелей» при советизме, а именно, гарантированные основные жизненные потребности имеют следствия в виде сравнительно низкого уровня удовлетворения потребностей, подчинение индивида коллективу, неравенство в распределении благ, принудительный труд, низкий уровень деловой активности. Во втором – прямое и безответственное разрушение природной среды, массовые эпидемии, технизация жизни, тотальное помутнение умов и моральная деградация, наконец, деградация духовной культуры.

В конце концов, многовековая эволюционная логика (борьба, отбор, наследственность) породила «физически могучего и

интеллектуально примитивного *мирового насильника*» [12, с. 227] (выделено мной – Д.М.). Т.е., западный путь в будущее квалифицирован как тупиковый. Отсюда задача по созданию «Партии будущего», которая возьмет на себя нелегкое бремя разработки и адаптации новой идеологии для посткоммунистической России и человечества.

В этой связи приведу два важных, на мой взгляд, высказывания мыслителя непосредственно касающихся формы и направленности эволюционного процесса.

Первое сопряжено с единственной референцией – коммунистическим идеалом, как абстрактным образом искомого объекта, равно как его несовершенными инкарнациями в СССР и странах социалистического лагеря: «Реализация коммунистического идеала, какая бы она ни была, не могла не сказаться на судьбе самого идеала... Ориентация на этот опыт в корне меняет сам социальный тип идеала, его конкретное текстуальное содержание, сферу его распространения (пропаганды) механизм его воздействия и вообще весь комплекс явлений, так или иначе связанных с социальными процессами эволюционного масштаба» [12, с. 232]. Более того, этот новый идеал адресован России и человечеству!

Второе указывает на отрицательный канал эволюции и его субъекта: анти-референтом в процессе разработки и внедрения нового социального идеала выступает именно Запад (и западнизм), поскольку предложенный им опыт шествия по дорогам Истории едва ли является «непреходящим, универсальным, закономерным» [12, с. 233].

Тем самым, подводя итог проведенному рассмотрению категориального каркаса зиновьевской версии эволюции человечества и обнаруженной «осевой» проблемы соотношения двух субъектов – советской и западной цивилизации, плюс двух форм и векторов таковой, можно заключить: советская и западная цивилизации в XX веке претендовавшие на роль пионера в социально-эволюционной динамике не только разнятся структурно-онтологически (на уровне проектов, условий их реализации, социальной организации и человеческого материала, ценностей и идеалов), но образуют в принципе несовместимый узор исторического праксиса. Но в этом качестве оба полюса диалектически взаимосвязаны (не только теорией конвергенции), но способностью переходить в свою противоположность. Однако вопрос об их реальном единстве снят,

поскольку грядет «борьба человечества за социальный идеал, альтернативный западнизму».

Ссылки:

1. Заседание «Зиновьевского клуба в МИА Россия сегодня 28 мая 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/analytics/20150611/1069500954.html>

2. Одно из наблюдений А.С. Панарина гласит: «Запад идентифицирует себя как техническая цивилизация и в своем противостоянии не-Западу уповает только на техническое могущество». – Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории / А.С. Панарин. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 70: Между тем, СССР попытался также реализовать «прометееву волю» в виде ГУЛАГА, но его культурная память не позволила сделать это последовательно и до конца, поскольку «анти-Идея», апеллирующая к духовно-нравственным устоям, таки поломала логику Модерна, и что само собой разумеется, ломает на наших глазах логику Постмодерна. – Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории / А.С. Панарин. М.: Изд-во МГУ, 1999. 288 с.

3. К примеру, С.Г. Кара-Мурза полагает, что «Между Западом и Россией издавна существует напряженность, неизбежная в отношениях между двумя разными цивилизациями, одна из которых очень динамична и агрессивна (Запад немыслим без экспансии)» Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация / С.Г. Кара-Мурза. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. Книга первая. От начала – до Великой Победы. С. 400. Однако у него «главная разница и принципиальная несовместимость», помимо отличающегося социогенеза, антропологических типов, форм народного представительства, морали и права – состоит в нетождественных представлениях о целях жизни и блага в религиозно- и идеократически-ориентированном типах общества – с одной стороны, и гражданском обществе с доминирующим в нём «механизме» манипуляции – с другой. См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация / С.Г. Кара-Мурза. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. Книга первая. От начала – до Великой Победы. 640 с.;

4. Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца / А.А. Зиновьев. М.: Астрель, 2008. 605 [3] с.: 16 л. ил.

5. Зиновьев А.А. Логический интеллект / А.А. Зиновьев. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. 284 с.

6. Шемякин Я.Г. К вопросу о методологии цивилизационных исследований / Я.Г. Шемякин // Цивилизации. Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. С. 27 – 57.

7. Муза Д.Е. Прологомены к созданию интервальной модели истории / Д.Е. Муза // Академия знаний. Научный журнал; [под. ред. Ф.В.Лазарева]. – Симферополь: МАДН, 2010. № 3. С. 44 – 51; Муза Д.Е. Диалог современных цивилизаций как средство коррекции глобализации / Д.Е. Муза // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011»: «Пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления». Москва, 18 - 22 мая 2011 г. / Под общей ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. В 2-х тт. М.: МАКС-Пресс, 2011. Т.1. С. 65 – 66; Муза Д.Е. Глобализация и опыт дифференциации гражданской самоорганизации / Д.Е. Муза // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Научный журнал. Серия: Философия, социология. Том 25 (64). № 3. Симферополь: ТНУ им. В.И. Вернадского, 2012. С. 3 – 9; Муза Д.Е. Глобальная «кризис-матрешка»: новые вызовы и перспективы / Д.Е. Муза // Материалы Международной научно-практической конференции «Гражданское общество: истоки и современность». Севастополь: Крымская ассоциация философов, 2013. С. 42 – 43; Муза Д.Е. Глобализация как системная вестернизация мира: опыт исторической реконструкции / Д.Е. Муза // Ноосферный проект социоприродной эволюции: поиск алгоритмов устойчивости (коллективная монография) / Отв. ред. проф. Муза Д.Е. Донецк: ДонНТУ, Технопарк ДонНТУ УНИТЕХ, 2014. С. 64 – 87; Муза Д.Е. В поисках ценностных оснований для диалога современных культур / Д.Е. Муза // Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты // Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева / Под общей редакцией Мамедова Н.М., Чумакова А.Н. Ответ. ред. Гезалов А.А., Мамед-заде И.Р. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С.165 – 176.

8. Рашковский Е.Б. Глобалистика и мир цивилизаций: теоретические вопросы / Е.Б. Рашковский // Цивилизации в глобализирующемся Мире. Предварительные итоги

междисциплинарного проекта. По материалам научной конференции / Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 112 – 117.

9. Зиновьев А.А. Логическая социология / А.А. Зиновьев // Зиновьев А.А. Логическая социология: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 4 – 374.

10. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма / А.А. Зиновьев // Зиновьев А.А. Запад: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 29 – 416.

11. Муза Д.Е. Зиновьевская версия прогностики глобальной социальной эволюции: концептуальная схема и принципы верификации / Д.Е. Муза // Зиновьевские студии: научное издание. Донецк - Москва: «Цифра», 2013. Выпуск 4. С. 10 – 15.

12. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего / А.А. Зиновьев. М.: Алгоритм, 2003. 240 с.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РОССИИ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИУМА

С.Н. Некрасов

Научная культура и создание новой картины мира будет главным условием для победы в боях цивилизаций XXI века за будущее. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения, с ее универсальными гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, которые породили проект архаичного фашизма. Западная наука об обществе отражает такой тип общества, в котором чётко обособлены экономическая, социальная и политическая сферы. Возникает вопрос: как можно с помощью такой науки изучать докапиталистические, антикапиталистические, социалистические социумы? В таких обществах в XX в. развивались собственные науки, которые довольно успешно обеспечивали их динамику и конкурентоспособность. Поскольку великие державы и великие глобальные социумы строились на великих идеях, то возникает вопрос – какова может быть великая идея России в условиях действующего конституционного запрета на единую государственную идеологию? Эта идея требует создания новых наук для обеспечения перехода к новому мироустройству, который следует сравнивать с переходом от первобытности к классовому обществу. Новое общество строится на неоиндустриальной базе и Россия как страна-мессия проекта русского Сверхмодерна призвана возглавить движение человечества к прогрессу и свободе от природных сил и социальных стихийных сил, ведущих к регрессу и фашизму.

Ключевые слова: евразийский социум; интеграционная научная модель; неоиндустриальная модернизация; новая гуманитарная наука.

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, то нам нужна наука и научная культура, методологически и понятийно адекватная нашему социуму, а не вталкивающая его в прокрустово ложе западных модернизационных или восточных традиционалистских схем. Также

нужно своё обществоведение, а точнее – нужны социальные системологии повседневности для каждой крупной исторической системы. В перспективе для каждой системы должны быть созданы свой понятийный аппарат, особый набор дисциплин, свой язык. Как показывал А.А. Зиновьев, социология и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуалогия, капиталоведение), которая, в свою очередь, не может быть ничем иным, как элементом оксидентализма – науки о Западе. Именно поэтому его книги о Западе как неангажированный взгляд на западную повседневность изнутри как на «западнизм» оказались востребованы на Западе, несмотря на их шокирующие названия и неологизмы: «глобальное (западнистское) сверхобщество», «глобальный человек», «западнизм», «западоиды», «западнистские клеточки», «идеосфера западнизма», «денежный тоталитаризм» [4]. Известно, что Запад не удовлетворился образом «азиатский способ производства» и создал ориентализм – науку как форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой науки о самом себе. И сегодня перед нами в России возникла необходимость создать реальную социальную науку, как это делал Запад в эпоху становления модерна и как это осуществил К. Маркс в «Капитале», а позднее В.И. Ленин в царской России.

Необходимость формирования новых наук об обществе

Научная культура и создание новой картины мира станет главным условием победы конкурирующих цивилизаций в битвах XXI в. за общее посткапиталистическое будущее. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения с её универсалистскими гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, уже породившими проект архаичного фашизма. Вместе с эпохой Просвещения исчезают модерн, капитализм, сам библейский толпоэлитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет. Классическое понимание религии как связи человека с Богом оставляет за пределами понимания изменяющийся в различных цивилизациях характер Абсолюта. Но сакральность – главный признак всякой религии и соответствующей ей политической культуры как поклонения Абсолюту. Проблема модернизации России в условиях конкуренции мировых культур может быть теоретически

поставлена, если опираться на расширенное понимание В.С. Соловьевым религии как связи с абсолютным. Это позволит на практике интегрировать научную веру и религиозную веру, конфессии и политическую культуру нашей Родины в качестве ценностей нового осевого времени всего человечества. Зафиксированное Д.В. Пивоваровым деление связи с Абсолютом на связь с космосом, с социальностью, эгоцентрические религии индивидуального поклонения позволяет интегрировать религии и конфессии в более широкой исторической рамке русской цивилизации [10].

Очевидно, что в традиционных обществах интерактивные формы и инновационные технологии не нужны ни при изучении научного коммунизма или бахаизма, ни маоизма и даосизма, ни чучхе и евразийства – список можно продолжить. Все перечисленные идеологии уникальны, ибо не являются классическими религиями и консолидируют традиционное общество именно как идеологии. В западной цивилизации идеологии сформировались поздно, по сути в XIX в., и развивались на базе крушения космоцентрических религиозных конструкций, то есть при модернизации общества. Понятно, что инновационные технологии развития социума и интерактивные формы обучения инновациям востребованы в первую очередь при переходе сознания к рыночной рациональности, которая выступает одной из множества интерпретаций мотивов поведения индивидов. И когда чиновники РФ пытаются представить образовательную систему как «рыночную услугу», они при помощи новых форм обучения строят в нашей стране чисто западный образ человека – Homo Economicus. Существует и классификация типов индивидуального поведения при модернизации сверху (по Э. Роджерсу): новаторы, ранние последователи, раннее большинство, позднее большинство, отстающие. В сущности в этих терминах можно описывать механизм «цветных революций», инспирированных извне [11]. Данная ситуация переориентации личностей на новые ценности отражает взаимоотношения между так называемыми мирами в современном глобальном мире. Всего выделяется семь миров, или институциональных подсистем: рыночный мир, индустриальный мир, традиционный мир, гражданский мир, мир общественного мнения, экологический мир, мир вдохновения и творческой деятельности. Каждый из них может быть классифицирован по особому источнику информации. В евразийской цивилизации эти миры перемешаны,

причём лидируют не рыночные ценности [9]. Поскольку в постсоветской России в качестве универсальной гуманитарной технологии последние 20 лет внедряют систему западного рыночного мира, неудивителен конфликт между ценностными системами в жизни и сознании людей. Преподаваемые сегодня в вузах науки об обществе возникли как средство понимания реальности в интересах определённых групп и навязывания этого понимания другим группам [6]. Они возникли как единая гуманитарная технология, с помощью которой господствующие в XIX-XX вв. группы могли объяснять мир и подавлять все остальные точки зрения как донаучные. Социальные науки западного образца эпохи модерна как гуманитарные технологии власти в их англосаксонском виде, закреплённом в структуре УМКД, возникали благодаря практическим нуждам: необходимости анализа рынка, создания новых институтов, потребности объяснять и контролировать негативные процессы.

Все эти концепции построены на формально отсутствующей идеологии марксизма, когда в мире победила новая версия марксизма на базе либерализма (потребительский капитализм) над его старой версией, при которой надо было в рамках социализма ждать наступления мифического коммунизма. С.С. Царегородцев пишет: «Ключевой момент современного (капиталистического) варианта марксизма в том, что для удовлетворения своих потребностей и реализации «красивой» жизни человеку не нужно ждать наступления мифического коммунизма, а можно достичь всего здесь и сейчас... Вместо лозунгов и призывов строить коммунистическое общество, идеологи капитализма обращаются непосредственно к животным проявлениям природы человека. В точном соответствии с базовыми положениями марксизма это пропаганда культа потребления, денег, отдыха, войны всех против всех» [14].

Поскольку великие державы и глобальные социумы всегда строились на великих идеях, то возникает вопрос – какова может быть великая идея России в условиях действующего конституционного запрета на единую государственную идеологию? Политтехнолог О.А. Матвейчев замечает, что именно «коммунизм обращался ко всем на Земле с идеей справедливости. Либерализм – с идеей свободы. Великими становились те нации, которые не навязывали свою национальную специфику и не говорили всем о своих прагматических интересах, а те, кто давал миру некий всеобщий принцип» [7]. Все

сказанное означает, что та национальная философия, которая поднимется над своим национализмом, сделает великой и свою нацию, которая встанет во главе мировых процессов. Любопытно, что все мировое развитие и футурологическое прогнозирование указывает на Россию, которая в результате разрушительной деятельности либерал-реформаторов находится в состоянии абсолютного постиндустриального общества, а потому обладает наибольшими возможностями к неоиндустриальному прорыву в будущее [7].

Западная наука об обществе с её методами, понятийным аппаратом и «сеткой» дисциплин отражает такой шизофренический тип общества (Ж. Делез), в котором чётко обособлены экономическая, социальная и политическая сферы. Это индустриальное общество «второй волны», в котором власть отделена от собственности, религия - от политики. Естественно возникает вопрос: как можно с помощью такой науки – слепка с классического буржуазного общества – с её мультикультуральными дисциплинами, методами и понятиями изучать не буржуазные, не капиталистические социумы? Речь идёт в первую очередь о евразийских социумах, где власть не отделилась от собственности, где есть целостность, где, как в России, по словам А.С. Пушкина, единственный европеец – это правительство. В таких обществах в XX в. развивались собственные науки, которые успешно обеспечивали динамику и конкурентоспособность таких обществ. Так, в Советском Союзе сформировались оправдавшие себя в управлении массами культурно-идеологические конструкции: диалектический и исторический материализм, научный коммунизм и научный атеизм; в Третьем рейхе развивались учения Горбингера и продукция Анненербе, а в начале XXI в. в Северной Корее торжествует неконсьюмеристская идеология чучхе, в КНР – контркоррупционные технологии маоизма, в Венесуэле – идеи просвещённого боливаризма, в Чили вернулись к власти сторонники С. Альенде и идеи обновлённого социализма. Все эти технологии носят мессианский народный характер и имеют глубокие научные корни. Если не учитывать эти корни, то остаётся лишь восклицать, как это делал на теледебатах директор Института истории России А.Н. Сахаров: «Я верю в мистическую силу русской равнины». Но чем это отличается от ведущего тезиса программы гитлеровской НСДАП «Мы верим в силу колосющихся полей пшеницы, в труд крестьянина»?!

Западная наука и кризис постмодерна

Западная наука нашего времени как идеология модернизации отсталых обществ и технология формирования постиндустриального общества не пригодна для понимания жизни в становящихся и живых евразийских социумах, в которых рынок интегрирован в традиционные структуры производства и обмена, а потому его развитие не требует выделения из них и превращения в капитализм. Между тем официальная наука только из вежливости не использует термин «капитализм», но, говоря о рыночной экономике, подразумевает капитализм западного типа. Этот капитализм является иллюзией контроля среды и мира. Р.Е. Нисбет утверждает, что «мир западников не столь контролируем, как это предполагается. Эллен Лангер описывает «иллюзию контроля», которую она определяет как веру в то, что личный успех значительно больше, чем его объективное измерение. Иллюзия в ряде случаев может быть полезной вещью, но не более» [15]. В этих условиях применение понятий и даже дисциплин, которые суть рациональные рефлексии по поводу буржуазного общества, к обществам не буржуазным лишь искажает реальность последних, превращает их в негативный слепок западного общества, записывает в разряд туземных обществ, пополняющий список держав «оси зла». В научном плане это ведёт к ложным схемам, а с точки зрения практики приводит к катастрофическим последствиям вроде подписания в 2014 г. договора ЕС как цивилизованного сообщества и объявленной недоразвитой («развивающейся») Украины как протектората ЕС.

Аналогичным образом в трагической истории перестройки и ельцинского режима обстояло дело с наложением дисциплинарной и понятийной (идеология, мифология, класс, бюрократия) сеток западной науки на советское общество. В результате уже в 1970-х гг. в ходе утраты культурного суверенитета мы в СССР получили ряд бесперспективных наук-мутантов: «политэкономии социализма», «социологию советского общества», «политологию советской элиты». По ту сторону «железного занавеса» нас изучали не при помощи этих наук и не в терминах академической социологии, но при помощи практических технологий советологии, кремленологии, руморологии. Именно поэтому генералами-победителями в войне с СССР 1946-1992 гг. были объявлены социологи и советологи. Генералами-

победителями в этой войне, как отмечалось на торжественном заседании Конгресса США, были женщины-социологи, советологи, и именно они после парада Победы в Вашингтоне были награждены постами и медалями за победу в войне.

В перестройку возникла тенденция к сглаживанию противоречий между основными подходами к изучению общественных изменений: цивилизационным, формационным и модернизационным. В условиях реформирования российского общества стремление к повышению качества жизни стало признаваться как глобальный процесс модернизации, присутствующий во всех обществах. Но встали вопросы о направлении модернизации. Возможна либеральная «модернизация вдогонку», где модернизация увязывается с десталинизацией, как это было на пике требований гражданского общества в 2010 г. Возможна опережающая петровско-сталинская мобилизационная модернизация, результативна адаптивная госмодернизация в духе Ф.Д. Рузвельта и Ш. де Голля, и, наконец, разрушительной силой обладает диверсионно-конверсионная модернизация М. С. Горбачева.

Сегодня существуют несколько мир-систем на планете, и все они обладают собственными культурными технологиями формирования традиционного образа жизни, а потому требуют для понимания в системе русского евразийского сознания обучения переходным программам-трансформерам. В случае непонимания специфики систем можно утратить собственную систему ценностей, запустить в неё чужие программные коды под видом гуманитарных технологий. В середине 1980-х гг. западные политологи говорили о нескольких чертах, характеризующих «современное демократическое общество», и отмечали, что СССР для перехода в состояние «открытого общества» не хватает двух-трёх социальных характеристик. М.С. Горбачев по их совету попытался добавить в наш социум нужные характеристики: «права человека», «демократию», «рыночные реформы». Эти характеристики ограничили закон о кооперации, привели к разрушению системы управления предприятиями, к отмене монополии внешней торговли, уничтожению Госплана и Госснаба. Напротив, как показывает Т. Харфорд, Китаю удалось удержать промышленный сектор под контролем планировщиков из Госплана, что позволило плавно перейти от маоистской утопии к современному обществу, экономика которого в истекшем году стала первой в мире [16].

В сегодняшнем мире, для которого характерен кризис классического проекта модерна эпохи Просвещения, возникли несколько радикально друг от друга отличающихся социумов: реализованный проект постмодерна (Запад), реализующийся западными державами в арабском мире в духе ориентализма и погружения в регресс проект контрмодерна, развивающийся региональный модерн на Дальнем Востоке и в Китае. В этом мире столкновения глобальных проектов у России с её евразийскими союзниками по БРИКС и ШОС остаётся возможность вписаться в один из проектов. Или же ей следует реализовать «русский сверхмодерн» по аналогии с рывком, совершённым Советской Россией в 1930 г. Такой прорыв возможен только на базе адекватного понимания собственного традиционного социума и разработки своих гуманитарных технологий использования российской повседневности, типы которой описаны в классической русской литературе.

Россия даст миру мир и неоиндустриализм

Нам в системе науки и высшего образования нужны принципиально новые науки о России, Западе и других социальных системах, а также переходная интегральная гуманитарная дисциплина, делающая универсальными эти науки. Именно они нуждаются в эпоху отечественного неоиндустриализма в инновационных технологиях и формах обучения. Остро стоит перед нами необходимость создать реальную социальную науку и использовать её в качестве оружия в борьбе с чужими гуманитарными технологиями. Такое оружие политической элите России понадобилось в 2012-2013 гг., когда возникла необходимость обретения полноты суверенитета России и выборе пути развития страны. А.И. Фурсов пишет: «перед нами три различных кризиса: системный формационный; системный формационно-цивилизационный... и системный социобиосферный» [12]. Наиболее перспективной для выхода из «смуткризиса» является евразийская цивилизация с неоиндустриальным вектором развития на исторической территории русского народа, она является эмбрионом глобального сверхобщества, формирующегося на планете Земля и в освоенном человечеством космическом пространстве.

Советская индустриализация спасла мир от фашизма, создала СССР, оформила первую историческую версию социализма. Однако

новая советская интеллигенция не стала выполнять функции органического интеллектуала рабочих и крестьян и предпочла предать свой народ, из которого она вышла. В отличие от простых диссидентов, предпочитавших все просто отрицать, интеллектуальные инакомыслящие предпочитали создавать альтернативные концепции. Так, С.Г. Кара-Мурза рассказывает о возникновении в 1952 г. Московского методологического кружка, основатели которого создавали почву для будущей контрреволюции, которая потом открыто развернется [5]. Нам вновь следует стать умными детьми социализма, т.е. взрослыми людьми в отношении тиражируемых мифов конца предыстории и постиндустриализма, столкновения цивилизаций. Еще 30 лет назад ни один советский человек, образованный и слушающий лекции общества «Знание» не поверил бы в мифологемы международного терроризма, исчерпания природной среды, устойчивого развития. Пора вспомнить и опыт предков, понять, что мы живем не в «конце истории», но в начале подлинной истории человечества, переходом к которой может стать разрыв с веригами постиндустриализма и переход к русскому неоиндустриализму как сверхиндустриальному развитию общества. В сущности, нам рассказывают транслируемые прессой сказки для взрослых, а названия философских, политологических, геополитических трудов свидетельствует о том, что мы-де «разочарованы в культуре», ожидаем «смерть человека», предпринимаем деконструкцию перформативного дискурса, слушаем «новых философов» на их «философском базаре», накрываемся «третьей волной» и живем в «мегатенденциях» «футурошока», страдаем от «великого разрыва» и «мутации культурной парадигмы», ужасаемся упадку «физической экономики» и объявляем «финис мунди». А.И. Фурсов замечает также, что все чаще появляются книги с символическими названиями «Конец прогресса», «Поминки по Просвещению», в результате «стремительно деградируют наука об обществе (детеоретизация, мелкотемье) и образование» [13].

Первый старт новый тип общества на планете сделало в Парижской коммуне. Старт длиной в 70 дней. Второй старт – октябрь 1917 г. на 70 лет. Третий старт неизбежен, можно предположить, его начало в 2017 г. (сравните менталитет нашего общества в 1915 г. и в 2015 г.) Старт возможен в группе стран или как бриколлаг – наложение на стартовую площадку стран второго старта. В любом случае третья

форма нового мироустройства – всерьез и надолго и история не имеет предела. Возможно, здесь начинается геометрическая прогрессия – 70 дней, 70 лет и 26 000 лет. Старт возможен только как сознательное действие масс – Всемирный интернетный съезд альтерглобалистов, неоевразийцев и просто взрослых людей. К. Агитон в концепции альтернативного глобализма демонстрирует широкий фронт новых мировых движений протеста [1]. Современная мировая антибуржуазная мысль в основном направляется в сторону развития теории и практики антиглобалистского движения [2]. Реальным вектором развития вновь становится классово-идеологическая проблематика борьбы цивилизаций. Теоретически вновь действует формула «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся». Речь идет о глобальном коллективном работнике, об этом свидетельствует анализ трансформационных процессов, развивавшийся учеными начала сопротивления ельцинскому режиму [3]. Вообще переход к новому мироустройству следует сравнивать с переходом от первобытности к классовому обществу, а это был период многих тысяч лет. Новое общество третьей решающей попытки управления совокупного работника будет носить синтетический характер, поскольку строится на неоиндустриальной базе и Россия как страна-мессия призвана возглавить движение человечества к прогрессу и свободе от природных сил и социальных стихийных сил, ведущих к регрессу и фашизму.

Ссылки:

1. Агитон К. Альтернативный глобализм. М.: Гилея, 2004.
2. Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского» движения. - М.: УРСС. 2003.
3. Бузгалин А.В. Будущее коммунизма. - М.: Олма-пресс, 1996. - с. 83.
4. Зиновьев А.А. Фактор понимания. - М.: Алгоритм, 2006. - с. 526.
5. Кара-Мурза С. Антисоветский проект. - М.: Алгоритм, 2002. - с. 11.
6. Ларуш Л. Вы бы на самом деле хотели бы знать все об экономике? - М.: Шиллеровский институт, 1992. - с. 59.
7. Матвейчев О.А. Суверенитет духа. - М.: Поколение, 2008. - с. 256.

8. Некрасов С.Н. Какая философия нам нужна. 250 классических взглядов на будущее. - Екб.: 2009.
9. Олейник А. Институциональная экономика: учебно-методическое пособие // Вопросы экономики. - 1999. - № 1–12.
10. Пивоваров Д.В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. - Екб: УрФУ, 2013. - глава 2.
11. Социетальность инноватики. Коллективная монография. - Тюмень: ТюмГУ, 2014. - с. 42-43.
12. Фурсов А.И. Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. - М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2014. - с. 222.
13. Фурсов А.И. Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. - М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2014. - с. 223.
14. Царегородцев С. Механизм управления обществом. Как преодолеть догматизм современной философии. - М.: Print up. - с. 28.
15. Nisbett R.E. The geography of thought. Why Asians and Westerners think differently and why. - N.Y.: Free press. 2003. - p. 100.
16. Harford T. The undercover economist. - L: Abacus. 2006. - p. 243.

ЗИНОВЬЕВСКАЯ ПАРАДИГМА ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ И СОЦИОЛОГИИ ОБЩЕСТВА

А.И. Субetto

В статье показывается, что основанием научной системы А.А.Зиновьева является своеобразная зиновьевская парадигма социальной эволюции и вытекающая из нее зиновьевская парадигма социологии.

Ключевые слова: общество, социализм, капитализм, механизм, деньги, денежный механизм, функция, империализм.

Александр Александрович Зиновьев (1922 – 2006) – мыслитель космопланетарного масштаба, Титан Эпохи Русского Возрождения, ее вернадскианского цикла. Он в своем творчестве также противоречив, как и эпоха советской цивилизации, его породившая.

Эпоха Русского Возрождения, в моей оценке, охватывает период с XVIII века по нынешний, текущий XXI век, имеет 3-цикла – петровско-ломоносовский, пушкинский, вернадскианский. Последний цикл мною назван в честь Владимира Ивановича Вернадского. Эпоха Русского Возрождения – явление однопорядковое с явлением Эпохи Западноевропейского Возрождения, но «иное», точно так же, как «иным» является российская цивилизация по отношению к европейской, или «западной», и имеет космоноосферный вектор своей устремленности.

А.А. Зиновьев – это мужественный мыслитель, беспощадный в оценках, как по отношению к себе, так и к миру, в котором он жил. Это был человек, пронесший юношеский максимализм через всю свою жизнь. Он сам признавался, что советская школа 30-х годов воспитала в нем коммуниста-идеалиста, *«настоящего коммуниста»*.

Александр Александрович писал о себе: «Я рос и формировался в сознательную личность во время, когда идеи коммунизма имели сильное влияние на молодежь. Я сформировался, как и многие другие молодые люди моего поколения, как идеалистический или романтический коммунист, коммунист по психологии. Мы называли таких коммунистов «настоящими». Что это такое, некоторое

представление дает книга Н. Островского «Как закалялась сталь», а также книги других советских авторов тех лет» [1, с. 89].

В настоящей статье я, т.е. автор, пытаюсь осмыслить особенности зиновьевского подхода к проблеме общественнознания. На мой взгляд, можно говорить о *зиновьевской парадигме социальной эволюции и вытекающей из нее, как своего основания, зиновьевской парадигме социологии как науке*. В данной постановке представляемая статья опирается на анализ, который я выполнил в небольшой работе «Интеллектуальный космос А.А. Зиновьева» (2012) [2].

Теория социальной эволюции (или теория эволюции общества) А.А. Зиновьева опирается на логику «движения» эволюции от «предобщества» – к обществу, и от общества – к сверхобществу.

Эволюция предстает как наращивание системных уровней социальной организации.

«Сверхобщество» появляется как *социальная надсистема над системными образованиями национальных обществ и соответственно национальных государств*, базирующаяся на «сверхэкономике», которая «властвует» над «экономиками первого уровня» (экономиками национальных обществ) и которая использует «внеэкономические средства», а именно – «политическое давление и вооруженные силы» [3, с. 19].

По А.А. Зиновьеву XX век дал два примера таких «сверхобществ» – западное сверхобщество, которое он называет, с учетом тенденции глобализации, *глобальным «человеиником»*, и систему мирового социализма – «реальный коммунизм», олицетворяемый в первую очередь СССР. После того, как распался СССР, и реальный коммунизм, по его оценке, погиб, в мире осталось одно такое «сверхобщество» – это «Западное общество».

При этом, у него «сверхобщество» имеет две семантические характеристики:

- *и как «сверхобщество», в котором национальные общества выступают его подсистемами, частями единого социального организма – «человеиника»,*
- *и как «сверхобщество», т.е. социальное образование верхнего уровня, – образование интернационального управляющего класса, на языке моей теории капиталократии [4] – мировой финансовой капиталократии.*

Переход к «западному сверхобществу» А.А. Зиновьев назвал «переломом» в социальной эволюции человечества, который, по его оценке, ни западными, ни отечественными социологами не осознан. Он писал: «...есть много препятствий на пути познания сущности перелома, о котором идет речь. Это не так-то просто сделать даже при самых благоприятных условиях. Для этого нужно время. Нужны усилия многих профессионально подготовленных исследователей. А главное препятствие – всеобщее состояние умов людей, вовлеченных в происходящий эволюционный процесс, привычные социальные концепции, бесчисленные предрассудки и мощнейший поток дезинформации, обрушившийся на сознание людей из современных средств массовой информации и культуры. К тому же сам перелом вступил в противоречие с достижениями западной цивилизации, которые считались и до сих пор еще признаются величайшими достижениями прогресса человечества, *так что познание сущности перелома становится одним из сильнейших табу современности*» (выдел. мною, С.А.) [5, с. 10].

А.А. Зиновьев обращает внимание на *появление западного тотального капитализма*, в котором все становятся или акционерами, или вкладчиками, или должниками, или кредиторами, т.е. участвуют в движении капитала. Появляются «наднациональные экономические гиганты», ведущие себя как «суверенные человеичники», и если они кому-то подчиняются, то «глобальному денежному механизму» [5, с. 49, с.50].

Мною этот процесс описан в несколько в иной понятийной системе и логике в «Капиталократии» (2000) и в «Ноосферизме» (2001) *в форме «монетарной революции» в бытии капитала и становления Глобальной Капитал-Мегамашины.*

А.А. Зиновьев обращает внимание на то, что «денежный механизм в его высшей функции власти над экономикой и над человеичником вообще определяет судьбы социальных феноменов огромного масштаба: экономических империй, отраслей экономики, слоев населения, народов и целых регионов планеты. Он определяет социальную стратегию большого исторического масштаба. Очевидно, например, планирование и руководство в истории операций Запада, именуемой «холодная война», и финансирование (т.е. траты на нее) было делом рук денежного механизма Запада. Теперь он стал явлением глобального масштаба» (выдел. мною, С.А.) [5, с. 54].

По моей оценке, в рамках разработанной мною теории капиталократии и глобального империализма [4, 6], глобальный денежный механизм, пытающийся управлять историей глобального капитала и всего человечества, – и есть строй мировой финансовой капиталократии.

Фактически, в моей оценке, под глобальным человеиком и западным «сверхобществом» Зиновьев описал глобальный империализм, который стремится поставить под свой контроль все ресурсы земного шара, а страны, находящиеся за пределами своей метрополии, – в колонии.

А.А. Зиновьев замечает, что «на деле западнизация», совершаемая под прикрытием лозунгов о свободе и демократии, имеет перед собой реальную цель «довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному существованию и развитию, включить их в сферу влияния и эксплуатации западных стран, присоединить их к западному миру не в роли равноправных и равномогущих партнеров, а в роли зоны колонизации. Западнизация не исключает добровольность со стороны западнизируемой страны и даже страстное желание пойти этим путем. Запад именно к этому и стремится, чтобы намеченная жертва сама полезла ему в пасть да еще при этом испытывала благодарность. Для этого и существует мощная система соблазнов и идеологическая обработка» (выдел. мною, С.А.) [5, с. 73]. Не в этой ли зиновьевской логике западнизации как экономической колонизации со стороны глобального империализма разворачиваются в последние годы события на Украине? – Ответ: в этой логике.

Само понятие «человеик» для А.А. Зиновьева служит синонимом инвариантной социальной организации коллективов людей, эволюция которой и позволяет выстроить *социальную комплексную логику эволюции, вершиной которой становится «перелом», как переход к «глобальному человеику»* [3].

За этим образом «глобального человеику» в описании А.А. Зиновьева предстает картина капиталистического расчеловечивания человека, превращения его в «капитало»- или «денежно-управляемого» робота, подчиненного целям воспроизводства глобального капитала. Этот человек – «западоид» – управляется простыми формами наслаждений. Вот размышления героя «Глобального человеику»: «Наши психологи и социологи

утверждают, будто такое состояние личности многих западоидов вроде меня объясняется потерей смысла жизни. Но в смысле слова «потеря», чтобы что-то потерять, надо это иметь. А я ничего не терял, у меня изначально не было ничего такого, что можно потерять. Да и что такое смысл жизни?» [3, с. 281].

«Заподоид» – это робот, который не может ничего терять, ни иметь смысл жизни, потому что он робот. «Посещаю тошнотворную школу секса. Экономлю на всем, чтобы платить за нее. Бросить ее не решаюсь, боясь осуждения со стороны Ро» [3, с. 281].

Фактически, А.А. Зиновьев показал, что победа «западнизма», «глобального человеенника», на моем языке – глобального империализма, оборачивается Катастрофой Человека, которую, если глубоко осмыслить содержание «Глобального Человеенника», и описал он с сарказмом. Здесь Александр Александрович Зиновьев, как и в других своих работах, предстает как великий гуманист нашего времени, «вернадскианского цикла» Эпохи Русского Возрождения.

А.А. Зиновьев, как философ, посвятивший много времени исследованию логики науки, логики социальной эволюции (он даже разработал теоретическую систему «Логической социологии», 2006), постоянно обращал внимание в своих диалогах и дискуссиях на различие «обывательского» и «научного подходов», которое воспроизводит в определенной степени антиномию ценностного и научного подходов к восприятию мира, которым особенно активно занимались ученые-методологи в 20-х годах XX века.

Н.Д. Кондратьев в «Основных проблемах экономической статистики и динамики» ставит вопрос: могут ли суждения ценности входить в состав науки? По Н.Д. Кондратьеву, суждения ценности, например, общественные идеалы, идеология могут быть «предметом науки, как факты социальной действительности» [7, с. 259], но сама задача «создания научных суждений ценности» является «принципиально неразрешимой», «внутренне противоречивой и потому бесплодной» [7, с. 260]. Н.Д. Кондратьев обращал внимание, что «идеал и система оценочных суждений как таковые не имеют познавательного значения», их «смысл и назначение в другом, чтобы сказать людям, что нужно делать, что нужно одобрять и что порицать» [7, с.262].

А.А. Зиновьев занимает близкую позицию: *по его оценке, доминирование оценочных или ценностных суждений лишает социологию, в целом общественные науки, научности.*

«Обывательский подход», в отличие от «научного подхода», эта такой подход к исследованию общественных феноменов, когда доминируют ценностные суждения. Он пишет: «...большинство понятий, употребляемых в разговорах на социальные темы, утратило научный характер и превратилось в оценочные выражения» [8, с. 32].

«Обывательский подход» – это абсолютизация своего ценностного взгляда на мир и на его основе – прием отождествления «себя» с «другим», без учета того, что у «другого» – другие ценности, другой ценностный взгляд на мир. «Обывательски думающий человек подходит к жизни других людей так, будто он сам находится в их положении и распространяет на них свое отношение к жизни, свои критерии оценок, свои переживания. Он не способен понять того, как сами люди в их положении осознают и переживают свое положение. Такое отождествление характерно как для людей на Западе в отношении жизни советских людей, так и для советских людей в отношении жизни людей на Западе» [8, с. 32].

Отмечу, что замеченная методологическая А.А. Зиновьевым проблема присутствует в исторической этнологии, теории этногенеза Л.Н. Гумилева, как важнейший фактор, различающий этносы по поведению и ценностному отношению к миру, который не раз служил источником межэтнических вражды и непониманий, и даже источником войн [9].

Отмечу, что социологические повести и романы А.А. Зиновьева являются его своеобразными изобретениями, чтобы лучше раскрыть обозначенную рефлексивную проблему коммуникаций субъектов с разными ценностными «матрицами» восприятия мира. И эту линию социологического анализа у него можно назвать *рефлексивной социологией А.А. Зиновьева*.

Мысль А.А. Зиновьева направлена на разрешение указанной антиномии через познание «законов вещей» и «социальных законов», которые не зависят от ценностных суждений и, следовательно, от идеологий, и которые «не меняются в зависимости от места и времени» [8, с. 12]. Именно через такую инвариантность законов (вещей и социальных законов) им формируется основание для научного познания общества, независимо от ценностных суждений.

Здесь кроется источник проводимого им разделения между историческим и социологическим подходами [8, с. 33], поскольку он ищет законы общества, независимые от исторического времени, от

исторической эпохи. «Я не отвергаю роли и пользы историзма в исследовании таких явлений, как социальный строй данной страны. Но я считаю, что ведущую роль в этом должна принадлежать социологической точке зрения. Надо знать, что именно получилось в результате исторического процесса, чтобы разобраться в сущности этого процесса, ибо последняя состоит в результате. Надо понять ставшее общество как данность» [8, с. 33, с.34], а это и есть «задача социологическая» [8, с. 34].

Именно в этой постановке на передний план выходит социолого-логический анализ общества, как данности, и именно в этом видит А.А. Зиновьев научность логической социологии общества. «...пока не будет построена научная теория ставшего общества, все это так и останется лишь историей данного куска мира в данное время» [8, с. 34], – пишет он.

Данная дилемма или оппозиция, которая перешла в противопоставление историзма и социологического подхода у Зиновьева, на самом деле есть проблема понимания диалектической категории «становление» у Гегеля, которая в XXI веке приобрела *проблему соотношения «должного» и «сущего», «прошлого» и «будущего» в общественных науках.*

По моему взгляду, который я аргументирую в своих работах, *в человеческих или «рефлексивных» мирах «должное» является частью «сущего», и познание истины в социально-гуманитарных науках невозможно без синтеза Истины, Добра и Красоты,* в которых критерии «Добра» («должное») и «Красоты» (гармония как закон «целого») корректируют «Истину», чтобы она соответствовала главному – продолжению Жизни на Земле. *Формируется образ Тотальной Неклассичности будущего бытия человечества* [10].

Сущность без генезиса не познается, поэтому диалектика, как диалектика «становления», служит основанием историзма. Здесь, в этом пункте А.А. Зиновьев повторяет К. Поппера в его борьбе против «историцизма», правда, выстраивая свои основания своей позиции в другой логике.

Отсюда рождаются основные постулаты методологии научного познания А.А. Зиновьева в науках об обществе и человеке:

Постулат 1. Человек, как главный продукт эволюции, обладает свойствами, которые не зависят от социальных преобразований [8, с. 16].

Постулат 2. «Социальные проекты» подчиняются одним законам, а деятельность людей – другим законам [8, с. 17].

Постулат 3. «Законы коммунистического образа жизни суть одни и те же для всех времен и народов» [8, с. 12]. «Коммунизм не возникает из капитализма, а он возникает из коммунальных отношений» [8, с. 21].

Постулат 4. «Есть наука в собственном смысле слова как познание объективных законов бытия и т.д.» и «есть наука разрушения» [11].

Постулат 5. Носителем социальной эволюции является «комплекс», как «объединение параметров» или факторов (в него входят «экономика», «система власти», «идеология», «правовая система» и др.), которое отвечает требованиям логической полноты – необходимости и достаточности.

Постулат 6. Социальная система и социальная организация, складываются, по меркам исторического времени, мгновенно, но вследствие сохранения «человеческого материала» и «геополитических условий», в новой системе всегда есть «важные признаки» [12], близкие к разрушенной системе, т.е. *сохраняется определенная преемственность социальных систем.*

Постулат 7. *Социальные революции часто происходят не в логике движения от базиса к надстройке, а в обратной логике: происходит революционная смена надстройки, начинающаяся с захвата власти, а потом строительство под нее базиса в соответствии с идеологией и ценностными установками надстройки* [12, с. 3].

Примером реализации 7-го постулата, по А.А. Зиновьеву, является создание постсоветской социальной системы на территории РСФСР. «Ее создали, она не сложилась естественно историческим путем. В Советском Союзе не созрело буквально никаких условий для создания такой системы. Ее создали искусственно. И уже она стала создавать новый, постсоветский экономический базис, новую постсоветскую идеологическую сферу и все прочие аспекты социальной организации» [12, с. 3].

Уже эти постулаты передают своеобразие выстраиваемой логики научно-социологического мышления по А.А. Зиновьеву. Примером «науки разрушения» по отношению к СССР была «советология», которая была поставлена в США глобальным

империализмом «на службу разрушения Советского Союза», она «была наукой о том, как убить страну» [11].

Отмечу сразу же, что это выделение А.А. Зиновьевым «науки разрушения», которая является оружием глобального империализма мировой капиталократии, было подтверждено монографией – исповедью «экономической убийцы» Дж. Перкинса «Исповедь экономической убийцы», в которой раскрыт был набор «механизмов» экономического захвата независимых стран в колониальную зависимость [13].

Данное своеобразие подхода А.А. Зиновьева к обозначенной дилемме «сущего» и «должного», «истины» и «идеологии» и служит основой его отношения к марксизму. Он говорил, что он, как ученый, не марксист. По его оценке, «марксизм был великой идеологией, величайшей идеологией в истории человечества – как учение, которое мобилизует массы на борьбу. Марксизм, – говорил он, – сыграл огромную роль в построении советского общества. Как идеология. Не научный проект, а идеология» [11]. Один из источников победы в стратегии американцев-советологов по разрушению советского общества по А.А. Зиновьеву – это было то, что было запрещено «научное исследование советского общества в советский период». На научном изучении советского общественного строя он создал свою «уникальную» «теорию коммунизма» [11].

Подчеркну, что с этой системой постулатов, как методологией социального познания, можно спорить. Она несет на себе печать позитивизма, в частности «попперизма» ^[14, с. 226 – 246], с принципом абсолютизации формальной логики и с отрицанием диалектической логики и историзма («историцизма» в терминологии К. Поппера).

В заключение отмечу, что научный, внеисторический объективизм А.А. Зиновьева привел его к отказу от формационного подхода к истории человечества Маркса, к игнорированию современного фундаментального противоречия между капитализмом и социализмом в мире, к игнорированию ленинской теории империализма, как таковой. Он считал, что американская парадигма глобализации победила и что в рамках этой парадигмы возможно управление социальной эволюцией человечества.

А.А. Зиновьев так описывал этот процесс: *«Происходящий процесс объединения всего человечества в единое целое является в реальности покорением всего человечества западным миром как*

единым целым. С этой точки зрения он может быть назван процессом западнизации. Поскольку в западном мире доминируют США, поскольку они распоряжаются большинством ресурсов Запада и планеты, этот процесс может быть назван американизацией человечества. Поскольку над США и над всеми западными странами господствуют сверхобщественные явления, объединяющиеся в той или иной мере в общественном сверхобществе, зоной активности которого становится вся планета, этот процесс может быть назван как глобализация человечества. Можно констатировать как факт важнейшую тенденцию социальной эволюции человечества к объединению его в глобальное сверхобщество, возглавляемое западнистским сверхобществом в рассмотренном выше смысле. Выражения «глобализация», «западнизация» и «американизация» фиксируют фактически различные аспекты одного и того же процесса эволюции человечества, начавшегося во вторую половину 20 века. Этот процесс еще только начался. Им будет заполнена вся история человечества 21 века» (выдел. мною, С.А.) [15, с. 289].

Фактически А.А. Зиновьев в терминах единства западнизации, американизации и глобализации и попытки Запада, вернее западнического сверхобщества, управлять социальной эволюцией подтвердил разрабатываемую мною теорию глобального империализма в начале XXI века. Я подчеркнул выражением «попытка Запада» создать управление социальной эволюцией тот факт, что такого управления в условиях господства капиталократии и мирового рынка, вернее пирамиды капиталократии и пирамиды рынков, быть не может, такое управление невозможно, происходит «возгонка» разрушительной «энергии» стихийного развития мирового капитала и рыночных механизмов на верхние «этажи» этих пирамид, которая накапливается, а потом «взрывается» с огромной, опустошающей все и вся в социальном пространстве бытия человечества, силой.

«Своекорыстие таит в себе безумие» – писал Н.А. Бердяев в 1918 году. Образовался «безумный мир» мировой системы капитализма, который вошел в конфликт с Природой и породил первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы.

Зиновьев же считал, что в рамках господства западнистского сверхобщества возможно управление социальной эволюцией, что я

считаю его заблуждением. Время, XXI век рассудят, кто оказался прав в этих прогнозных оценках.

А.А. Зиновьев – Титан Эпохи Русского Возрождения, творчество которого пришлось на Эпоху Великого Эволюционного Перелома, связанную, в моей оценке, с императивом выживаемости человечества, выхода его из процесса последовательного приближения экологической гибели через ноосферно-социалистическую революцию, переход к управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества [16].

Ссылки:

1. Зиновьев А. Русский эксперимент: Роман/ А. Зиновьев, [Текст] – L'Age d' Homme – Наш Дом, 1995. – 448 с.
2. Субетто А.И. Интеллектуальный Космос А.А. Зиновьева/ А.И. Субетто, [Текст]/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зиновьева. – СПб.: Астерион, 2012. – 36 с.
3. Зиновьев А.А. Глобальный человек/ А.А.Зиновьев, [Текст] – М.: Центрполиграф, 1977. – 459 с.
4. Субетто, А.И. Капиталократия/ А.И.Субетто, [Текст]. – СПб.: ПАНИ, КГУ им. Н.А.Некрасова, 2000. – 214 с.
5. Зиновьев А.А. Глобальное сверхобщество и Россия/ А.А. Зиновьев, [Текст] – Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2002. – 128 с.
6. Субетто А.И. Капиталократия и глобальный империализм/ А.И. Субетто, [Текст] – СПб.: Астерион, 2009. – 572 с.
7. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики/ Н.Д.Кондратьев, [Текст] – М.: «Наука», 1991. – 567 с.
8. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность/ А.А. Зиновьев, [Текст]. – М.: Центрполиграф, 1994. – 495 с.
9. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли/ Л.Н. Гумилев, [Текст]. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 496 с.
10. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие/ А.И. Субетто, [Текст]. – М.: Исследоват. центр, 1994. – 168 с.
11. Искание истины (Философ, социолог, писатель Александр Зиновьев с Виктором Кожемяко)// «Советская Россия». – 1997. – 22 ноября. – №136(11574) – с. 5.

12. Зиновьев А.А. «Псизм»// «Советская Россия». – 2012. – 27 октября. – №120(13773), - с.3, 4.

13. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы/ Дж. Перкинс, [Текст]. – М.: Pretext, 2005. – 319 с.

14. Субетто А.И. Критика «экономического разума»: Научная монография/ А.И. Субетто, [Текст]. – СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 508 с.

15. Ленинская теория империализма и современная глобализация (коллективная монография)/ Под науч. ред. А.И.Субетто. В 2-х кн.: кн. 2. – СПб.: Астерион, 2003. – 496 [756] с.

16. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм/ А.И. Субетто, [Текст]. – СПб.: Астерион, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. – 537 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЗИНОВЬЕВА

А.В. Гиж

Рассматривается проблема методологической обеспеченности социо-гуманитарных рассуждений на примере творчества Александра Зиновьева. Показаны некоторые особенности его социологического дискурса, образующие уникальный личностный стилевой комплекс методологических подходов. Подчеркивается значимость не только логической компоненты его исследований, но также и высоких моральных качеств ученого. Личная научная добросовестность является обязательной предпосылкой работы в любой сфере деятельности, и, в особенности, в деле социо-гуманитарного познания.

Ключевые слова: общество, научная добросовестность, социо-гуманитарные исследования, логика, методология, рациональность, мораль

Александр Зиновьев относится к тому редкому типу ученых ученых-обществоведов, которые сознательно и последовательно делают логику существенной канвой своих исследований. Постоянный учет именно логической составляющей, позволяет – в случае верного выделения и описания социальных факторов – отвлечься не только от их именной характеристики, но также и от предметной, и дать эскизно-верную, качественную картину происходящего в масштабах человеческих обществ, относящихся к жизни в СССР или в странах Запада. Именная характеристика, которую избегал Зиновьев, привязывает описание процессов в обществе к вполне определенной эпохе и социальным институтам. Иными словами, она конкретизирует социологическую картину на фактическом материале текущей эмпирии. Зиновьев его, безусловно, знает, но цитатных ссылок не делает. В одной из работ он объяснял эту стилевую особенность условиями своей жизни. Предметная определенность также устраняет отвлеченное теоретизирование и, надо сказать, Зиновьев ее не полностью игнорирует, периодически приводя поясняющие примеры.

Отсутствие искомой конкретности, как кажется на первый взгляд, легко ведет к произвольным констатациям и субъективизму оценок. Однако в случае зинovieвской социологической мысли происходит замечательная и уникальная метаморфоза: ему удается не только закрепиться и удержаться в русле истинностного социального анализа, но и выйти на предельный масштаб категориальных обобщений, обладающих прогностической силой. Серьезные мыслители никогда не были рабами шаблонных мнений и принятых взглядов и не ограничивали концептуальное видение узкими рамками трактовок исключительно наличного состояния дел. Их эвристическая прогностика обладает удостоверенной исторической практикой познающим потенциалом, а их творчество остается востребованным и актуальным, невзирая на прошедшие после их жизни года, столетия и тысячелетия.

Можно возразить, что выходить за рамки имеющейся злободневности, а также не быть проводником предрассудков есть удел и обязанность любого ученого социально-гуманитарной направленности. И действительно, такой выход является, практически, общим моментом в работе многих профессоров от философии и социологии. Незадача их в том, что этот выход им банально не удается. Слишком многие из них вместо содержательных исследований продуцируют либо тексты, насыщенные пустой терминологической схоластикой, либо они попросту ангажированы, выполняя за соответствующее вознаграждение заказное и потому предугаданное, и потому семантически бессмысленное интеллектуальное действие. Слишком много в гуманитарных и социальных дисциплинах корыстной заинтересованности в отношении апологии существующих социальных отношений. Денежный интерес слишком часто перебивает интерес познавательный, лишний раз, демонстрируя беспощадный приговор материалистического понимания истории духовно-интеллектуальной общественной надстройке относительно ее фатальной зависимости в ситуации отчужденного общества.

Но дело в области социально-гуманитарного знания обстоит даже более проблематично, нежели только вследствие указанной деформирующей зависимости. Вспомним те личностные качества, благодаря которым Зиновьев прошел Сциллу и Харибду социологического истолкования вне привязки к эмпирически данным именным, да и предметным характеристикам, – это упор на логику как

ведущий методологический принцип и личная научная добросовестность. Если второе вполне может быть присуще многим исследователям, то относительно владения научным аппаратом логического анализа гуманитарии похвастаться не могут, они с ним знакомы шапочно. Сошлюсь здесь на характерное мнение самого Зиновьева: «...вся сфера сочинительства и разговоров на темы о социальных объектах, а также профессиональных исследований этих объектов находится в ужасающем с точки зрения логических критериев состоянии, можно сказать – находится на дологическом уровне познания» [5, с. 4]. Более дипломатично говорят молодые авторы, но они также видят здесь существенную проблему: «...в отличие от комплекса естественных наук, гуманитарные науки развиваются в условиях отсутствия единой, общепризнанной парадигмы. Сегодня возникла необходимость переосмысления теоретико-методологических основ, гуманитарного познания» [7]. Но тут надо не столько переосмысливать, сколько создавать подлинную методологическую основу для истинностной практики рассуждений в ситуации открытых и сложных систем, таких как человек, история, культура, общество. Но ее характер и степень соотнесенности с методологией естественных наук до сих пор не получили внятного толкования.

Научная добросовестность философа есть обязательное качество истинностного мышления и в полной мере оно представлено уже у Аристотеля. Здесь имеется в виду ситуация отвлеченных, но логически согласованных рассуждений, посвященных либо собственно категориальному анализу в чистом виде, либо вопросам приложения имеющегося представления к предметной практике. И в одном, и в другом случае можно увлечься необоснованными теоретизирующими фантазиями, легко перескочить к произвольным и только правдоподобным суждениям, представив их как корректный логический вывод из верных посылок. Очень часто так и происходит в нынешних работах обществоведов, написанных широкими понятийными мазками с пренебрежением необходимой детальной проработки условий истинности высказываемых положений. Они остаются принципиально абстрактными и неприложимыми к практическому осознанию существа происходящих событий.

Очень близко к этой опасной грани несостоявшегося познания подходил Зиновьев, оставаясь в пределах качественной картины

социального мира. Что-то было в этом от первых греческих натурфилософов с их умозрительными набросками структуры и принципов мироздания. Но ровно так же, как греческие натурфилософы дали просто непревзойденные образцы дедуктивного мышления при скудном эмпирическом материале и отсутствии экспериментально-математической базы, ровно так же и Зиновьев сумел высказаться в своем многогранном творчестве о сложнейших вопросах социального бытия в истинностном ключе, полагаясь на свой логико-интуитивный охват личностно переживаемого материала. И сделал он это вне тяжеловесной и пустой наукообразной стилистики, коей обильно уснащены многие социально-гуманитарные опусы.

Научная добросовестность, являясь очень серьезным и необходимым условием продуктивности исследования, имеет, по меньшей мере, три стороны и все они должны быть выполнены.

Во-первых, это условие предусматривает максимально тщательный учет всей совокупности существенных обстоятельств. Это этап наработки необходимого объема материала, и он может быть вполне конструктивно сокращен без потери нужного содержания. Данная совокупность обладает свойством насыщения, и нет необходимости пытаться сделать невозможное, описывая буквально все обстоятельства. Она должна быть достаточна, но не растягиваться в нескончаемом перечислении и нагромождении материала. В противном случае, формально и педантично выполняя требование добросовестности в ситуации исследования открытых систем, к которым относится общество, культура, история и человек, можно вести искомый учет до бесконечности. Это определено характерными контекстами таких систем. Они несут несчетное множество значений [подробнее см.: 2, с. 298-327], не перечисляемые в ограниченном тексте. Поскольку же любой реальный текст ограничен временем жизни своего создателя, то возникают естественные регуляторы относительно его информационной емкости. Конкретно данный текст культуры имеет ограниченный потенциал непосредственно высказанного содержания. Это совершенно не указывает на обязательное ограничение и его семантически-понятийной глубины, она может быть неисчерпаема – таковы классические тексты философии и художественной литературы.

Вторая сторона научной добросовестности связана с обоснованным определением значимости тех или иных факторов,

оценкой степени их вклада в предполагаемую ведущую закономерность функционирования событий. Эта сторона как раз и служит моментом, упрощающим процедуру перечисления и фиксации череды событий. Здесь требуется усмотреть поливариантность процессов либо же высказаться об их преимущественно монологичной направленности с проясненным и сформулированным ведущим принципом социальных изменений. Достаточность выборки существенных и учитываемых сторон дела, заявленная в предыдущем абзаце, здесь получает свою конкретность. Конечно, никогда нельзя ограничиваться начально выдвинутым постулатом. Его должная и эффективно работающая экспозиция вытекает из параллельно идущей самокритики и корректирующей самопроверки на предмет фальсификации. Иными словами, научная рациональность требует адогматичности одновременно с достигаемой устойчивостью выделенной логики изложения и понимания.

Третий момент в проведении социальных исследований имеет мировоззренчески-психологическую природу и взыскивает элементарной порядочности и честности ученого субъекта. Это качество запрещает построение искусственно выборочных фактуальных композиций, т.е. таких, основание которых явно недостоверно и произвольно. Как ни странно звучит, но бытовая повседневность, в которой частично обитает любой индивид, эту честность нередко полагает малозначительной и бесполезной. Оказывается, что обыватель вполне способен иметь дипломы и ученые степени, обладать множеством как бы научных работ, но, поскольку качеством честности он обладает очень выборочно, только в рамках собственной прагматики, то варьировать содержание и направленность собственных толкований он может совершенно произвольно и совершенно бессовестно. Отсюда идут бредовые измышления нынешних апологетов политики либерального фашизма США, плодятся писания продажных журналистов, поддерживающих киевскую хунту.

Творчество Александра Зиновьева в полной мере реализует положения научной добросовестности, и вся его жизнь тому доказательство. Он остался патриотом своей страны, несмотря на категорическое и, как он позже сам отметит, чрезмерное неприятие определенных сторон советской действительности. Он не принимал сталинизм, более того, вынашивал полудетские планы покушения на

Сталина. В дальнейшем, оказавшись на Западе, Зиновьев переоценит деятельность Сталина и согласится с тем, что сталинская политика была на то время единственно последовательным результативным курсом необходимых для выживания страны преобразований. Так же бескомпромиссно, как он критиковал сталинизм, он увидит воочию и раскроет нелицеприятный тип западоида, специфически расчетливого, эмоционально ограниченного и не склонного к сантиментам и испытанию высших чувств и эмоций общественного индивида [см.: 4, раздел Западнизм].

Особенность типа рациональности, присущей Зиновьеву, выражается в ее согласованном характере, где собственно логически-просчитывающие аспекты сочетаются с моральной способностью суждения. Как раз эта моральная компонента есть то недостающее многим исследователям звено познавательного процесса, благодаря которому выдвигаемая трактовка в своей основной мысли оказывается глубже, точнее, адекватнее и, что самое важное, конкретнее, нежели трафаретные интерпретации сонма академических трудов целых институтов и академий.

Моральная способность суждения вырабатывается жизненной позицией человека, его участием в мире не с позиций карьерного и научного роста, а в ракурсе напряженных и переживаемых поисков действительной истины, так, как это было присуще раннегреческой мудрости. При этом научная рациональность есть не только инструмент объективного познания, а способ выстраивания собственной жизни.

Научная добросовестность крайне существенна, конечно, в любом исследовании, относящемся к природе или к обществу. Но во втором случае ее нарушение гораздо труднее верифицируется, учитывая, что на словах все горазды присягать высокому идеалу объективного, истинностного знания.

Данная особенность познания, включающая и инструктивные (т.е. принципиально выполнимые) требования, и психологические оттенки (определяемые собственной внутренней, духовной работой по самовоспитанию), тесно смыкается с той логической практикой анализа, которую Зиновьев отработывал и шлифовал всю жизнь. Ведь мало провести и нужную выборку фактов, и быть честным в их интерпретации, не закрывая глаза на факты «неудобные». Надо еще верно проделать собственно обобщающую процедуру и выйти на

реальную содержательность понятий, выражающих верный вывод из анализируемого материала. Здесь тоже сказывается качество научной добросовестности, но уже в плане формулировки взвешенных общих положений, в которых субъективный произвол, прогностические фантазии, утопические надежды и личные пристрастия исследователя сведены к минимуму.

Умение удержаться в контексте обоснованных выводов, не выходя в пространство спекулятивных (не в гегелевском понимании) суждений, обладающих только видимостью глубокой содержательности, составляет весомую часть зинovieвской мысли. Примеры такого семантического самоограничения как обязательной составляющей продуктивной рациональной способности познания демонстрирует уже Аристотель, и она является, фактически, парадигмальным компонентом истинностного теоретико-концептуального, конкретно логического мышления.

Аристотель, рассуждая о времени, показывает образец взвешенного осмысления весьма отвлеченной тематики: «Прежде всего, хорошо будет поставить о нем (о времени – авт.) вопрос с точки зрения более общих соображений, (а именно) принадлежит ли (время) к числу существующих или несуществующих (вещей), затем – какова его природа. Что время или совсем не существует, или едва (существует), будучи чем-то неясным, можно предполагать на основании следующего. Одна часть его была, и ее уже нет, другая – будет, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый (промежуток) времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию» (Физ., IV 10 217 b30-218a) [1, с. 145]. Мыслитель сразу отмечает общий «неясный» характер времени. Его чрезвычайная осмотрительность в общих выводах здесь проявляется весьма наглядно и после анализа временной проблематики он высказывается крайне осторожно: «Итак, что время не есть движение, но и не существует без движения - это ясно» (там же, 219 а) [там же, с. 147]». Точно так же аккуратно и предельно взвешенно Аристотель говорит о специфике момента неделимого «теперь», имеющее противоречивую природу: в нем нет не только никакого движения, но и покоя (Физ., VI 3 234 a25-b5) [там же, с. 186].

Иными словами, качественность «теперь» дается чем-то третьим, неизвестным и необозначенным началом, чье безымянное

присутствие намечается помимо наглядно данных состояний движения и покоя.

Казалось бы, результат аристотелевых рассуждений не впечатляет особой глубиной и отличается довольно скромным масштабом обобщений. Более того, мы не встречаем здесь практически обязательных для нас определений, неких существенных, а тем более, «основополагающих» выводов. И, тем не менее, внешняя невзыскательность и простота проведенного анализа оказываются обманчивыми, его форма и равновесность оценок достаточны, уместны и сохраняют найденную истинность темы времени в философской традиции, по мнению Хайдеггера, до Бергсона.

Вклад Аристотеля в изучение времени им оценен очень высоко: «Трактат Аристотеля о времени есть первая дошедшая до нас, прорабатывающая интерпретация этого феномена. Ею сущностно определено все последующее осмысление времени - до Бергсона включительно. Из анализа аристотелевского понятия времени становится вместе с тем ретроспективно ясно, что осмысление времени у Канта движется в выявленных Аристотелем структурах, и этим сказано, что онтологическая основоориентация Канта – при всех отличиях нового спрашивания – остается греческой» [8, § 6].

Такие пояснения – относительно кажущейся простоты некоторых выводов и констатаций, имеющих, на самом деле, фундаментальное значение – в полной мере относятся и к зинovieвскому типу рациональности. Устами одного из персонажей «Зияющих высот» бегло брошена хорошая мысль: «... моя теория, как и любая другая теория, тривиально проста, а научиться ею пользоваться очень сложно» [3]. Для гуманитарно-социальных дисциплин вообще характерен разрыв с практикой, хроническая схоластическая теоретизация и неумение дать конкретные рекомендации по текущей деятельности помимо бессильных пожеланий духовного роста и расширения сознания, которые должны произойти, видимо, исключительно массовым и могучим духовно-волевым усилием. Но если бы оно оказалось возможным, то это означало бы существование уже наличного расширения. Данный призыв, таким образом, либо невыполним, либо бессмысленен. Зиновьев избегает распространенной гуманитарной склонности к декларации утопических и малосодержательных упований, научнообразно изображенных в виде некоей концептуализации, и стремится к трезвой

ясности мысли. Она, как отмечалось, внешне может быть безыскусной, но семантически глубокой и по-настоящему основательной.

При этом не следует, разумеется, делать из мыслителя икону и пытаться непременно вычитать из текстов его работ некие обязательные скрытые прозрения, распознать тайные знаки и намеки, угадать иную мысль, нежели та, которую автор высказал непосредственно в ясных и логически точно оформленных суждениях. Не только о Зиновьеве, но применительно ко всякому основательному мыслителю, истинному философу можно утверждать, что его философская речь понятийно-буквальна, в ней прямо высказан соответствующий опыт само- и миропознания и мировосприятия. Мыслителю нет нужды прятать смысл, вуалировать понятное им, обращаться к фигурам умолчания, оставлять туманные указания и вообще запутывать суть дела. Ему не нужна фальшивая уклончивость – даже если вдруг он посчитает свои работы «не ко времени». Они всегда будут уместны, поскольку несут раскрытую и высказанную истинность. Другое дело, что сами тексты могут стать опасны для своего автора и вызвать гонения на него со стороны каких-либо структур – государственных, общественных, религиозных и проч. Зиновьев испытал весьма серьезные превратности судьбы вследствие публикаций своих публицистически-сатирических работ по советской действительности. Но такая ситуация как раз и свидетельствует о прямой речи философа, а это позволяет сразу подойти к ее смыслу вне домыслов и приписываний.

Прямой смысл социологических дескрипций Зиновьева отличается не только видимой логикой построения, но не исключает и косвенных противоречий. Так, говоря об идеологии партии будущего, он дает такую ее спецификацию: «Партия Будущего не должна рассматривать себя как представительницу интересов какой-то определенной части населения, каких-то угнетенных, эксплуатируемых, обездоленных и т.п. классов вроде пролетариата в марксистском духе. Это не значит, что такие категории членов человеки не существует, – они существуют в изобилии. Но партия Будущего должна предоставить представительство их интересов другим организациям, точно так же, как и использование этих категорий людей в интересах партии (например, использование их голосов как избирателей). Она должна осознать себя прежде всего как особое объединение, имеющее одну цель: разработку новой идеологии (идеологии будущего), пропаганду

ее среди сограждан независимо от их социального положения, этнической принадлежности, пола, профессии и т.д...» [4, с. 150, раздел Партия Будущего].

Противоречие здесь в том, что партии изначально создаются на базе некоей объединяющей идейной платформы, тогда как Зиновьев предполагает задачу выработки политической позиции как решаемой во внутривнутрипартийной работе в условиях массового творчества ее приверженцев. Это, таким образом, совершенно не партия, а, по сути, религиозная организация. Она обращается ко всем гражданам, независимо от их социальной или иной принадлежности и собирается вести пропаганду неких универсально объединяющих взглядов. Такая организация уже создана, причем довольно давно, около двух тысяч лет тому назад. Она поставила всех людей перед действительно универсальным уравнивающим началом, перед Богом. Все иные формы деятельности на поле религиозной унификации являются либо шулерскими предприятиями сектантского типа, либо ересями. Ни то, ни другое, равно как и реинкарнация собственно верований в контексте обращенности паствы к новому небу, для эпохи третьего тысячелетия, получившей, к тому же, хорошую атеистическую прививку от советского времени, не имеет будущего.

Означает ли это, что Зиновьев в указанном фрагменте неправ? Да, ровно это и означает, но совершенно не требуется искать притянутые за уши оправдывающие объяснения или подтасовывать смысл сказанного, в чем здорово поднатрели не только, например, политики, но сами гуманитарии. Человеку вообще свойственно быть неправым, это его неотъемлемое качество именно как человека, который ошибается, но устремлен к истине. Ошибки мыслителей, при всей их действительной ошибочности, которую надо признать, имеют, вместе с тем, выход к пониманию действительного состояния дел. Подчеркну, что ошибка остается именно ошибкой, но она обладает симптоматичным характером, с корректирующим учетом которого возможно продолжение истинностной мысли.

В данном, рассмотренном выше отрывке, коррекция заключается в том, что термин «идеология» вообще должен быть оставлен за рамками продолжающегося понятийного анализа, поскольку его историческая роль сыграна и завершена. Она касается форм общественного сознания в границах отчужденных обществ, и там фактор идеологии есть имманентная сущностная составляющая

человеческого бытия. Мы же (вместе с Зиновьевым) ставим вопрос о Будущем, о путях достижения принципиально иного общественного состояния, развивающемся вне любых вариантов эксплуатации человека человеком, хищнического пользования природными богатствами и тенденции личного обогащения. Ничего собственно идеологического, связанного с политическим господством и завоеванием власти, в этом обществе быть не должно, равно как не должно быть и архаических форм религиозного сознания, которые имели бы общественное значение. Все эти архаические конструкты на наших глазах стремительно отмирают, но их измененные и потерявшие былую прогрессорскую роль институционализированные структуры продолжают свое непонятное существование.

Можно входить в нескончаемые академические дискуссии относительно этих и иных толкований, но для их плодотворности изначально требуется признать полную справедливость рефрена, вынесенного на обложку последней работы Зиновьева: «Если в двух словах подвести итог эволюции человечества за прошедшую историю, он уложится в одну фразу: человечество как целое утратило смысл самого своего социального бытия. Оно убило сам фактор своего понимания» [6]. Такая трактовка разворачивает исследователя не к убаюкивающему пережевыванию категориально выраженных наукообразных истин, а к творческому поиску с ясным осознанием всей его фундаментальности и ответственности за свои суждения, вводя в круг таких мыслей, которые, по парменидовскому канону, совпадают с бытием. Только такое мышление и оказывается действительным, оправдывающим свое существование и только оно в состоянии построить грядущую разумную действительность.

Ссылки:

1. Аристотель. Физика / Аристотель // Соч. в 4-х т. Т. 3. – М. : Мысль, 1981. – 613 с.
2. Гига А.В. Интерпретация и смысл / А.В. Гига. – Харьков : Коллегиум, 2005. – 404 с.
3. Зиновьев А. Зияющие высоты / А. Зиновьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/textheights.pdf>

4. Зиновьев А. Идеология партии будущего / А. Зиновьев. – М. : Алгоритм, 2003. – 238 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5623>
5. Зиновьев А. Логическая социология / А. Зиновьев. – М. : Социум, 2002. – 260 с.
6. Зиновьев А. Фактор понимания / А. Зиновьев. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с.
7. Суворов Г.Н. Метод в гуманитарном исследовании: этапы философской рефлексии: автореф. дис. ... к. филос. н. – Киров, 2011. – Режим доступа: Научная библиотека диссертаций и авторефератов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [dissercat http://www.dissercat.com/content/metod-v-gumanitarnom-issledovanii-etapy-filosofskoi-refleksii#ixzz3ZNRCKpsP](http://www.dissercat.com/content/metod-v-gumanitarnom-issledovanii-etapy-filosofskoi-refleksii#ixzz3ZNRCKpsP)
8. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Ad Marginem, 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/HEIDEGGER/bytie.txt>

**МЕТОДОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ:
ЗАМЫСЕЛ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ А.А. ЗИНОВЬЕВА**

Л.Н. Цой

В статье рассматривается методологический аспект исследования конфликтов в контексте основных положений логики и методологии социального познания советского и российского философа А.А. Зиновьева. Проведен контент-анализ проблем, которые изучают российские социологи и выявлено предметное ограничение, которое не позволяет социологам построить «объект» под названием «конфликт». Доказано, что конфликтология не является наукой в строгом смысле слова, а пришедшие с Запада в Россию онтологические схемы и технологии по разрешению конфликтов, не подвергнуты всестороннему критическому осмыслению, в контексте работ А.А. Зиновьева. Сформулированы основные положения замысла методологии русской конфликтологии, не имеющие аналога в западной конфликтологии.

Ключевые слова: конфликт, конфликтология, конфликт идей, концентриальная война, информационная война.

Исследование конфликтов выводят нас в более обширную область наук о человеке, в которых проблемы борьбы добра и зла, сущего и должного, автономности и совместности, истины и лжи находятся в центре внимания философов, психологов, историков, поэтов, писателей и каждого мыслящего человека. После распада СССР на территории СНГ и в России вспыхнули антагонистические конфликты. Российские исследователи стали искать новые подходы и парадигмы, позволяющие осознать природу конфликтов, вне советской/коммунистической идеологии. В Россию конфликтология «пришла» с Запада, направление мысли которой, тщательно уводило в сторону от рефлексии исторических процессов и реального положения дел на глобальном уровне. События в Украине показали, что действия западных стран ЕС и США расходятся с тем, что пишут западные конфликтологи и что они рекомендуют другим странам в конфликтных ситуациях. Государственный переворот в Украине и приход к власти лиц, придерживающихся фашисткой идеологии, открыл путь к

насилию и нарушению всех прав человека, к разрушению государств и насаждению в них «демократии» западного образца [1]. Не секрет, что только после многочисленных работ Зиновьева А.А, общественному сознанию России и всему Миру стала понятна историческая значимость «советского Проекта», ценность российского государства в мире, а также опасность для России и русского мира – исчезнуть с лица земли. Западная конфликтология – не дает ответы на многие вопросы. Возникла необходимость ответить на вопрос: Неужели в России нет методологии познания конфликтной реальности?

Распад СССР обнажил кризис гуманитарных наук, так как в основании их рождения и развития была положена ИДЕЯ конфликта двух идеологий – отечественной (социалистической/коммунистической) и западноевропейской (буржуазной). После распада СССР – гуманитарные/общественные науки в России были лишены идеологической составляющей, и конфликт ИДЕЙ оказался ничтожным перед открывшимися возможностями развития демократии и рыночных отношений по западному образцу. Социологи отмечали, что в период распада СССР, появления на карте мира нового геополитического пространств (СНГ и формирование России, как нового государства) Россия представляла собой общество всеобщего риска, обострения крайних форм конфликтов и насилия [2]. Исследователи начали поиск теоретических парадигм и теорий, освобожденных от социалистической/коммунистической идеологии.

Одной из первых работ по социологии конфликта в России, в которой осуществлена постановка фундаментальных вопросов, является работа А.Г. Здравомыслова [3]. В ней предпринята попытка соотнесения специфики исследования конфликтов на макро, мезо и микроуровня, изложены идеи философов о конфликтах, обоснована смена научных парадигм, а также дано авторское социологическое определение понятия «конфликт».

Отказ российских исследователей от советской/коммунистической идеологии, направил взгляд исследователей на понятийный аппарат, в частности каждый доктор наук, считал главным вопросом в конфликтологии – дать определение понятию «конфликт». Наиболее спорным вопросом среди исследователей является вопрос определения «конфликта», так как в зависимости от содержания и характеристик понятия «конфликт» по-разному будет ставиться, и решаться вопрос о функциональной значимости конфликтных событий

и их интерпретация. Так, Л. Козер под социальным конфликтом понимает борьбу за ценности, власть и ресурсы, в которой целями противников являются нейтрализация, нанесение ущерба и уничтожение соперника. У А.Г. Здравомыслова социальный конфликт – это форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями [4]. Степанов Е.И. социальный конфликт рассматривает как разрешаемое социальное противоречие [5]. Для В.Н. Иванова социальный конфликт – это процесс, развитие действий сторон на пути поиска средств для сбалансированности, достижения согласия и сотрудничества [6]. Аклаев А.Р. конфликт представляет, как состояние, столкновение, противоборства личностей или общественных сил, интересов, взглядов, позиций, по меньшей мере, двух сторон [7].

Что «исчезает» у отечественных социологов из содержания понятия «конфликт»? Исчезают его существенные характеристики, а именно «борьба за власть и ресурсы», «нанесение ущерба и уничтожение противника».

В понятие «конфликт» вносятся – «противостояние ценностей, интересов, норм и потребностей», «разрешаемое социальное противоречие», то есть переговорный процесс, а также признается, что есть «разрешаемое социальное противоречие», что это «процесс поиска средств для сбалансированности, достижения согласия и сотрудничества».

Смена характеристик в самом определении понятия «конфликт» обосновывается А.Г. Здравомысловым тем, что после развала СССР в анализе социальных явлений – на смену теории классовой борьбы «приходит теория социального конфликта». Но самым важным аргументом смены парадигм для него является то, что «исходная предпосылка исследования конфликта состоит также в том, что после августа – декабря 1992 года в обществе сложилась новая общественно-политическая ситуация» [8]. Это означает, что смена установок исследователей в социальных науках напрямую зависит от смены политической ситуации и идеологии в обществе. По логике, если представление о конфликте является одновременно и установкой исследователя, которая может трансформироваться в некоторый метод, и с помощью которого можно достичь решения какой-либо задачи, то тогда наполнение содержания понятия «конфликта»

является проблемой №1 как в теории, так и в практике острой политической борьбы. В международном праве понятие «конфликт» также употребляется неоднозначно из-за отсутствия его четкого определения, междисциплинарного использования, а также наличия в международно-правовых актах множества консолидирующих с ним терминов (международный спор, спорная ситуация, кризис, война) [9].

Что изучают российские социологи сегодня? Контент-анализ академических журналов социологов-теоретиков показал, что, в центре внимания российских учёных-обществоведов находятся вопросы политического размежевания, противостояния и противодействия, характеризующееся массовыми политическими протестными действиями в мире [10]. Однако, отмечают социологи, в России ушедший 2014 год оказался, напротив, периодом консолидации общества, что вовсе не означает полного единодушия и всеобщего «одобрямса».

Постулаты, гипотезы и вопросы социологов таковы:

существуют причинно-следственные связи трансформации политических институтов с состоянием и характеристиками массового общественного сознания, что отражает структуру самого общества [11];

глобализации мира увеличивает многообразие. Особенности положения различных социальных групп, классов, наций, государств и сообществ в социуме определяют специфику восприятия ими действительности, отсюда широкий диапазон идеологических различий, противоречащих консолидации. Особенно остро это противоречие проявляется в России, переживающей фундаментальную реформацию и испытывающей влияние традиций конфронтационной политической культуры [12];

фиксируются значимые факторы, которые оказывают влияние на размежевание российских граждан по отношению к США и другим западным странам, к западному пути развития. Российское общество разделено на сторонников России как великой державы и сторонников высокого уровня жизни [13];

существует непосредственная связь между политическим доверием и результатами рыночных и демократических реформ 1990-х и 2000-х гг.;

развитие публичной сферы – это необходимое условие разрешения социальных конфликтов [14];

анализ многосторонних и противоречивых процессов;

общественно-политической трансформации в России с позиции интересов гражданского общества, показывает, что в нынешних условиях намечается тренд постепенного перехода от фактора политической модернизации к превращению в один из её субъектов [15];

каковы причины и условия единения и размежевания различных групп интересов внутри российского общества [16]?

почему существующая в современной России система власти, несмотря на её очевидные дефекты с точки зрения сущностных критериев демократизма, пользуется всё же широкой массовой поддержкой [17]?

Рождение и развитие общественных/гуманитарных наук в СССР развивалось на основе ИДЕИ конфликта двух идеологий – отечественной (социалистической/коммунистической) и западноевропейской (буржуазной). После распада СССР – общественные науки в России были лишены идеологической составляющей, и конфликт ИДЕЙ оказался ничтожным перед открывшимися возможностями развития демократии и рыночных отношений по западному образцу. В период формирования России, как нового государства, социологи отмечали, что Россия – это общество всеобщего риска, обострения крайних форм конфликтов и насилия [18].

После распада СССР, внимание российских исследователей к конфликтологии на Западе – возросло. Большинство исследователей заявили о существовании новой для России науки конфликтологии [19]. Исследования показывают, что американцы все концепции в социальных науках разрабатывают как универсальные [20].

«Конфликт» как эмпирический объект, согласно Зиновьеву А.А., есть «социальный объект, то есть видимый, наблюдаемый, данный в опыте, его «строят»/конструируют объединения людей и люди как члены таких объединений. «О социальных объектах думают почти все нормальные здоровые люди. Причем даже самая примитивная мысль человека о каком-то социальном объекте есть либо его собственно открытие, либо заимствованная у других людей, сделавших это открытие. Та, что всякий человек - в какой-то мере исследователь социальных объектов. Говоря о социальных исследованиях, я буду иметь в виду всю сферу думания о социальных объектах, а не только профессиональные исследования» [21]. Но что-то знать о социальных

объектах и научно понимать их – не одно и то же. «Научный подход к социальным объектам составляет лишь ничтожную долю в колоссальной продукции сферы профессиональных социальных исследований».

Можно констатировать, что конфликтологии как науки в строгом смысле слова еще нет, ей еще только предстоит состояться, однако это не только не снижает ее значимости, но и открывает новые возможности для ее становления в России. С учетом того, что конфликтология западных стран и США опирается на идеологию и «ценности» своих стран, России нужна российская конфликтология, которая может быть представлена корпусом русских гуманитарных дисциплин, объединенных общей методологической и философской основой, отвечающей вызову времени, истории. В условиях реальной опасности распада российской государственности, значение этой основы трудно переоценить.

В этом плане, строя российскую конфликтологию, неизбежно «придется подвергнуть ревизии, рефлексии и историческому осмыслению развитие собственно русской философии, включая заимствованный марксизм, начала русской православной философии, а также русский (советский, российский) постмарксизм, включая философию и системо-мыследеятельностный подход» [22], основателем которой были советские и российские философы А.А. Зиновьев [23] и Г.П. Щедровицкий [24].

Важнейшей задачей российской конфликтологии, должна стать историческая реконструкция конфликта идей, определявших становление и развитие, а также гибель советского проекта [25].

Если мы не хотим такого будущего нашим детям и внукам, то необходимо формировать такое информационное пространство, в котором люди получали бы достоверную и полную информацию о происходящем в мире, ибо то, что не признано, не отрефлектировано в общественном сознании, не проговорено сотни раз, что не получило моральной и правовой оценки – обязательно повторится. Вопрос только в том, когда и как.

Для того чтобы сделать процесс явным, надо ввести альтернативный российский глобальный проект самоидентификации и начать его публично обсуждать в средствах массовой информации, привлекая философов, социологов, культурологов, историков, специалистов в сфере безопасности, тем самым можно «разлепить»

или выявить наличие организованной преступности, ясно видеть идейную целевую составляющую в войне.

Процессы самоидентификации личности и самоопределения, восстановления ее самосознания, развертываются в пространстве святости и ценностей, как основы воспроизводства этноса. Религиозное пространство России, в котором воспроизводится и транслируется смысл связи данного этноса с Богом и его служения, назначение этноса, является священным для данного народа. Потеря/разрушение пространства святости и культуры равносильно потере энергии и смерти этноса, так как утрачивается не только связь с могилами предков, но и смысл своего назначения, назначения своего рода и своего народа в будущем. Именно на разрушение сакральности и ценностей народа направлена конциентальная война, которая способствует освобождению сознания человека от различных культурных ограничений, и тогда его можно будет помещать в любые матрицы. Для сохранения сакрального и культурного пространства необходимо формировать профессионально-политический дискурс, сделать российскую сферу политики публичной, когда на глазах у всего населения страны, лидеры партий, общественных движений и профессиональных групп, могут показывать, как они осмысляют ситуацию и как принимают решения по безопасности России.

Только публичное распространение идей, ценностей и достоверной информации, позволят противостоять лжи со стороны Запада и США, оказать влияние на международную общественность в информационной войне.

В основании замысла методологии русской конфликтологии можно положить следующие принципиальные положения:

Сущностное различие между войной и конфликтом. Временное прекращение войны рождает мир как иллюзию решенных проблем. Однако война как прямое вооруженное насилие ограничена дважды. Во-первых, своими целями. Она ведется для уничтожения или подчинения участника ситуации конфликта. То есть проблемы предлагается решить методом «нет человека (государства, народа) – нет проблемы». Во-вторых – война ограничена ресурсами. Судебное решение – тоже не решение конфликта, так как легальное (от имени государства и на основании его законов) насилие лишь прекращает доступное сторонам противостояние, но не конфликт. Конфликт,

имманентное свойство культуры, необходимо рассматривать функционально в системе деятельности.

Действительность конфликта является управляющей и программирующей по отношению к войне. Конфликт может породить войну (силовое противостояние), а может и остановить, заместить. Война может быть лишь средством развития конфликта, а может быть следствием его неразрешимости.

Признание разных позиций в конфликте, как равных в возможности их изменения самими участниками конфликта. Признать несостоятельность и утопичность тезиса о «разрешении» конфликтов, даже если такое иногда случается, и это – историческое событие, каждый раз уникальное. Конфликты начинаются и заканчиваются (если заканчиваются) на более глубоком (в системном смысле – объемлющем) плане, нежели войны и силовые действия.

Конфликт – неизбежный механизм самоутверждения субъектов, их самоопределения. В истории такими субъектами, как правило, являются государства. Поэтому перспективно рассматривать конфликт как первично искусственное, а не естественное образование.

Содержательный смысл у конфликтов, их функциональность может появиться только в обществе, ориентированном на развитие, в котором история рассматривается как перманентный процесс ценностного выбора и самоопределения, как инновационный процесс.

Социальные изменения происходят на основе соотношения в них естественного/искусственного начал, принятым в системомыследеятельностно и методологии. В ее рамках противопоставляется, по крайней мере, четыре культурно-исторических типа социальных изменений: естественная эволюция, искусственное развертывание, естественно-искусственное развитие и искусственно-естественное становление.

Конфликты создаются их участниками осознанно и целенаправленно, ради развития и утверждения собственных позиций. Именно конфликты, а не войны, являются долгосрочными механизмами разворачивания геополитики (а в отношении личности, человека – его судьбы, жизни). Поэтому действительный, а не мифологический (утопический) метод «разрешения» конфликтов должен состоять именно в создании принципиально разрешимых конфликтов (то есть это требование к их устройству), в противовес

созданию неразрешимых. Субъекты, в этом случае, могли бы говорить о своего рода, праве на конфликт.

Не менее важной для методологии русской философии конфликта является способность увидеть, а также предотвратить формирование конфликтов в России, привнесенных извне, за счет импортированных либеральных представлений в процессе так называемой «перестройки» и последовавшей буржуазной революции, в ходе которой распался СССР. Дальнейшая фрагментация (развал) России (также и Украины) с точки зрения внешнего управления должны быть обеспечены двумя типами конфликтов: между бедными и богатыми (трудом и капиталом), между национальными сепаратистами и мультинациональной федерацией (империей), а также конфликтами между Россией и Украиной. Хорошо известно в исторической ретроспективе, что такие конфликты неразрешимы.

Требуем специального исторического расследования многовековой конфликт Западной Европы с Восточной, то есть, прежде всего, с Россией, а также динамика этого конфликта после Второй мировой войны и развала СССР. От мысли именно завоевать Россию Запад если и не отказался полностью, то отодвинул ее в неопределенное будущее. Россия (как и Украина) должна быть теперь освоена по частям в ходе своей самофрагментации, так что этот конфликт сейчас максимально очищен от военного «усиления».

Необходимо разобраться в конфликтах, созданных послевоенным устройством мира в части гегемонии США и возникшей на базе этой гегемонии системы концентрации финансов и потребления в «центре силы». То есть в конфликте, который движет современный мировой кризис, начавшийся как экономический, но уже показавший свою цивилизационную сущность.

В основе конфликта «лежит противоречие, но отнюдь не «всего чего угодно со всем чем угодно» (как иногда, по сути дела, эмпирически классифицируют «конфликты»), а только парадигматик действия/взаимодействия у сторон взаимодействия. Что же касается противоречий между другими определенностями взаимодействующих сторон действия, то они выступают здесь в качестве условий взаимодействия (т.е. условий в равной мере как конфликтных, так и бесконфликтных его форм)».

Строя русскую философию конфликта, неизбежно придется подвергнуть ревизии, рефлексии и историческому осмыслению

развитие собственно русской философии, включая заимствованный марксизм, начала русской православной философии, а также русский (советский, российский) постмарксизм, включая философию и методологию системо-мыследеятельностного подхода. Сегодня эта задача представляется разрешимой в связи с крахом светской веры в коммунизм и освобождением русского ума от светской веры (религии) как таковой, несмотря на попытки передать нам стереотипы светской веры в демократию. Важнейшей задачей русской философии конфликта является историческая реконструкция конфликтов, определявших становление и развитие, а также гибель советского проекта.

Наша гипотеза о мире разрешимых конфликтов (в которых меняются позиции участников) как альтернативе конфликтам неразрешимым (в которых уничтожаются сами участники) непосредственно связана с категорией содержания и с представлением о содержательных конфликтах. Понимая историю как драму развития мышления (осуществления актов мышления), мы можем обосновать и понять позицию, субъектность как исторически должное, как выражение онтологических представлений, а не вульгарно материалистически, натурально понимаемых «интересов» [26]. Интересы могут лишь искать компромиссы, которые ни при каких условиях не могут быть собственно решением конфликта. Изменение же онтологических представлений (а значит, и связанных с ними позиций) является, напротив, механизмом истории. Важнейшим содержательным конфликтом, определяющим ход российской истории, является конфликт православия с католицизмом, одним из процессов которого был (и остается) собственно кризис западного христианства и вырождение его в светскую религию.

Масштабирование конфликтов по оси «мировые – бытовые» требует развития разнообразных собственно теоретических представлений, позволяющих производить фокусировку, редукцию или иную предметизирующую процедуру по отношению к первичной исторической (мыследеятельностной) действительности конфликтов. Историзм прагматичен именно как методологическая и онтологическая основа, так как по существу представляет собой национальный (культурный) ум, здравый смысл. Так что конфликтологов, желающих работать, в том числе эмпирически, с более массовыми и «доступными» конфликтами, ничто не

ограничивает в применении искусственно-технического и исторического подходов, а также и принципов содержательности. Однако им придется построить и обосновать соответствующую локальную дисциплину, фиксирующую конфликты конкретного типа. С неизбежностью такая дисциплина будет проблематизировать те или иные представления из области управления (методологии и философии управления), а также политики и права. Придется понять конфликт как логическую и онтологическую границу применимости представлений всех перечисленных гуманитарных дисциплин в отношении человека, его субъектности (души), способов его участия в мышлении, деятельности, истории.

Любой договор только тогда гарантирует реальное преобразование конфликта в конструктивные виды взаимодействия, когда обе стороны рассматривают требования, которым они обязуются подчинить свою будущую активность как справедливые.

Так как большая часть эмпирических конфликтов располагается между двумя такими полюсами как нормы и их реализация, а разрешение опирается как на элементы апелляции к принципам, правилам и культурным нормам (парадигматике) организации «подобных» взаимодействий, так и на собственно креативные, ситуативные элементы, то особенность конкретного взаимодействия связано с принципом «здесь и теперь».

Учитывая вышесказанное, российская конфликтология обеспечит себя базовой философией конфликта искусственного типа, получает поле мышления и деятельность по проектированию и программированию разрешимых конфликтов, обеспечивающих тот или иной горизонт развития процессов самоопределения. Задача российского конфликтолога – обнаружить и в истории и в современности этап складывания и возникновения собственно конфликтов – ПЕРЕД и ДО собственно войн и силовой борьбы, открыть эту действительность для изучения и формирования (правления).

Сформулированные положения будут способствовать развитию методологию российской конфликтологии, как ответ на исторический вызов в постановке и решении тех задач, которые не ставит перед собой западная конфликтология.

На наш взгляд, Россия, как мощное государство, должна заявить главные принципы по отношению к конфликтам на всех уровнях жизнедеятельности, способствующий цивилизованному разрешению

конфликтов между государствами, между обществом и личностью, между всеми субъектами жизнедеятельности: разрешить конфликт могут только сами участники конфликтов; насилию сильной стороны над слабой должен противостоять весь мир – силой слова, силой права, силой имеющихся в распоряжении человечества средств защиты.

Ссылки:

1. Белая книга. Нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине. Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/Ns-dgpch.nsf/0/38fa8597760acc2144257ccf002beeb8>

2. Лапин Н.И. Конфликтно-реформируемое общество // Социальный конфликт. – М.: 1996. - №1. – С. 3 – 17.

3. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. Исследование конфликта на макроуровне. Теоретические предпосылки. Н. Новгород: Волго-Вятский кадровый центр, 1994.

4. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. Исследование конфликта на макроуровне. Теоретические предпосылки. Н.Новгород: Волго-Вятский кадровый центр, 1994. – С. 32.

5. Степанов Е.И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы (по результатам исследовательских проектов). М.: Институт социологии РАН, 1996. – С. 48.

6. Иванов В.Н. Социальные технологии в современном мире. М.: Славянский диалог, 1996. – С.125.

7. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент: Учебное пособие. – М.: Дело, 2005. – С. 16.

8. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. Исследование конфликта на макроуровне. Теоретические предпосылки. Н. Новгород: Волго-Вятский кадровый центр, 1994. – С. 12.

9. Черноудова М.С. Понятие конфликта в международном праве // Московский журнал международного права. 2005. – № 2.

10. Вестник Института социологии Ран. - № 12. – С.9 – 11.

11. Галкин А.А. Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант // Вестник Института социологии. 2015. - № 12. – С. 12-33

12. Красин Ю.А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма // Вестник Института социологии. 2015. - № 12. – С. 34-59.

13. Пантин В. И. Массовое сознание в современной России: размежевания, противоречия, сопряжения // Вестник Института социологии. 2015. - № 12. – С. 100-117

14. Воронкова О.А. Развитие публичной сферы в России как необходимое условие разрешения социальных противоречий // Вестник Института социологии. 2015. - № 12. – С. 118-139.

15. Никовская Л.И. Гражданское общество и гражданское сознание (ценностно-мотивационный аспект. // Вестник Института социологии РАН. 2015. - № 12. - С. 140-155.

16. Козырева П.М., Смирнов А.И. Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // Вестник Института социологии РАН. 2015. - № 12. - С. 79-99.

17. Вебер А.Б. Массы и власть: массовое сознание и политическая система в России // Вестник Института социологии РАН, 2015. - № 12. - С. 60-78.

18. Кьеца Джульетто. Третья мировая война уже началась. России надо обороняться [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/tretya-mirovaya-voyna-uzhe-nachalas-rossii-nado-oboronyatsya/>

19. Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта // Социология российского кризиса. – М. «Наука», 1999; Анцупов А.Я., Прошанов С.Л. Российская конфликтология. Аналитический обзор 607 диссертаций. XX век. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004; Зайцев А.К. Социальный конфликт. – М.: Академия, 2001; Никаноров С.П., Кучкаров З.А., Коваль А.Г., Костюк А.В. Задача управления конфликтами в социальных системах // Проблемы и решения. – М.: Концепт, 1995. – № 3.

20. Радаев В.В. Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках? //Pro et Contra. 2000. - Т. 5. - № 3. - С. 213.

21. Организационно-деятельностные игры. / ред.-сост. А.А. Пископпель., В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. – М. 2001.

22. Сергейцев Т.Н. Зачем жил Георгий Петрович Щедровицкий. – Сайт «Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.existradi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1106:2014-09-12-14-42-46&catid=99:-24-2014&Itemid=59

23. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2003.

24. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. Исследование конфликта на макроуровне. Теоретические предпосылки. - Н. Новгород: Волго-Вятский кадровый центр, 1994. - С. 12.

25. Милль Дж. О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. – 1993. - № 11. С. 10–15; - № 12. С. 21–26.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИНТРОВЕРСИЯ ВЫБОРА ХРИСТИАНСТВА КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

Д.В. Семикопов

Статья посвящена анализу возможности применения методов логической социологии А.А. Зиновьева к изучению исторических процессов. В качестве объекта изучения был выбран процесс христианизации Древней Руси и проблема «выбора вер». Показана репрезентация исторического прошлого в среде современного неоязычества и православия.

Ключевые слова: логическая социология, политическая антропология, историческая репрезентация, христианизация, неоязычество, ретрология.

Не боясь сходу «напугать» читателя, начнем свою статью следующей цитатой из одного современного исследователя, профессора интеллектуальной философии, Франклина Рудольфа Анкерсмита: «Репрезентации прошлого состоят из истинных высказываний о прошлом; и различие между отдельными репрезентациями прошлого, следовательно, не может быть определено в терминах истинности и ложности, но *только в терминах различия в совокупностях истинных высказываний о прошлом, составляющих эти отдельные репрезентации прошлого...* В историческом труде и в исторической дискуссии проблема состоит не в истинности или ложности, но в том, какие истины релевантны [1].

О чем нам говорит уважаемый профессор столь не простым языком? Говорит он на самом деле об очень простой вещи, а именно о том, что прошлого нет, оно не дано нам как действительность и существует только в настоящем. Дело не в том, насколько та или иная историческая идея или репрезентация соответствует истине, т.к. здесь мы имеем всегда дело не с фактом, а с интерпретацией факта. Дело в том, насколько эта интерпретация помогает нам понять действительность и отразить наше место в ней. Например, каков истинный смысл Октябрьской революции 1917 года? Что это – прогрессивнейшее событие в истории человечества, величайшая трагедия в истории России, божие наказание за грехи российского

общества? Правильным может быть любой из трех ответов, все зависит от того, кто и когда задает вопрос. Для дворянина, все утерявшего и еле спасшегося из советского ада, – это трагедия, а для молодого комсомольца-шестидесятника, полного надежд и мечтаний, – величайшее событие. Какая из этих точек зрения истинная? И та, и другая. Проблема возникнет, если мы поменяем ответы местами и скажем, что для потерявшего близких людей и весь смысл жизни из-за красного террора человека, революция – самое лучшее, что произошло в истории. Абсурдность данной смысловой конструкции очевидна, т.к. сама действительность бывшего дворянина опровергает такую интерпретацию. И при этом факт остается фактом, Октябрьская революция произошла в 1917 году.

Получается, что нам не дано воспроизвести историческое прошлое и у исторической науки совсем иные цели, чем у науки естественной. У нас это еще в 40-е годы понял Александр Александрович Зиновьев, защищавший в 1954 году диссертацию на тему: «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). Защищена она была не с первого раза, а впервые опубликована только в 2002 году. Причины такой задержки сам автор объясняет следующим образом: «Темой моего выступления было отношение между исторической последовательностью событий (последовательностью появления объектов во времени) и логической последовательностью рассмотрения объектов в научном исследовании... Я подверг критике вульгарный историзм, отвергавший специфические логические правила на этот счет... Логическая последовательность иногда совпадает с исторической. А иногда – нет, и никакого правила тут просто нет, таков был мой вывод» [2].

Зиновьев был логиком и философом, человеком весьма далеким от какого-либо идеализма, считавшим любую религию мракобесием, а историю – фальсификацией. Но он был логически беспощаден и по отношению к марксистскому историзму, и эта критика сближает его с западными попытками найти новые исторические парадигмы, в частности с тем же Анкерсмитом, который пытался отыскать логический ключ к истории. Здесь нельзя говорить о совпадении концепций, правильнее рассуждать об определенных параллелях, одна из которых также очень важна для нашей темы. Зиновьев считает, что в истории существует неправильный подход, когда мы познаем

общество, исходя из определенной теории, скажем, знаменитой марксистской «пятичленки».

Напомним для тех, кому в свое время не посчастливилось зубрить диамат, что в марксистской философии истории всякое общество должно пройти пять стадий развития или формаций на пути к коммунизму: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и социалистическую. Надо сказать, что проблемы у марксизма с историей начались сразу же. Камнем преткновения стал так называемый азиатский способ производства, который не подходил ни под одну из формаций. Здесь нет места и необходимости вдаваться в суть исторических дискуссий по этому поводу, но в результате обсуждения азиатского способа производства марксистская схема дала трещину, и появились новые многолинейные подходы к истории [3].

Но Зиновьев предлагает не это, он более радикален, т.к. считая, что никакой исторической теории невозможно выстроить в принципе, он указывает на обратное соотношение теории и факта в исторической науке. Если в естественнонаучных дисциплинах теория подчиняет себе факты и управляет ими, то в истории зависимость обратная. «Никакого научного исторического объяснения того или иного типа общества не существует с чисто логической точки зрения. Существуют лишь иллюзии исторического объяснения». И дело не в том, что не хватает фактов. «Фактов в таких случаях часто бывает более чем достаточно. А потому, что это в принципе невозможно... Но пока не будет построена научная теория ставшего общества, все это так и останется лишь историей данного куска мира в данное время» [4].

Но проблема в том, что никакого ставшего общества у нас нет. Мы всегда сталкиваемся с обществом, находящимся в процессе. При этом прошлое определяет будущее. Но и прошлое, и будущее существует только в настоящем. Именно временность порождает иллюзорность истории. Зиновьев говорит о том, что необходимо различать физический и социальный аспекты времени. В первом существуют просто события. А во втором их осознание и репрезентация. И далее Зиновьев выводит очень интересное умозаключение, исходя из того, что к социальному прошлому относятся те события в физическом прошлом, которые уже не включаются в социальное настоящее. А вывод это следующий: «Люди в их социальном настоящем совершают поступки не потому, что что-то имело место в их социальном будущем,

а из-за явлений их социального настоящего. Когда они сами думают, будто совершают поступки под влиянием событий социального прошлого или будущего, они либо не различают физическое и социальное время, либо совершают поступки под влиянием идей, которые им вбивают в головы как якобы отражающие социальное прошлое или прогнозирующее социальное будущее» [5].

Постараемся понять, о чем говорит Зиновьев. А Зиновьев говорит о том, что для нас значимы только те исторические события прошлого, которые составляют наше настоящее. Они не просто предопределяют наше настоящее, они и есть часть нашего настоящего. Поэтому мы считаем, что событие Крещения Руси определяет наше бытие, равно как и битва на Куликовом поле, и Октябрьская революция, и победа в Великой Отечественной войне. А вот про битву при Раковорскую битву или битву при Молодях знают только специалисты. Необходимо понять, что все эти события являются фактами прошлого, при этом в физической действительности они в равной степени не существуют, но одни из них забыты, а другие составляют социальное настоящее. В этом случае и интерпретация этих событий говорит нам не о прошлом, а о настоящем, в частности о том, как общество воспринимает свое место в истории сейчас и через какие события прошлого оно себя идентифицирует. При этом разное отношение к данным событиям не является набором версий о том, а «как оно было на самом деле», а маркирует различные группы общества, которые через прошлое самоопределяют себя в настоящем. Говоря более простым языком, интерпретация личности Иоанна Грозного либералом или патриотом-монархистом говорит нам не столько о личности Грозного Царя, сколько о культурных и политических предпочтениях либералов и монархистов здесь и сейчас.

Обратимся теперь опять к Анкерсмицу, по мнению которого «различие между прошлым и настоящим, точно так же как различие между отдельными репрезентациями некоторой части прошлого, не определяется в терминах различия между истинностью и ложностью, но опять-таки – в терминах различия между совокупностями тех истинных суждений, которые мы считаем релевантными для определения своего места в мире, и тех суждений, которые на наш взгляд, можно спокойно игнорировать или забыть» [6]. Здесь иными словами воспроизводится та же ситуация. Находясь в настоящем, мы выбираем те исторические концепты, которые объясняют наше

положение в настоящем, забывая о тех, которые нам в этом не помогают. Таким образом, история становится не наукой о прошлом, таковой является летописание как простая фиксация событий, а наукой о настоящем. Зиновьев вообще заменяет понятие истории ретрологией, настаивая на том, что любая история – фальсификация с логической точки зрения. Он определяет ретрологию как культуру настоящего, лишь принимающую вид культуры прошлого. «Отчасти это – научное изучение остатков, следов, последствий и т.п. прошлого. Но главным образом это – изобретение особой культуры в настоящем... История фальсифицируется как единое целое, а не как скопление разрозненных кусков по отдельности. Это – работа системная» [7].

Думается, что с последним можно и поспорить. В данном случае более обоснованной кажется точка зрения Анкерсмита, который говорит не о фальсификации истории в угоду определенной группе, а об исторической репрезентации определенной группой фактов прошлого в целях самоопределения в настоящем. Зиновьев в данном случае впадает в параноидальную риторику, указывая на непрерывную работу фальсификаторов, которые «вообще не имеют правильной картины мира истории, препятствуют ее созданию. Они с самого начала лгут и уродуют реальность» [8]. Здесь дело не в том, действительно ли с самого начала человечества существуют негодяи-фальсификаторы, а в том, что в системе самого Зиновьева истинную картину построить невозможно в силу того, что время из истории никак не вытащить, а, следовательно, перед нами никогда не будет ставшего общества как объекта исследования, а всегда будет общество становящееся. Скорее можно согласиться с Анкерсмитом, считающим, что репрезентация того или иного исторического факта определяется соответствием образа прошлого настоящему того социальной группы, которая эту репрезентацию продуцирует.

Теперь перейдем к проблеме цивилизационного выбора. В данном случае тема задается названием доклада Патриарха Московского и всей Руси Кирилла на открытии XXIII Международных Рождественских образовательных чтений 21 января 2015 года: «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси» [9]. Когда мы говорим о цивилизационном выборе, то предполагаем некий сознательный акт, предопределивший будущее определенной цивилизации. Осознавал ли князь Владимир, что он делает некий выбор между разными цивилизационными альтернативами? Ставить вопрос так, означает

делать святого князя нашим современником, оперирующим довольно невнятным даже для наших современников понятием цивилизации вкупе с категорией исторического выбора, нехарактерной для сознания средневекового человека, не рассматривающего себя как исторического субъекта.

«Цивилизационный» в данном случае термин особо не удачный, т.к. в каком бы смысле мы не употребляли это понятие, говорить о русской цивилизации можно в лучшем случае с эпохи царя Иоанна IV Грозного. Что такое цивилизация? В каком бы смысле (определенной стадии развития человечества позитивистской и марксистской философии истории или локальной цивилизации Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и пр.) [10] мы не взяли термин цивилизация, она в любом случае означает сложный культурно-исторический комплекс, предполагающий наличие организованных по определенному общесистемному принципу экономической, политической, социальной и духовной подсистем. Говорить о существовании такого сложного общесистемного принципа на Руси в эпоху князя Владимира не представляется возможным. Да и не пережили древнерусские княжества монгольского ига, а такой вариант был весьма возможен, ни о какой русской цивилизации или русском мире говорить бы и не приходилось. Так что князь Владимир не выбирал цивилизационное будущее.

Правильнее говорить о выборе веры, определившем вхождение древнерусских княжеств с центром в Киеве в восточно-христианскую общность. То, что на этой почве потом сформировалась русское государство, породившее великую культуру и цивилизацию, – сочетание множества факторов, одним из которых и было принятие христианства византийского обряда кн. Владимиром. Но фактор этот вовсе не решающий, т.к. многие славянские сообщества приняли христианство, но не все они породили цивилизации. Тем более, что выбор веры был неизбежен, т.к. все раннесредневековые племенные языческие сообщества либо приняли одну из универсальных вер (христианство, ислам, манихейство, буддизм), либо были ассимилированы и утратили этническую идентичность подобно насильно окатоличенным и онемеченным славянам-пруссам.

Оригинальность ситуации с князем Владимиром определяется тем, что он был поставлен самим геополитическим положением подчиненных ему земель в ситуацию реального выбора. Например,

положение скандинавских конунгов никакого выбора не представляло: либо верность язычеству, либо принятие христианства по западному обряду. Вряд ли большой выбор был и у тюркских племен, оказавшихся в зоне влияния ислама. На Руси ситуация была иная, что и отражает рассказ об испытании вер, который является частью знаменитой «Повести временных лет». Не удивительно, что данному сюжету находится не так уж много аналогий в средневековых исторических источниках. Один из таких немногочисленных, а может и единственных, параллельных сюжетов в мы встречаем в «Хазарско-иудейской переписке», памятнике X века, рассказывающем о принятии иудаизма хазарами.

Как пишет современный отечественный исследователь: «Выбор веры» в племенном обществе был невозможен. В отличие от христиан, «язычники» – последователи племенных культов – не сомневались в «реальности» иноплеменных богов, но они были заведомо враждебны, покровительствовали «чужим» народам и землям» [11]. Находясь в другой стране, любой язычник начинал почитать местных богов, довольно быстро забывая о своих. Требование со стороны христиан (или мусульман) полностью отказаться от почитания локальных богов вызывало не столько религиозное неприятие, сколько недоумение и страх лишиться поддержки природных хозяев конкретного места, локальных богов. Языческое общество оказывало сопротивление тому же христианству по причине верности богам своей земли и своих предков, в то время как на чужбине язычник мог принять христианство или ислам без каких-либо предубеждений.

Принятие новой религии всегда имело и политический и экономический подтексты. Во-первых, принимая веру, народ вступал в определенное сообщество. Так принятие ислама всегда означало политическое подчинение халифу. Принятие христианства от Византии или из рук немецких миссионеров также влекло за собой вовлечение в той или иной степени, чаще зависящей от географической близости, политическую зависимость. Но политическая зависимость с одной стороны оборачивалась обретением союзников с другой. В то время как языческие сообщества были для всех «чужими». Во-вторых, принятие христианства консолидировало разноплеменные сообщества с разными культовыми центрами и разными богами. Унификации внутреннего пространства сообществ содействовало и строго иерархическое устройство духовенства, которое выступало в качестве

самого верного союзника княжеской власти. Миссионерский успех при этом сопровождался расширением поддерживающей миссионеров власти. Нигде симфония власти и духовенства не достигает такого единства как в деле распространения христианства в варварской Европе. При этом христианизация в раннесредневековой Европе шла по очень похожему для разных регионов пути. «Как свидетельствуют тексты саг, по мере того, как складывались и укреплялись единые государства, решающее значение в Скандинавии получает именно христианизация «сверху», усиленно навязываемая королями, прежде всего королями-объединителями... Правящие круги Скандинавии, короли и складывающаяся новая, служилая знать были заинтересованы в содействии им хорошо организованной христианской церкви и были готовы на любые силовые приемы для ее устройства в своих странах. *Папство*, в свою очередь, было заинтересовано в интеграции народов Северной Европы в католический мир и собиралось пойти на многое, прежде всего на непрерывное миссионерство» [12].

Следует отметить, и это важно в дальнейшем, наибольшей миссионерской активностью обладали западные христиане и мусульмане. Византийцы в своем миссионерстве были гораздо более прагматичны и менее фанатичны [13]. Но то, что принятие христианства или ислама начиналось сверху и содействовало объединению и становлению иерархических социальных отношений – тенденция общая для всех средневековых государств.

То, что политика большинства представителей династии Рюриковичей была направлена на объединение древнерусских земель, сомнений не вызывает. Но религия древних славян не была некоей общей системой богов, вроде греко-римского пантеона и вряд ли могла содействовать единству разных племенных групп. Противоречия между стремлением к политическому и экономическому единству и религиозной и племенной дифференциацией стали критичными ко времени восшествия на престол князя Владимира. В связи с этим особый интерес вызывает так называемая языческая религиозная реформа князя.

Особенно актуальна эта тема в связи с появлением в наши дни феномена неоязычество. В рамках отечественной неоязыческой идеологии князь Владимир предстает фигурой отрицательной. Один из основателей русского неоязычества, Владимир Емельянов,

распространявший еще в 70-е годы прошлого века в самиздате книжку «Десионизация», так характеризует историческую роль великого князя: «Христианство - это продукт еврейского или масонского заговора, а князь Владимир Красное Солнышко (Владимир Святой) был главным агентом этого заговора, поскольку он, де, сам полуеврей, был ставленником Хазарского каганата, где исповедовался иудаизм» [14]. Он был не «робичечем», т.е. сыном рабы, а «раввиничем» вторит ему его продолжатель Истархов [15]. Несмотря на очевидную дикость данной концепции ее разделяют многие наши современники, считающие такую позицию определенного рода патриотизмом.

В определенной степени становлению такого языческого национализма способствовали и труды историков. Как самый яркий пример можно привести труды знаменитого советского историка и археолога акад. Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» и «Язычество Древней Руси», вышедшие в 80-е гг. Они и ныне остаются самыми популярными книгами по восточнославянскому язычеству. В данных трудах советский академик широкими мазками рисует многотысячелетнее прошлое русского народа, величие языческой мифологии и богатство древнерусской культуры. На фоне этого принятие христианства хоть и было необходимым шагом при переходе от родоплеменного строя к феодальному (естественно, что советский академик был марксист), но вовсе не было культуuroобразующим. Великая цивилизация Киевской Руси уже существовала столетия и до этого. Книги Рыбакова далеко не утратили своей научной актуальности, они написаны с большой любовью к предмету исследований, очень увлекательно, что и объясняет их широкую популярность. Но у дилетантов-энтузиастов столетия древнерусской культуры стали превращаться в тысячелетия, а древнерусское язычество трансформировалось в древнейшую религию с ведическими корнями. И сейчас есть те, кто разделяет гипотезы в духе сатирика Михаила Задорнова, об русских этрусках строителях египетских пирамид.

В этой связи особое значение имеет то, что Рыбаков написал про реформу князя Владимира. А согласно его концепции, древнерусское язычество, ознакомившись с византийским богословием, противопоставило фактически равнозначную религиозную систему. Перун был верховным богом-громовержцем. Стрибог (он же Род) соответствовал Богу-Отцу, Хорс – Богу-Сыну, а Макошь была аналогом Богородицы. Крылатый же зверь Семаргл становится аналогом

архангелов [16]. То, что аналогия с Троицей весьма приблизительна и не точна, Рыбакова не смущает. Действительно, как объяснить соотношение двух верховных божеств – Перуна и Стрибога с единоначалием в христианской Троице Бога-Отца? Почему нет аналогии с Св. Духом? Мы не будем давать пространной критики, это сделано уже до нас [17]. Заметим только, что в среде профессиональных историков в данном пункте построения Рыбакова не встретили широкого понимания. Но Рыбаков создал иллюзию, что язычество наших предков было весьма системно и представляло собой что-то вроде славянской версии неоплатонизма. Между тем, возможно, что все объясняется не столько богословскими, сколько политическими материями.

Рыбакова в определенной степени подводит то, что он разделяет марксистский подход. В его изложении получается, что христианство было необходимо для перехода к феодализму. Впрочем, в этом он был не оригинален, будучи наследником всей советской историографической традиции. Христианство проповедовало идею смирения перед властью имущими, создавало феодальную иерархию, противодействовало классовой борьбе и т.д. Как ни странно, но здесь и христианский и марксистский подход сходятся. Оценивая принятие христианства как прогрессивное деяние, творящее средневековую цивилизацию. Во всяком случае, на раннем государственном этапе складывания феодальных отношений христианство прогрессивно

Все эти схемы превращают князя Владимира в некоего гения-цивилизатора, знающего и византийское богословие и политическую экономию, размышляющего о теологических аналогиях и проблемах классового общества. С другой стороны, возможно он агент всемирного еврейского заговора, страшного Хазарского каганата, извечного противника матушки-Руси, выстроивший очень продуманную комбинацию, включающую в себя сначала дискредитацию светлого и гуманного славянского язычества через введение в него кровавых жертвоприношений, с последующим вовлечением славян в византийское иудеохристианство.

Но не умножаем ли мы сущности без необходимости, забывая о знаменитой бритве Оккама? Возможно все проще, и мы можем найти объяснение данных реформ исходя из конкретных вызовов, которые бросала князю Владимиру повседневность. Кто он был? Сын рабыни и языческого князя, всю жизнь недолюбливающего Киев и искавшего

удачи в иных краях, внук узурпатора князя Игоря, свергнувшего с князем Олегом предыдущую законную киевскую династию. Сам он до этого княжил в Новгороде, в Киеве стал князем, вероломно убив своего брата. Т.е. для киевлян он был чужой, ему было необходимо узаконить свою политическую власть, что в ту эпоху всегда означало обращение к сакральному источнику власти. Магия и власть одна из любимых тем современных исследователей политической антропологии. «Суверены являются родственниками богов, – замечает Жорж Баландь, – занимают такое же положение или считаются их посредниками. Общность атрибутов власти и священного обнаруживает издавна существовавшую между ними связь... Отношение власти к обществу... нагружено сакральностью, ибо все общество соединяет свой собственный порядок с порядком, его превосходящим, расширяющимся до космоса в традиционных обществах» [18]. Князю Владимиру необходимо было сакрально легитимизировать свою власть, объединив космосы Киева и Новгорода. Киевская Русь представляла из себя сложный племенной союз с несколькими городами-центрами, каждый из которых видимо, имел особые религиозные традиции, как это бывает в языческих обществах. Необходимо было унифицировать языческую религию, дабы обеспечить религиозными средствами политическое единство. Т.е. задачи спасти язычество от христианства перед князем не стояло, была задача обеспечить стабильность ново созданному государству, если его можно назвать государством, т.к. политическое единство Руси было весьма условным.

Вышеприведенная схема далеко не голословна, в той или иной степени она находит свое подтверждение в трудах отечественных историков, начиная с книги Е. В. Аничкова «Язычество и Древняя Русь», изданной в 1914 году и с тех пор неоднократно переиздававшейся. Князь Владимир ставит идол Перуна с сопутствующими идолами на холме вне княжеского терема, т.е. на месте для общественного полонения. «На вопрос, зачем поступил так Владимир, в чем состояла его реформа, терминами современными надо ответить так: «Став носителем и охранителем общего интереса, подчинившего ему торговые города, этот князь с дружиной из вооруженной силы превращается в политическую власть». А с этого времени его бог и «предназначается для общественного поклонения». Превращение князя и дружины в политическую власть началось давно. Но когда оно

закончилось? Мне представляется, именно тогда, когда совершил, начавши княжить один, этот религиозно-политический акт Владимир: объявил свой военно-дружинный культ общим культом» [19].

Согласно Аничкову провозглашение Перуна богом богов было первым этапом, второй этап – подчинение ему других славянских божеств. Со вторым пунктом, однако, выходит определенная сложность. Почему в пантеоне не включен самый популярный из богов Велес (Волос), однако при этом включены явно не славянские по происхождению божества Хорс и Семаргл? Ответ на эти вопросы дает современный исследователь М. А. Васильев в своей монографии «Язычество восточных славян накануне Крещения Руси». Он вполне справедливо замечает, что «ответ... заключается в определении пантеона 980 г. не как общегосударственного и тем более не как общевосточнославянского (учитывая изначальную полиэтничность Древней Руси), а как сугубо южнорусского» [20]. Хорс и Семаргл – боги ирано-аланского круга, почитателей их на Руси можно было встретить только на юге. Отсюда особенность пантеона, выставленного специально для киевлян. Но Перун при этом верховный бог. И цель данной реформы не в противостоянии христианству, но в утверждении своей политической власти: «Здесь Владимир руководствовался классическим принципом: «один великий бог на небе – один великий государь на земле» или, применительно к тем конкретным условиям, – «один верховный бог богов всей Руси Перун на небе – один покровительствуемый им великий князь всей Руси Владимир на земле». Иначе говоря, проводя языческую реформу 980 г., Владимир стремился достичь вполне земной и вполне личной цели – укрепления собственной власти в государстве, центральной власти вообще» [21]. С подобной трактовкой в целом согласны и другие исследователи, в частности Л.С. Клейн и Г. Ловмянский [22], так что мы имеем некий *consensus partum* в среде историков по вопросу политической подоплеки языческих реформ князя. Но это означает, что данная реформа была шагом вперед на пути принятия христианства, т.к. передавало главное устремление князя, которое и привело к одному из главных в отечественной истории событий. По причинам, которые мы не будем анализировать, реформа не удалась, Перун не смог сыграть отведенной ему роли.

Но призраки восточнославянского язычества неизбежно возникают в связи с ростом националистических идей. Попытки провозгласить

древнерусскую культуру одной из древнейших, поставить древних руссов (или укров, или кого-то еще) в ряд с египтянами и шумерами с неизбежностью ведет к попытке реставрации язычества в виде неоязычества. С одной стороны понятно, что реставрация аутентичных языческих традиций невозможна, с другой, неоязычество, пусть напрямую и не связанное с язычеством, есть все-таки форма его бытования в настоящем, т.к. неоязычник соотносит себя именно с конкретной языческой традицией, которая пусть и не функционирует уже тысячелетие, но боги данной традиции начинают свою жизнь в новом, зачастую фантазмагорическом, облики. При этом постоянно отстаивается тезис о древности подлинной народной культуры, к которой необходимо вернуться через очищение ее от привнесенных извне элементов.

Дабы подтвердить данный тезис можно обратиться к наследию Льва Силенко – основателя украинского неоязычества, который в украинской Википедии фигурирует как «Духовный Учитель, великий Гуманист, видатний мислитель, філософ, історик, письменник, номінант на Нобелівську премію» [23]. В своем творчестве он идет тем же путем, что и русские неоязычники, провозглашая украинскую культуру одной из древнейших «ведических» культур, которая фактически была уничтожена христианством, искоренившим и письменность, и искусство и историческую память древних руссов (украинцев) [24]. В насаждении христианства огромную роль сыграла Византия и татарская Московия, поработившие «великую» Украину. Нет смысла объяснять, что в данной системе взглядов крещение Руси кн. Владимиром воспринимается как одно из самых негативных в истории событий.

В данных неоязыческих системах, будь они русские или украинские, интересна их обращенность к дохристианскому прошлому, исторические данные о котором крайне скудны. Фактически крещение здесь водораздел, за которым существовала культура, наследие которой было уничтожено христианством. Данный тезис, вкупе с недостатком данных о данной культуре, дает возможность выстраивать самые фантастические её реконструкции, которые, нет сомнений, ничего не могут сказать нам о прошлом, но могут многое рассказать о настоящем, и, в частности, о надеждах и идеалах националистически настроенных наших современников. В конечном итоге это важнее, т.к. подлинная история «древних укров» есть

фикция, а вот убеждения и действия тех, кто считает себя продолжателем данной истории, являются частью нашей печальной реальности. Т.е. не важно, были или нет «древние укры», важно то, что рядом с нами живут те, кто считает себя их потомками.

Но вернемся к повествованию «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) об «испытании вер». Данный текст, многократно исследовавшийся и подвергавшийся критике множества историков, все-таки сохраняет и некую ценность как текст, пусть и литературный и легендарный, но отражающий саму реальность выбора, стоявшую перед князем Владимиром.

То, что альтернативы были и князь делал некий выбор, не подлежит сомнению. Отбросим как маловероятные для реализации исламскую и иудейскую перспективу. Они были не реальны с точки зрения геополитики, т.к. выбор веры предполагал определенные последствия: консолидацию новообразованного племенного государства в единую Киевскую Русь и обретение определенных союзников в регионе. Представляется, что и особого выбора здесь не было, т.к. Русь уже была втянута в христианский мир, в то время как мир исламский был слишком далек (первые дипломатические связи с Булгарией – 985 год), а иудейского просто не существовало [25].

Тем не менее, христианский мир был ближе, христиан было не мало и внутри страны, но это не означает, что и здесь не было выбора. Надо сказать, что наиболее часто рассматривают следующую альтернативу, стоящую перед князем Владимиром: либо восточное христианство, т.е. православие, либо западное – католичество. Приведу характерный пример из интервью известного нашего журналиста Владимира Владимировича Познера западному журналу: «Я думаю, что одна из величайших трагедий для России – принятие православия. Если посмотреть сегодня – ограничимся просто Европой и возьмем христианские страны, – есть три ветви христианства: католицизм, православие и протестантизм. Если оттолкнуться от таких определений, как демократия, качество жизни, уровень жизни, и распределить страны именно по этим показателям, то на первом месте будут именно протестантские страны, все. Потом католические. И лишь потом такие, как Россия, Греция, Болгария и т.д. И это совершенно не случайные вещи, потому что более темной и закрытой религией является православие» [26]. Это высказывание далеко не единично, а выражает некую тенденцию в определенной части нашего общества,

ориентированного на Запад и сожалеющего о выборе князя Владимира, благодаря которому мы живем, скажем так, не в Европе. И вопрос в данном случае в том, а действительно ли это так? Действительно ли князь Владимир predetermined последующий путь России и ее более чем сложные отношения с Европой?

Можно начать с того, что разделение христианства на западное и восточное проводится в самой ПВЛ, в которой Владимир фактически выбирает между двумя христианскими традициями. Но ПВЛ писалась тогда, когда разница стала уже очевидной, а была ли она в то время, учитывая пусть и формальное единство христианской Церкви?

С одной стороны, было то, что сэр Дмитрий Оболенский назвал Византийским содружеством, с другой – западная империя династии Оттонов. Обе империи были римскими (Восточная римская империя и Священная римская империя германской нации соответственно). При этом Византия не признавала претензий Оттона. Заметим, что первые конфликты между церковными патриархатами Рима и Константинополя возникли на стыке этих двух миров (Моравия, Болгария). Но церковно они воспринимались как единое целое. ПВЛ дает в целом очень невнятное объяснение религиозных причин отвержения западных миссионеров: «Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так как наша вера – свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги – просто дерево». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?». И ответили они: «Пост по силе: «если кто пьет или ест, то все это во славу Божию», – как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого» [27].

На самом же деле причины были, но причины не религиозные, а политические. Это видно и из ответа князя Владимира, т.к. не просто отцы не приняли этого, но его отец, Святослав, прогнал миссионера Адальберта, которого призвала на Русь по свидетельству западных источников княгиня Ольга. «Хроника» Региона Прюмского: «Послы Елены, королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе, явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников» [28].

Далее этот же Адальберт становится миссионерским епископом Магдебурга, епархии потенциально включавшей в себя и славянские земли, в соответствии с политикой Оттонов, считавших славян частью своей империи. Цитируем того же Ле Гоффа, рассказывающего о политических планах Оттона III и папы Сильвестра II: «Миниатюры изображают императора на престоле в окружении Рима, Галлии и Германии, но, кроме того, еще и Склавинии, то есть страны славян. Таким образом, и Папа, и император в тысячном году мечтают о расширении Европы на восток» [29]. Но эти мечты отражаются уже в грамоте его деда Оттона I об учреждении магдебургской епископии: «Будучи убеждены, что распространение веры господней служит на пользу и укрепление нашей державы, мы... постановили избрать архиепископом и митрополитом всего славянского народа по ту сторону Эльбы и Зале, недавно обращенного или подлежащего обращению, досточтимого мужа Адальберта» [30].

То, что планы Оттона были близки к осуществлению при его сыне Оттоне II убедительно доказывает историк А.В. Назаренко. Его выводы следующие:

1. Ярополк Святославич заключил союз с Оттоном II, что предполагало брак с родственницей Оттона, дочерью графа Куно.

2. Князь Владимир в свою очередь заключил союз с чешским князем Болеславом II и женился на его дочери.

3. Весьма вероятно, что князь Ярополк был крещен и даже подтвержден немецким посольством в 978 году [31].

Если бы в гражданской войне двух братьев победил бы не язычник Владимир, а христианин Ярополк, Русь была бы включена в западную церковную юрисдикцию, подобно Польше и Чехии. Именно в 70-е годы утверждается кафедра в Праге. Первым епископом её становится священномученик Адальберт Пражский, ученик Адальберта Магдебургского, небесный покровитель Польши, известный там под именем Войцеха. Интересно, что когда в 1000-летнюю годовщину смерти Адальберта от рук язычников-пруссос Папа Иоанн Павел II 3 июня 1997 года совершал около мощей этого епископа в Гнезно службу, на ней присутствовали президенты Венгрии, Польши, Словакии, Чехии и Украины, т.е. страны католически-славянского лагеря [32]. В случае победы Ярополка вполне возможно, что Адальберт был бы и первым русским епископом. Но победа Владимира в дальнейшем предопределила разрыв с западным

христианским влиянием. Вполне возможно, что первичную роль здесь сыграли не эстетические соображения, но явные политические претензии немецких императоров, которые были, куда как ближе к границам Руси, чем императоры Византии. Владимир, который еще, будучи язычником, выступал против союза с немцами, следуя линии своего отца, после неудачи с языческими реформами, вполне последовательно обратился к византийской альтернативе. Это не значит, что в его выборе не было религиозных или иных моментов, но этот выбор предопределялся и политической логикой, которая тогда уже поставила Русь на границу двух христианских миров, немецкого западного и восточного христианского, которые вскоре разделятся и религиозно.

Но выбор в пользу Византии был выбором не религиозным, а политическим. Кроме того, мы совершаем большую ошибку, воспринимая кн. Владимира некоей абсолютной ключевой фигурой процесса христианизации. Получается, что до него все вокруг были варварами-язычниками, а он, будучи всемогущим монархом, приказал креститься, обещав тем, кто воспротивится «утрату доверия», и уже на следующий день Русь была православной.

Такая упрощенная схема не учитывает ряд факторов. Князь Владимир был вовсе не монарх, а князь, правивший Киевом с позволения киевлян и не имевший возможности заставить их всех что-то сделать против их воли. Власть князя была обширной, но не абсолютной.

Потом, процесс христианизации Руси начался с 860 года, к которому обычно относят поход Аскольда и Дира на Константинополь. Не вдаваясь в самый сложный вопрос историчности данного события, отметим, что то, что христиане в IX веке уже были на Руси, и христиане эти были в основном из Византии – не вызывает сомнений. Как известно бабка кн. Владимира кн. Ольга была крещена византийским императором Константином Порфирородным. Христиане служили в дружине деда и отца князя Владимира, о чем свидетельствуют и русско-византийские договоры и летописные известия. Нельзя забывать и о первых русских мучениках Феодоре и Иоанне, которые были варягами-христианами, получившими свою веру, скорее всего опять-таки из Византии. И именно с Византией у Киева были наиболее обширные торговые и культурные связи. В свете всего этого выбор

Византии был на самом деле если и не predetermined, то наиболее вероятным.

Даже если бы князь Владимир принял крещение из рук немецких миссионеров, это вряд ли бы что-то изменило, тем более, что сам князь Владимир не видел между западными и восточными христианами большой разницы. Можно вспомнить хотя бы об активной поддержке князем Владимиром немецкого проповедника Бруно Кверфутского, пытавшегося наладить миссию среди печенегов.

Да и потом, уже после князя Владимира, неоднократно русские князья заглядывались на Запад. Это были и дети Владимира, как например Святополк и Ярослав Мудрый, и его внук Изяслав и много кто еще. Можно вспомнить и примеры стран, получавших христианство с Востока, но переориентировавшихся на Запад, как например та же Моравия или Литва. Т.е. дело здесь вовсе не в личном выборе того или иного князя, но в исторической логике процессов, которыми вряд ли могут управлять отдельные люди.

Вообще в истории дата того или иного события вовсе не означает, что событие данной датой определяется. Поясним этому мысль, обратившись все к тому же Зиновьеву. По его мысли, когда новое общество сменяет старое, то эта перемена не одномоментна. «Новое общество... имеет свои основы и источники, не являющиеся специфическим элементом событий в данном пространственно-временном объеме, имеет свою жизненную линию, которая выходит за рамки этого объема как в прошлое, так и будущее... Так, конец монархического режима в России не был началом коммунистического строя, – линия последнего уходит в глубь общественной жизни и в прошлое так, что она долгое время сосуществует с линией монархического режима» [33]. Данную концепцию можно применить и к другим сложным историческим процессам. Так разделение Восточной и западной Церквей произошло не в 1054 году, в 1054 году произошло событие, которое в исторической памяти соотносится разделением церквей. Сам же процесс разделения начался в IX веке, а закончился в XIII-ом. Крещение Руси здесь вовсе не исключение. Христианизация Руси начинается в IX веке, а заканчивается где-то в XII-ом, хотя некоторые считают, что она не закончена и сейчас. Но само событие крещения навсегда связано с именем кн. Владимира, образ которого в исторической памяти неотделим от христианизации древнерусской культуры.

И, так или иначе, соотнося себя с этим образом князя Владимира, считая его выбор веры правильным или ошибочным, на самом деле это мы делаем выбор.

Ссылки:

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. - С. 87-88.
2. Зиновьев А.А. Фактор Понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2011. - С. 471.
3. Более подробно о спорах советских историков и идеологов по этому вопросу см.: Восленский М.С. Номенклатура. М.: Советская Россия, 1991.
4. Зиновьев А.А. Фактор понимания. С. 473.
5. Там же. С. 465-466.
6. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. С. 93-94.
7. Зиновьев А.А. Фактор понимания. С. 482.
8. Там же. С. 483.
9. См. официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3957820.html>
10. Более подробно об эволюции понятия цивилизации см.: Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю. - М.: Наука, 1991. - С. 239-281.
11. Петрухин В.Я. Русь в IX – X веках. От призвания варягов до выбора веры.- М.: Форум, Неолит, 2014. - С. 380.
12. Сванидзе А.А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. - М.: Новое литературное обозрение, 2014. - С. 360.
13. По теме византийского миссионерства см.: Иванов С.А. Византийское миссионерство. - М.: Языки славянской культуры, 2003.
14. Цит. по: Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. - СПб.: Евразия, 2004. - С. 113.
15. Истархов В.А. Удар русских богов. Б. - М.: Институт экономики и связи с обществом. - С. 234–235.
16. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. - М.: Академический проект, 2013. - С.450 и далее.
17. Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. - С. 68-105.

18. Баландье Ж. Политическая антропология. - М.: Научный мир, 2001. - С. 99, 101-102.

19. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. - М.: Академический проект, 2005. - С. 397-398.

20. Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне Крещения Руси. - М.: Индрик, 1999. - С. 216.

21. Там же. С. 218-219.

22. Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок. СПб.: Академический проект, 2003. С. 91-101.

23. О Силенко Л.Т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.kiwix.org/wikipedia_uk_all/A/Лев%20Силенко.html

24. Более подробно см.: Силенко Л. Мага віра. Spring Glen. N.Y., 1979.

25. Хотя, некоторое отражение посольства князя Владимира в исламской литературе осталось. Так Ал-Марвази (врач при дворе сельджуков кон. XI – нач. XII, автор «Истории животных») рассказывает нам о руссах: *«Случилось у них так, что приняли они христианство в 300/912 - 13 году. А когда стали христианами, притупила вера их мечи, закрылись перед ними двери добычи, и принесло им [это] вред и крах. Стало недоставать им средств к жизни, и захотели они [обратиться] в ислам, чтобы возможными стали для них война и борьба и [чтобы] вернуться к привычкам, которые были у них. Направили послов к правителю Хорезма, группой в 4 человека из [числа] приближенных царя. У них [есть] независимый царь, [который] называет сам себя и титулуется буладмир, как называют царя тюрков хакан, а царя болгар – б. т.л.ту. Прибыли послы их в Хорезм, выполнили свою миссию, [получив] разъяснение от хорезмшаха, так что захотели в ислам. Послал к ним [хорезмшах учителей], чтобы научить их закону ислама и обратить в ислам»* (Древняя Русь в свете зарубежных источников. Том III: Восточные источники. С. 60).

26. Познер: православие – беда и трагедия России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/536250/>.

27. Повесть временных лет. - СПб.: Наука, 2007. - С. 176.

28. Регион Прюмский. «Хроника» с продолжением // Древняя Русь в свете зарубежных источников. - Т. IV: Западноевропейские источники. - М.: Русский фонд содействия Образованию и науке, 2010. - С. 45-46.

29. Гофф Ж. Рождение Европы. - СПб., 2007. - С. 71.
30. Грамота германского императора Оттона I об учреждении Магдебургской архиепископии // Древняя Русь в свете зарубежных источников. - Т. IV: Западноевропейские источники. - С. 42.
31. Более подробно см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. - М.: Языки русской культуры, 2001. - С. 339–390.
32. Об Адальберте Пражском более подробно см.: Католическая энциклопедия. - Т.1. - М.: Издательство Францисканцев, 2002. - С. 78-80.
33. Зиновьев А. А. Феномен понимания. - С. 476.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

ЗАПАД И РОССИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ
А.А. ЗИНОВЬЕВА И И.А. ИЛЬИНА

С.А. Стасенко

В статье проводится анализ творчества А.А. Зиновьева и И.А. Ильина по критерию отношения их к проблеме «Россия – Запад». Выделяются общее и различное в их понимании данной проблемы. Общее в их понимании проблемы относится к утверждению различия между Россией и Западом, основное отличие – отношение к коммунизму. Если А.А. Зиновьев видит в коммунизме развитие коммунальных начал российской истории, то И.А. Ильин считает коммунизм отрицанием русского начала.

Ключевые слова: эмиграция, коммунизм, Запад, Россия, история, социальная организация.

Творчество А.А. Зиновьева является сложным и многомерным, в некоторых моментах противоречивым явлением. Но, по крайней мере, с точки зрения метода его творчество сохраняет внутреннее единство, проявляющееся в разных формах, в которых выражалась его мысль в разные этапы творческой жизни. В отличие от В.В. Маяковского, который «наступал на горло собственной песне», чтобы выразить дух времени, дух эпохи в своей поэзии, А.А. Зиновьев не отделял свою личность от текста. Скорее, А.А. Зиновьев мог бы выразить себя и свое отношение к событиям своего времени другими словами В.В. Маяковскому – «о времени и о себе».

В целом, отношение к творчеству А.А. Зиновьева со стороны так называемого «современного российского патриотического дискурса» несколько отстраненное. Но и либеральный дискурс также извлекает из творчества А.А. Зиновьева то, что представляет интерес исключительно для него. Эту особенность отношения к творчеству А.А. Зиновьева замечательно уловил Ю.Ю. Болдырев, на которого ссылается С.Н. Бабурин, «Зиновьев был желанным гостем на Западе до тех пор, пока анализировал советские процессы. А как только он

с присущим ему мастерством стал говорить о процессах, происходящих в западном обществе, он тут же стал неприемлем для тогдашнего тамошнего научного, политического истеблишмента» [1, с. 19].

В этой работе предпринимается попытка сравнить образы Запада и России в творчестве А. А. Зиновьева и И.А. Ильина. Дело в том, что И.А. Ильин, как и А.А. Зиновьев стал выразителем определенного отношения России к Западу, поскольку его отношение к России и Западу формировалось не только на основе высокой интеллектуальной культуры, которой он обладал, но и потому что он являлся современником и участником трагических событий XX века. Взгляды А.А. Зиновьева и И.А. Ильина представляют содержательное и методологическое значение для понимания событий современной истории в контексте проблемы соотношения России и Запада.

Прежде всего, следует признать, что творчество А.А. Зиновьева было проникнуто не только любовью к своей стране, будь то Советский Союз или Россия, но оно содержало в себе мощный критический потенциал по отношению к существующим формам организации социальной жизни, общественной морали, тем или иным идеологическим концепциям, которые господствовали в обществе. В частности, А.А. Зиновьев в одном из своих интервью отметил: «Я русский человек и воевал не за Сталина, а за землю родную. Наверное, это трудно понять тем, кто не пережил подобного. И в 1999 году я вернулся в Россию с единственной целью – разделить судьбу моего народа» [15].

Как известно, несмотря на свои антисталинские убеждения и критику в форме «социологического романа» интеллектуальных и социальных явлений брежневской эпохи, А.А. Зиновьев не принял поворот к либерализму, осуществленный М.С. Горбачевым, назвав «Перестройку» – «Катастройкой». Советскую цивилизацию А.А. Зиновьев не считал какой-то химерой, чужеродным образованием на теле России. Советская цивилизация, в наиболее общих чертах, продолжала традиции царской России и базировалась на тех же основаниях, что и дореволюционная Россия.

Как отмечает В.В. Дерюшев, «А. Зиновьев приходит к мысли, что советское и западнокапиталистическое общество различаются следующим образом: общество Запада является экономическим в том смысле, что для него приоритетна, прежде всего, экономическая эффективность и потребление. Для советского же общества

достижения в социальной сфере (бесплатное всеобщее образование, бесплатная медицинская помощь, гарантированное право на труд, на обеспеченную старость, реальная помощь семье и детям и т.д.) определяли его жизнестойкость вплоть до перестройки» [2, с. 211].

Основы социальной организации, сложившейся в России, А.А. Зиновьев видел в особом типе коммунальных отношений, которые исторически сложились в России и принципиально отличались от тех, которые сложились и доминировали на Западе.

Отличительной особенностью «клеточки» общественной жизни в России является приоритет социальной сферы над деловой, тогда как на Западе, наоборот, имеет место приоритет деловой сферы над социальной. Именно поэтому в «реальном коммунизме» человек был более защищен от влияния того, что называется «неустановными отношениями на работе», от произвола собственников предприятий, менеджеров среднего звена, всех тех, от кого он зависит в своих деловых контактах.

Наблюдая реальную жизнь в Западной Европе и в России, А.А. Зиновьев сопоставлял сильные и слабые стороны каждой из моделей социальной жизни. В результате, без каких-либо идеологических иллюзий он отдал приоритет России и все годы, после своего возвращения в Россию, он посвятил отстаиванию суверенитета России и борьбе с «западнизмом», и прежде всего в сфере идей.

Поразительно его признание, которое он делает в «Русской трагедии»: «Я принадлежал к числу тех, с совкового молчаливого согласия которых был разрушен Советский Союз и советский социальный строй в России и других частях бывшего Советского Союза. До сегодняшнего дня я боялся признаться себе в этом, разделяя и выдумывая сам всяческие оправдания тому, что произошло у нас в горбачевско-ельцинские годы «...» Неужели это произошло в реальности, а не в болезненном бреде?! Как и почему это произошло?! Кто в этом повинен?! «...» Ты сам и повинен в этом «...» Вот ты и получил то, что тебе и следовало получить за свою глупость, легкомысленность, безответственность, если не сказать нечто большее о твоём поведении, – за предательство и в лучшем случае за попустительство предательству. Что посеешь, то и пожнёшь!» [4, с.7]

«Целились в коммунизм, а попали в Россию» – так определил А.А. Зиновьев смысл происшедших событий.

Интересно сопоставить творчество А. А. Зиновьева с другим выдающимся русским мыслителем XX века И.А. Ильиным, приверженцем белогвардейского движения, эмигрантом, которому, в отличие от А.А. Зиновьева не удалось вернуться в Россию.

Как и А.А. Зиновьев, И.А. Ильин почти половину жизни вынужденно жил на Западе, и, подобно А.А. Зиновьеву, имел возможность видеть Россию извне, сопоставляя ее с западной культурой и образом жизни. В частности, он утверждает, что «мы должны помнить, что другие народы нас не знают и не понимают, что они боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению. Только одна маленькая Сербия инстинктивно сочувствовала России однако, без знания и понимания ее» [5, с. 86].

Как известно, значительную часть творчества И.А. Ильина занимает борьба с превратно понимаемыми принципами «непротивления злу», которые в интерпретации Л.Н. Толстого и его последователей предстали в форме отказа от борьбы и сопротивления злу и насилию, если это сопряжено с нарушением моральных принципов и причинением насилия.

Критикуя своих современников за попустительство и слабость, проявленные ими во время Революции 1917 года, он был назван своими современниками «чекистом во имя Божие». Свое впечатление от философии И.А. Ильина Н.А. Бердяев выразил в словах «кошмар злого добра». Будучи последовательным критиком коммунизма, считающим коммунизм противоестественным, И.А. Ильин признавал, что коммунисты оказались более последовательны и жертвенны в отстаивании своих идеалов, что и стало причиной их победы.

Подобно А.А. Зиновьеву во второй половине XX в., И.А. Ильин в первой половине XX в. берет на себя ответственность искренне признать произошедшую в стране катастрофу и выделить ее причины: «Одна из причин той великой беды, которая постигла нашу родину, состоит в неверном строении русского характера и русской идеологии. Особенно в широких рядах русской интеллигенции. Эту неверность следует обозначить, прежде всего как сентиментальность. Сентиментальность есть духовно слепая жалостливость, преобладание чувства над волею и обывательского «настроения» над религиозностью. Это есть беспредметная размягченность души, умеющей предаваться своим чувствованиям, но не умеющей любить

Божие дело всею душою, не умеющей решать, принимать на себя ответственность и вести волевою борьбу» [7, с. 290].

Подобно И.А. Ильину, который утверждал, что противостоять такому положению вещей может только герой, поставивший интересы Целого (в смысле стоиков) выше своих собственных и целиком посвятившего себя идее служения, А.А. Зиновьев считал, что только возврат к исходным основаниям коммунальных отношений и ценностям, которые они порождают, и которые порождаются ими, даст шанс сохраниться России как целостности. Однако этим героем стал для него ни кто-то другой, а он сам, посвятивший себя научному изучению мышления и общества родной страны.

В воспоминаниях об А.А. Зиновьеве современники часто повторяют похожую мысль: «Зиновьев для меня – это образец для оценки существующих людей и создания человека нового типа: с высокоразвитым умом и высокоразвитой душой, озабоченного самим собой, судьбами своей семьи, отечества и всего мира. Зиновьев – это норма. Все остальное – ненормальность. Другое дело, что я не могу представить себе мир, состоящий из одних Зиновьевых. Этого никогда и не случится, зато есть высота, к которой можно стремиться» [8, с. 10].

Рассматриваемые мыслители не могли обойти вниманием «отречение» М.С. Горбачева от курса, по которому развивалась страна, как и фактическое отречение от престола Николая II, современниками чего были, соответственно, А.А. Зиновьев и И.А. Ильин.

Как было отмечено «перестроечный» курс М.С. Горбачева А.А. Зиновьев назвал «Катастройкой».

Что касается Николая II, то его отречение от престола, представляемое как акт морального подвига и проявление заботы о народе, не является таковым. В заявлении об отречении Николая II сказано: «В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думою признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть» [3, с. 122]. Иными словами, Николай II оправдывает свой поступок желанием сохранить единство народа для достижения победы в войне. Но вместе с тем своим поступком он нанес сильный удар по легитимности действующей системы власти.

Показательно, что И.А. Ильин колеблется в оценке этого события: с одной стороны, он утверждает, что «царствующая русская династия покинула свой престол тогда, в 1917 году, не вступая в борьбу за него, а борьба за него была бы борьбой за спасение национальной России», а с другой стороны, он говорит, что «в первом отречении от престола и во втором отказе немедленно принять власть – было столько живого патриотизма, опасения вызвать гражданскую войну на фронте и в тылу, столько царственного бескорыстия, скромности «...» что язык не повертывается сказать слово суда или упрека» [6, с. 92-108]. Однако основные причины произошедшего, согласно И. А. Ильину, лежат в плоскости утраты народом «монархического правосознания», а также распространения среди интеллигенции идей либерализма и анархизма.

Принципиальным различием между А.А. Зиновьевым и И.А. Ильиным было отношение к коммунистической идее, к коммунизму, и, соответственно, к советскому периоду истории России.

Как отмечает исследователь культуры русской эмиграции М.А. Маслин, «широко известна переписка двух Иванов, Шмелева и Ильина. Шмелев пишет: Иван Александрович, вот в советской-то России какие-то новые явления, комсомольцы, может быть, что-то об этом написать? Ильин отвечает: если вы и дальше будете писать мне в таком советофильском духе, я всякую переписку с вами прекращу. Запомните раз и навсегда: вся культура России нереволуционна и дореволюционна. В этом смысле то, что происходит в СССР, это вовсе не русская культура» [12, с. 74].

К сожалению, негативное восприятие советского прошлого продолжает оставаться разделяющим моментом и в постсоветскую эпоху: сторонники «национальной» культуры, будь то русская или украинская, или культура иного народа, который входил в СССР, проявляют непримиримость по отношению к сторонникам левой идеи.

Негативное отношение к коммунизму в правом консерватизме И.А. Ильина обусловлено, во многом, отношением коммунистов к русскому национальному вопросу.

И до сегодняшнего дня основное расхождение между правыми русскими консерваторами и сторонниками левой идеи в России, к которым, безусловно, можно отнести, при определенных оговорках, и А.А. Зиновьева, касается различного понимания природы и сути

национального вопроса. Притом что и те, и другие выступают с патриотических, государственных позиций.

Суть право-консервативного подхода к национальному вопросу базируется на т.н. «национальной идее», которая находит свое выражение в «национальном государстве». Соответственно, ценностный универсум приверженцев правого консерватизма строится вокруг понятий «нация», «национальная идея», «национальное государство».

Для анализа специфики левого подхода к национальному подходу следует обратиться к сочинениям В.И. Ленина – без сомнения, крупнейшего теоретика и практика марксизма, чьи идеи и формулировки оказали решающее влияние на историю XX века, легли в основу т.н. «красного проекта», сформировали само явление «русского коммунизма».

Необходимо отметить, что взгляды В.И. Ленина на сегодняшний день, во многом, утратили свое актуальное звучание для общества – они являются предметом либо некритической апологии (коммунисты), либо огульного отрицания (например, т.н. «ленининопад» как часть процесса «декоммунизации» в современной Украине).

Однако они представляют методологическую ценность, поскольку содержат модели рассуждений о национальном вопросе в т.н. «левой» идеологии.

Прежде всего, В. И. Ленин разделяет нации на угнетающие и угнетаемые: «Характерная черта империализма состоит в том, что весь мир, как это мы видим, разделяется в настоящее время на большое число угнетенных наций и ничтожное число наций угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой» [9, с. 241].

Таким образом, задача коммунизма в том числе – обеспечить освобождение и развитие угнетаемых наций. Показательно, что В.И. Ленин допускал, что нации, не прошедшие через капиталистическую стадию, также имеют национальное самосознание и в этом смысле являются полноценными субъектами истории, наряду с т.н. «цивилизованными» нациями.

Для успеха развития пролетарской революции В.И. Ленин предлагает отказаться от определенных великодержавных имперских предрассудков русского народа, которые могут оттолкнуть малые народы от участия в революции.

В «Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным» В. И. Ленин отмечает, что «капитализм разделил нации на небольшое число угнетающих, великодержавных (империалистских), полноправных, привилегированных наций и громадное большинство угнетенных, зависимых и полузависимых, неравноправных наций. Преступнейшая и реакционнейшая война 1914-1918 годов еще больше усилила это деление, обострила злобу и ненависть на этой почве. Веками накопилось возмущение и недоверие наций неполноправных и зависимых к нациям великодержавным и угнетающим, — таких наций, как украинская, к таким, как великорусская» [10, с. 43].

Русскому народу следует отказаться от притязаний на имперскую исключительность, от угнетения «инородцев». «Тюрьма народов» царской России должна быть разрушена и на смену ей должно прийти братство между народами, основанное на взаимном уважении и доверии.

Выступая против волны патриотического шовинизма, поднявшейся в России после начала Первой мировой войны, В.И. Ленин в статье «О национальной гордости великороссов» заявляет: «Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое «...» и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душить Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае» [11, с. 108].

В этой статье В.И. Ленин соглашается со словами Н.Г. Чернышевского о «великоросской нации» - «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Интересно, ни на ленинских ли (или, что более вероятно, псевдо-ленинских) принципах основаны признания некоторых современных деятелей российской культуры, которые утверждают, что им «стыдно за русский народ»?

На самом деле, в этих словах В.И. Ленин подчеркивал принцип равноправия наций, а также подчиненность национальной проблематики неким иным, более высоким целям, по отношению к которым недопустимо разделение из-за национального вопроса.

В «Первоначальной наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам» В.И. Ленин отмечает: «Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность» [9,

с. 164]. В качестве успешного опыта федеративного решения национального вопроса В.И. Ленин приводит РСФСР, выстраивающей отношения с другими советскими республиками, а также по отношению к национальностям, не имевшим в царской России особого статуса национальной автономии.

Кстати, широко используемое сегодня понятие «русского мира» в руках наиболее радикальных приверженцев правого консерватизма очень легко оборачивается в идеологический инструмент для оправдания такого позорного, но тем не менее реально существующего явления, как «русский фашизм», представленного черносотенным движением в начале XX века, власовством во время Великой Отечественной войны, современными ультраправыми группами в Российской Федерации. Русский мир – это мир не только русской нации и для русской нации, это мир и для украинцев, и для греков, и для евреев, и для белорусов и для всех прочих народов и наций, предполагающий сохранение их национальной самобытности в рамках единого содружества государств и народов.

Рассматривая данный подход в контексте современности, остается только один вопрос: какая общая цель способна объединить различные народы сегодня?

Один из членов Зиновьевского клуба Т. Сергейцев выразился по этому поводу следующим образом: «Давайте прекратим бред про Русский Мир. Ничего этого нет. Есть Россия и – эмиграция, диаспора, изгнание. Русские – это политическое единство. Где нет государств русской политической нации – нет никакого Русского Мира. Там вообще нет русских – только русскоязычные. Теоретически, таких государств могло бы быть несколько. Вот Белоруссия – она государство русской политической нации? Как США, Великобритания, Австралия, Канада, Новая Зеландия – государства англо-саксонской политической нации?» [13].

Согласно позиции Т. Сергейцева, национализм – будь-то русский, украинский, или какой-либо иной – есть враждебное для «русского мира» явление. Необходимо вести не борьбу «за чистоту нации», а консолидировать различные народы и государства в рамках общего ценностно-политического поля, подобно тому, как «англо-саксонский мир» консолидирует различные англо-говорящие и англо-культурные, в широком смысле, народы в рамках единой ценностно-политической парадигмы. Естественно, что при таком подходе, ни о какой

«национальной чистоте» речи быть не может: США, как важнейшая часть и ядро «англо-саксонского мира», создана иммигрантами из других стран, в Новой Зеландии народность Маори имеет приоритет в деле сохранения своих традиций и культуры, аналогичными правами пользуются французы в Канаде, шотландцы в Великобритании и .т.д.

В статье «Всерьез о «многополярном мире» к чему следует приготовиться» Т. Сергейцев делает еще более резкое заявление, которое противоречит расхожим представлениям обыденного сознания, но вместе с тем подтверждает сказанное выше: «Русские – не славяне. Русские – не этнос. Русские – это историческая политическая мульти-этническая общность, как швейцарцы, только больше. Славянское понимание русского – путь в исторический регресс, добровольное превращение в реликт» [14]

Таким образом, в своих убеждениях и И.А. Ильин, и А.А. Зиновьев базируются на принципе безусловной любви к стране. Однако любовь к стране, не обязательно означает любви к государству. Более того, для того, чтобы иметь трезвый взгляд на процессы, происходящие в стране, необходимо выступать не только в качестве апологета, но и критика существующего положения вещей.

Важно понимать, что противопоставление Запада и России в творчестве И.А. Ильина и А.А. Зиновьева осуществлялось ими не для достижения каких-то конъюнктурных, карьерных или политических целей, но для более глубокого осознания предназначения своего народа и, следовательно, более плодотворного труда и служения ради реализации им своей судьбы в истории. И в этом отношении идеи А.А. Зиновьева и И.А. Ильина продолжают оставаться актуальными и востребованными.

Ссылки:

1. Бабурин С.Н. Зиновьев сегодня // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №3. – С.18 – 21.
2. Дерюшев В.В. Зиновьев о советской цивилизации // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 5. С. 211–213.
3. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / [Отв. ред. О.И.Чистяков]. – М.: Юридическая литература, 1994. – 352 с.
4. Зиновьев А. А. Русская трагедия. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2005. – 512 с.

5. Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг.: в 2 т. Т.1. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 527 с. – (Белая Россия).

6. Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг.: в 2 т. Т.2. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 512 с. – (Белая Россия).

7. Ильин И. А. Идея Корнилова // Возвращённый мир. Том I. Серия «Антология русского зарубежья» / [под ред. Н.К. Мурновой]. – М.: Издательский дом «Русский мир», 2004. – С. 289 – 292.

8. Ильинский И. М. А. А. Зиновьев: человек нормальный // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №3. – С. 7 – 10.

9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 тт. Т. 41. – 5-е изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1958-1967 – 695 с.

10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 тт. Т. 40. – 5-е изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1958-1967 – 506 с.

11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 тт. Т. 26. – 5-е изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1958-1967 – 583 с.

12. Маслин М.А. Судьба русского зарубежья в XX–XXI веках // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ: № 3: Второй Форум «Бердяевские чтения». – М.: Некоммерческий фонд «Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ)», 2014. – С. 73-77.

13. Сергейцев Т. Хотят ли русские войны? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/zinoviev_club/20140828/1021750191.html.

14. Сергейцев Т. Всерьез о «многополярном мире»: к чему следует приготовиться [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/zinoviev_club/20140925/1025575370.html.

15. Философ Александр Зиновьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/22988/2207/>

**СОЦИАЛЬНЫЙ АТОМ А.А.ЗИНОВЬЕВА
И ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ**

С.П. Расторгуев

Как и любая система управления, жизнь строит иерархию управления и делегирует каждому своему элементу и целым иерархическим уровням определенные права по управлению а, значит, допускает до определенного знания, обладая которым субъект становится способным решать разрешенную ему задачу по управлению. Чтобы подобное было возможно, любой управляемый атом должен иметь тело и управляющий орган. В статье сделан вывод, что закон группировки А.А. Зиновьева, относящийся к социальным системам, является достаточно универсальным и может быть распространен на любые уровни управления жизни. При этом структурные и самые опасные «болезни» системы управления проистекают от того, каким образом происходит разделение на управляющий орган и управляемое тело.

Ключевые слова: социальный атом, эволюция системы управления, жизнь, знание, сетевая самоорганизация изделия.

Понятие социальный атом наиболее полно определено и раскрыто А.А. Зиновьевым в работе «Логическая социология». Зиновьев А.А. пишет: «Все в мире есть результат комбинирования некоторых элементарных частичек – атомов. Я принял это допущение в отношении социальных объектов. Что считать социальными атомами, это напрашивается само собой: людей. Но не просто людей со всеми теми свойствами, какие вообще у них можно обнаружить, а лишь с такими, которые непосредственно играют социальную роль и учитываются в определении человека как социального атома. Человек в этом качестве не делится на части, которые сами суть социальные объекты. Он в этом качестве состоит из тела, способного выполнять необходимые для его существования действия, и особого органа, управляющего телом, – сознания. Задача сознания – обеспечить поведение тела, адекватное условиям его жизни, и его самосохранение. Социальных атомов много. Они как-то различаются. Но в логической социологии принимается во внимание лишь наличие у

них тела и сознания. При этом предполагается, что способности того и другого у всех нормальных атомов практически одинаковы. Отклонения от норм во внимание не принимаются. Люди в качестве социальных атомов различаются по положению в скоплениях себе подобных и по функциям в этих скоплениях. Например, логическая социология не интересуется индивидуальными особенностями, благодаря которым один атом стал президентом страны, а другой – мусорщиком. Для нее важно лишь то, что существуют различные социальные позиции, на которые как-то попадают различные социальные атомы, способные выполнять различные функции».

Попробуем определить свойства социального атома, вытекающие из его определения:

- обладать способностью к выполнению соответствующих социальных ролей;
- обладать способностью к обучению и самообучению;
- обладать способностью к самоуправлению;
- обладать способностью к внешнему управлению (иначе его невозможно использовать для создания более сложных социальных структур);
- обладать способностью при определенных условиях к самопродолжению в соответствующем слое жизни;
- быть минимальным компонентом, для которого возможно и управление и самопродолжение.

Если существо обладает этими свойствами, то оно является атомом для соответствующего слоя жизни! Таким образом под определения попадают не только люди, но и насекомые и животные, способные к созданию и поддержанию сложных социальных структур и взаимодействий соответствующего слоя жизни.

Напомним определение понятия Жизни, на которое опираемся в данной работе, и продолжим исследовать последствия его введения: **Жизнь – это активное, идущее с затратой энергии, поддержание и воспроизведение знания, адекватного мир [5].**

Кроме понятий энергия и знание [6], в этом определении неявно скрыто еще одно важнейшее свойство жизни – способность к управлению, к самоуправлению. Когда мы говорим о поддержании и воспроизведении знания, адекватного миру, то тем самым мы неявно

постулируем необходимость самоуправления, причем, грамотного самоуправления, способствующего достижению знания, адекватного миру.

Жизнь невозможна без управления. Значит, как и любая система управления, жизнь должна строить иерархию управления и делегировать каждому своему бойцу определенные права по управлению и, значит, допускать до определенного знания, обладая которым субъект становится способным решать разрешенную ему задачу по управлению. Таким образом, Жизнь осуществляет делегирование определенной части управленческих функций своим собственным частям (субъектам). Именно в рамках решения общей задачи по управлению сама собой Жизнь своим «солдатам» передает часть прав по управлению самими собой. И порой живые существа это ощущают и понимают в виде чувства ответственности за происходящее вокруг, и даже в языке у них появляется термин «свобода воли». В рамках развития жизни на каждой новой ее ступени «свободы воли» у индивидуумов становится все больше и больше. И больше становится делегированного знания.

Точно также и человечество создает свои изделия – передавая им все права по управлению самими собой. Первоначально все свои изделия человек сам активизировал и сам непосредственно ими управлял. С совершенствованием самого себя и производства и то, и другое постепенно переходит к техническим средствам:

- первоначально использовалась физическая сила, с помощью которой человек мог что-то переместить в пространстве;
- ядро из пушки уже летит благодаря энергии сгорания пороха;
- снаряд из пушки (разрывающийся в конце пути, переносит энергию взрыва на расстояние);
- ракета не нуждается в пушке; она сама себя толкает;
- самонаводящаяся ракета, которая не только сама себя толкает, но и сама управляет своим полетом.

И так во всем. Также обстоят дела и с развитием роботов, наших помощников по управлению, которые также объединяются, например в рамках сети Интернет, дополняя друг и друга и даже сражаясь друг с другом.

Дальше читаем А.А. Зиновьева: «Специфика таких объединений заключается в том, что в них среди объединяющих факторов фигурирует сознательное объединение людей как социальных атомов

для совместных сознательных действий. А чтобы объединение как целое совершало сознательные действия, оно должно как целое обладать управляющим органом, сознанием. Для этого должно произойти разделение членов объединения на таких, которые становятся воплощением мозга объединения, и таких, которые становятся управляемым телом объединения. Часть членов объединения должна стать носителями и исполнителями функции сознания объединения.

Если в человеческом объединении не происходит рассмотренное выше разделение на управляющий орган и управляемое тело, оно оказывается нежизнеспособным» [1].

Обратите внимание на последнее слово: «*нежизнеспособным*». Любая элементарная жизнь, которая не в состоянии **поддерживать и воспроизводить знание, адекватное миру**, нежизнеспособна. А чем оптимальнее (скорее всего, по критерию расхода энергии, организован процесс управления, нацеленный на поддержание и воспроизведение), тем жизнь более жизнеспособна, в смысле исполнения своего главного предназначения по формированию знания.

Что касается людей, то оптимальность в сфере управления невозможна без следования социальным законам, законам человекиника. Но законам этим мешает следовать спрятанное в человеке эго. Изменится человек, который с большой буквы, и тут же измениться присущая человечеству система управления.

А.А. Зиновьев: «Люди изобрели летательные аппараты, позволяющие преодолевать силу тяготения. Но это не означает, будто сила тяготения перестала действовать. Так и в сфере социальных явлений. Приняв решение назначить руководителем группы некомпетентного дурака и распределив обязанности членов группы, не считаясь с их квалификацией, люди тем самым не отменили упомянутый выше закон группировки и адекватности людей занимаемым должностям. Они создали группу, подобную летательному аппарату, построенному без учета закона тяготения».

Исходя из представленной здесь позиции, Жизнь решает задачу близкую той, которую решают люди, проектируя самоуправляемую ракету, способную брать энергию для своего полета из окружающего мира. Цель, по которой выстрелили Жизнью – создание знания,

адекватного миру. Знание выражается в структуре системы и функциональных возможностях ее элементов. Значит, для жизни создание адекватного миру знания заключается в том, чтобы, грубо говоря, «одеть» себя на окружающий мир, соединив все элементы мира через себя. Но это только часть дела. Себя тоже надо познавать, а значит, с той же мерой подойти и к себе. И таким образом получается слоистая структура, в ходе построения которой один слой жизнь структурно накладывается на другой, пытаюсь вобрать в себя наиболее значимые ключевые точки, возможно, в поисках итоговой точки Омега [7].

Указанная слоистость изначально присуща познанию. Человечество в ходе своего становления регулярно возвращается к ключевым понятиям устройства Вселенной и ревизует свои представления с позиции своих достижений. Пройти с одного слоя на другой непросто, не только через присущую реальности форму жизни, например, с биологической в техническую, но и даже в виртуальной сфере, в сфере постоянно возникающих, гибнущих или совершенствующихся моделей мира. Там тоже стоят непреклонные стражи порога. Они не позволяют субъектам жизни увильнуть от выполнения закрепленных за ними обязанностей по управлению миром, запрещая определенное знание, в первую очередь, запрещая доступ к тому знанию, которое принадлежит новому слою жизни или, более узко, которое не должно входить в компетенцию данного узла системы управления. Но это все именно для определенного типа системы управления, ибо сама система управления определяется качеством управляемого материала. Можно понизить качество материала – потребуется одна управленческая структура, можно повысить, и тогда неизбежно измениться структура всей системы. Не только структура задает требования к функциональным возможностям своих элементов, но и функциональные возможности элементов, в приложении, например, к человеку – это качество социального материала, оказывают свое влияние на структуру системы.

А что значит качество социального материала? Для каждого слоя жизни характерны свои свойства, присущие элементам системы. В приложении к человеку – это доверие или недоверие к окружающим и к себе самому, эгоизм, внутренняя свобода и др [8]. Сложно представить, чтобы сетевая система управления эффективно функционировала, если люди в ней не доверяют друг другу, или боятся

друг друга, или работают только на себя. Сказанное означает, что у каждого «слоя жизни» должны быть свои фильтры, позволяющие просачиваться только тем, кто там нужен. Только тем, кого там ждут!

С изменением человеческого материала происходит изменение и общей системы управления организацией ли, государством ли, да и самой жизнью. Например, компания Valve [9].

Как пишет О. Парамонов [10]: «В Valve нет менеджеров, и все сотрудники равноправны. Каждый сотрудник решает сам, что должен делать он и что должна делать вся компания. Чтобы завести новый проект, не требуется получать разрешение – это может сделать любой. Достаточно найти единомышленников и уговорить их присоединиться. После этого новообразованная команда сдвигает столы и начинает работу. Чтобы перебираться с места на место было проще, столы оборудованы колёсиками. «Сотрудники голосуют за новые проекты ногами. Вернее, колёсиками», – гласит руководство Valve для новичков.

У проектов нет руководителя, но, как правило, есть неофициальный лидер. Но и его лидерство – чисто номинальное. Оно не даёт права диктовать другим, что им следует делать. Задача лидера – быть в курсе всего, что связано с проектом. При необходимости другие обращаются к нему за советом или справкой.

Контроль за выполнением работы тоже полностью децентрализован. Размер премии, которую получают сотрудники компании, зависит от того, как сослуживцы оценивают их вклад в работу».

Согласитесь, что кроме профессиональных способностей у сотрудников данной компании должны быть еще и определенные нравственные позиции, в частности, на первом месте стоять должно Дело, а на втором – собственное Я. Если этого нет, то при подобной системе организации рабочего процесса ничего хорошего не получится. Для такого типа системы управления важно наличие доверия специалистов друг к другу, понимание, что идеи не украдут, а только разовьют или помогут реализовать. И еще, что тоже не менее важно – это внутренняя свобода! Внутренняя свобода приходит только тогда, когда уходит страх. Страх всегда был тормозом чего угодно. Он стабилизирует текущее состояние.

Есть и научные объяснения, почему организации с анархической структурой процветают. В вышеупомянутой статье отмечается, что

взаимодействие одиночек на рынке закрепляется многочисленными сделками между ними. Каждая сделка увеличивает операционные издержки, пока они не съедают всю выгоду, которую даёт выросшая эффективность. Организациям, построенным на доверии, не приходится нести подобные расходы. Но и, кроме того, доверие сотрудников друг к другу позволяет многократно повысить отдачу от мозгового штурма при совместном решении любой сложной проблемы.

Сейчас мы говорили об организациях, за которыми будущее. Но это будущее не для всех. Оно для тех, кто доверяет друг другу, оно для новых людей, которых когда-то пыталась создать коммунистическая идеология. Мы говорим о новом слое жизни. Но есть и старый слой. Он необходим, как необходим дому фундамент. Проблема только в том, кого выбрали в качестве ресурсного фундамента для улетающего ввысь небоскреба жизни. Если фундамент ненадежен, то и дому долго не стоять, да и ввысь далеко не вырасти.

В заключение перечислим основные этапы эволюции системы управления, опираясь на работу Р. Патюреля, а затем сделаем прогноз в части этапа завтрашнего дня, опираясь на ранее приведенные соображения. Р. Патюреля: «Первой структурной формой является предприятие с одним видом деятельности (моноспециализацией), которое ориентируется на один стратегический рыночный сегмент (это относится к большому числу недавно созданных российских производственных предприятий). Здесь управление единственным внутренним потоком операций (от снабжения до реализации) требует специфических компетенций, которые и определяют характер объединения функций. Можно говорить о структуре с функциональной специализацией.

Если предприятие действует на нескольких стратегических рыночных сегментах, оно принимает радикально иную структуру – дивизиональную (с соответствующим числом отделений). Разграничение полномочий осуществляется по различным сегментам или отделениям. Наконец, матричная структура является гибридом двух первых типов организации.

Функциональная организационная структура обеспечивает эффективную работу лишь в условиях стабильности внешней среды и технологии. Будучи сильно централизованной и иерархизированной она делает фирму недостаточно мобильной.

Дивизиональная структура напоминает комплекс мелких моноспециализированных предприятий.

В рамках матрицы ставится под сомнение принцип иерархии. Власть не является постоянно заданной, она становится временной результирующей взаимодействия различных сил, что обусловлено сложностью и нестабильностью среды, в которой приходится действовать предприятию» [11].

А теперь перейдем к прогнозу.

Принцип иерархии можно иметь право ставить под сомнения только тогда, когда есть другой принцип, позволяющий не на словах, а реально предложить инструмент или технологию, способную подменить собой иерархический принцип. Этот другой принцип назовем, **сетевая самоорганизация изделий**, при которой организуются не столько люди, производящие продукцию, сколько сама продукция в ходе своего производства организует людей.

Например, есть Проект, обладающий свойством активности, т.е. проект – это некоторая сетевая компьютерная программа, которая имеет своей целью, вырасти от изначально схематично заданного проекта до готового изделия с документацией. Что для этого требуется? Требуется, чтобы программа знала, где найти людей, которые были бы способны решить задачи проекта, чтобы программа могла простимулировать найденных специалистов, чтобы программа могла найти соответствующих экспертов и провести независимую оценку собственной пригодности и, главное, программа должна найти тех, кто, понимая именно в данной предметной области, окажется способным принимать решения.

Получается:

1. Создаваемый продукт сам для себя ищет и исполнителей и руководителей.
2. Продукт сам создает сетевой график (карту мероприятий) по своей реализации.
3. Продукт сам контролирует все этапы своего выполнения, консультируясь с экспертами-специалистами, которым ему разрешено доверять.

На этом новом этапе эволюции на роль социального атома выходит компьютерная программа. Подобного рода компьютерная программа имеет право называться социальным атомом, хотя бы потому, что ей

присущи все свойства социального атома, которые были нами ранее определены.

Остановимся на них подробнее.

Программа обладает способностью к поддержанию своего существования и выполнению соответствующих алгоритмов поведения (социальных ролей). В программу включены функциональные возможности по обучению и самообучению. Она решает управленческие задачи в рамках заданного множества равносильных алгоритмов. Программа подвержена внешнему управлению, как с помощью другой программы, так и человеком-оператором. Она обладает способностью при определенных условиях к самопродолжению в соответствующей среде за счет вирусного механизма самокопирования. В ней всегда может быть выделена и соответствующим образом скомпонована минимально допустимая часть кода, для которой возможно и управление и самопродолжение.

Таким образом, в статье было показано, что понятие социального атома, введенное в научный оборот Александром Александровичем Зиновьевым применительно к человеку, может быть перенесено на более широкий класс субъектов, которым присуща коллективная деятельность, и в том числе на сферу информационных технологий, в части создаваемого сетевого программного обеспечения. Программное обеспечение, обладающее свойствами социального атома, может стать базовой компонентой очередного этапа развития систем управления социумом на очередном слое его становления.

Ссылки:

1. А.А. Зиновьев. Логическая социология. М.: Социум. 2002 г.
2. О.Парамонов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.computerra.ru/58196/valve-anarchy/>
3. Р. Патюрель. Создание сетевых организационных структур. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/15_3_97.htm
4. В.А. Разумный. «Батрахомиомахия или круговерть духовного онанизма» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.razumny.ru/batra>
5. С.П. Расторгуев. Жизнь и Смерть в контексте информации и знания. Санкт-Петербург. Реноме. 2014 г.

6. Под знанием в данном случае понимается совокупность сообщений, выраженная в структуре системы и функциональных возможностях элементов этой структуры.

7. Точка Омега – термин, введенный Тейяром де Шарденом для обозначения состояния наиболее организованной комплексности (комплексности в единстве с сосредоточением), к которому движется Вселенная.

8. В.А. Разумный обосновал наличие четырех бед человечества: ненависть, зависть, корыстолюбие, предательство. И выразил сомнение в возможности их искоренения. («Батрахомиомахия или круговерть духовного онанизма»).

9. Основные проекты компании — компьютерные игры, например, Half-Life, Counter-Strike, Team Fortress, Portal, а также электронный магазин игр и приложений для Windows, OS X и Linux. По оценкам аналитиков, доля Steam на рынке скачиваемых игр для ПК составляет около 70%.

10. О. Парамонов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.computerra.ru/58196/valve-anarchy/>

11. Создание сетевых организационных структур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/15_3_97.htm

**«ЗАПАДНИЗАЦИЯ» КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННЫХ
ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ МИРОПОРЯДКА**

Ю.В. Дергунов

В статье рассматривается социология «западнизации» А.А. Зиновьева как подход данного теоретика к глобальным трансформациям миропорядка. Акцентируется внимание на комплексной природе данных трансформаций в теории А.А. Зиновьева, сочетающих в себе такие измерения как «западнизация», американизация и глобализация. Отмечается высокий уровень абстракции, на котором работал данный ученый, в силу чего затруднительно применение его теории для оценки эмпирических социальных процессов. Проводится сравнение теории А.А. Зиновьева с социологическими теориями глобального капитализма, предлагавшими эмпирические обоснования каждого из аспектов рассматривавшихся им глобальных трансформаций.

Ключевые слова: американизация, гегемония, «западнизация», глобализация, миросистемный анализ, трансформация.

А.А. Зиновьев известен не только как выдающийся философ, классик изучения методологии К. Маркса и проблем логики, но и как социолог, посвятивший свои исследования различным аспектам социальной реальности, таким как проблемы познания социальных явлений, феномен советской системы, особенности современного западного общества. Одним из основных направлений на позднем этапе его социологического творчества был интерес к глобальным трансформациям миропорядка.

Он рассматривал данные трансформации как комплексный процесс, сторонами которого выступали «западнизация», американизация и глобализация.

Актуальность данной проблематики трудно переоценить, так как она созвучна не только тенденциям мирового социологического теоретизирования (см, например, [15; 20]), но и обусловлена драматическими изменениями глобального миропорядка, такими как трансформация геополитических отношений, изменение роли национального государства, глобализация неолиберальной модели

капитализма, реконфигурация мирового разделения труда и т. д. Насущной необходимостью является синтетическое теоретическое осмысление многообразия глобальных трансформаций миропорядка, выявление связей между ними. В этой связи насущным представляется изучение социологии «западнизации» А.А. Зиновьева как возможного примера подобного теоретического осмысления, охватывающего основные аспекты указанных трансформаций.

Данный аспект творчества А.А. Зиновьева довольно подробно рассмотрен в исследованиях, специально посвященных этой проблеме. В частности, Н.И. Бухтеев проанализировал связь освещения феномена глобализации А.А. Зиновьевым с методологической основой его теории, логической социологией [4]. С.В. Донских выявил общие черты в теориях глобализации А.А. Зиновьева и А.С. Панарина, охарактеризовав их как «дискурс побежденных» [9]. А.В. Разин критически соотнес зиновьевский вывод об историческом триумфе Запада с марксистским представлением о противоречиях капиталистического способа производства [19]. А.И. Субетто, отметив ряд интересных аспектов социологии «западнизации», подверг критике ее исторический пессимизм, в силу которого «антизападник Зиновьев является западником, только российским» [21, с. 333]. С.Ю. Хлыстунов предпринял попытку синтеза концепции сверхобщества А.А. Зиновьева и миросистемной теории И. Валлерстайна [23].

В целом, можно выделить две особенности исследований, посвященных указанному аспекту творчества А.А. Зиновьева. Во-первых, несмотря на существование своего рода «зиновьевского фундаментализма», объявляющего социологическую теорию А.А. Зиновьева единственно научной [4, с. 110], прослеживается стремление к синтезу идей российского социолога и других теоретиков, с целью обогащения потенциала его теории как подхода в изучении глобальных трансформаций миропорядка. Во-вторых, указанные исследования характеризуются определенным изоляционизмом от мирового контекста социологического теоретизирования. Даже работа С.Ю. Хлыстунова [23], посвященная синтезу социологии «западнизации» и миросистемного анализа, неоправданно сужает пласт релевантных зарубежных социологических теорий, поднимающих темы, созвучные проблематике А.А. Зиновьева.

В то же время, следует исходить из того, что социология «западнизации» А.А. Зиновьева отличается крайне высоким уровнем абстракции, и ее использование для оценки эмпирических социальных процессов является затруднительным.

В силу этого, задачей статьи является сравнение с социологическими теориями глобального капитализма, выдвигавшими положения, близкие к положениям теории А.А. Зиновьева и предлагавшими эмпирические обоснования каждого из рассматриваемых им аспектов глобальных трансформаций.

С точки зрения, А.А. Зиновьева, современные глобальные трансформации миропорядка обусловлены процессом, который он характеризует как «великий эволюционный перелом» [10]. Данный процесс, с его точки зрения, проходит «по трем линиям: 1) образования человекоподобных более высокого уровня социальной организации, чем западные общества, – сверхобществ западного типа; 2) интеграции западных сверхобществ в единое целое, которое по отношению к западной цивилизации выступает как западная цивилизация; 3) установления мирового порядка под эгидой западного мира и объединения человечества в единый глобальный человек на основе западнизма» [10, с. 469-470]. Процесс образования сверхобщества как такового в теории А.А. Зиновьева, что означает возникновение в структурных компонентах общества надстроечных частей, несущих в себе эволюционные социальные качества, лежит за рамками данной статьи, можно отметить лишь то, что на уровне отдельных национальных государств такие компоненты сверхобщественной социальной организации, которые в данной терминологии обозначаются как сверхгосударство и сверхэкономика, равно как и описанные им трансформации капитализма [13, с. 292-300], с содержательной точки зрения укладываются в рамки марксистских теорий организованного и государственно-монополистического капитализма начала XX в. [18, с. 58-80].

Что касается глобального измерения «великого эволюционного перелома», то оно, с точки зрения А.А. Зиновьева, сводится к трем составляющим, которые могут быть описаны как «западнизация» («покорение всего человечества западным миром как единым целым» [13, с. 507]), «американизация» (обусловленная ведущей ролью США в осуществлении данного проекта) и «глобализация» (содержанием

которой является то, что «над США и всеми западными странами господствуют сверхобщественные явления, объединяющиеся в той или иной мере в общезападном сверхобществе, зоной активности которого является вся планета» [13, с. 507]). Целесообразно провести сравнение с критическими теориями глобального капитализма, акцентировавшими каждый те или иные аспекты этого процесса.

В аспекте «западнизации» напрашивается сравнение социологической теории А.А. Зиновьева с миросистемным анализом, представленным такими авторами, как И. Валлерстайн, Дж. Арриги, С. Амин и др. В данной теории, одной из наиболее значимых особенностей капитализма как системы является ее изначально глобальный масштаб в сочетании с тенденцией к образованию пространственных зон капиталистической мироэкономики, таких как ядро, полупериферия и периферия, отличительной чертой которых является различное структурное положение в глобальной иерархии присвоения прибавочной стоимости, которое воспроизводится за счет внутренней логики самой системы. В исследованиях, выполненных в рамках этой традиции, есть различные ответы на вопрос о том, какие именно механизмы порождают центр-периферийную поляризацию, в частности, в качестве возможных объяснений предлагаются различная степень монополизации рынков в ядре и на периферии [7], институциональная роль государств [7; 27], различная динамика процесса технологических инноваций [25; 39], «империалистическая рента», обусловленная высоким разрывом в цене рабочей силы [24]. Общим для авторов, работающих в русле этого подхода является представление о долгосрочном характере данной поляризации, восходящей к началу формирования капиталистической мироэкономики в XVI в., представление о ее реляционном характере (т. е. существование пространственных зон мироэкономики обусловлены социальными отношениями на уровне миросистемы, а не неким вероятностным распределением преимуществ).

Представление о существовании пространственных зон миросистемы хорошо обосновано эмпирическими исследованиями. Измерения структуры миросистемы на основе т. н. сетевого подхода (основанного на концентрации торговых партнеров) [31] и на основе соотнесения определенного уровня ВВП [25; 26] с тем или иным положением в миросистемной иерархии показали, что деление на ядро, полупериферию и периферию является стабильной чертой

глобального капитализма. Из новейших тенденций (начиная с 1980-х гг.) отмечается относительное сокращение разрыва между ядром и периферией на фоне роста неравенства внутри государств, входящих в миросистему [33; 34] (аналогичные выводы делают и исследователи глобального неравенства, не использующие специфически миросистемной терминологии [17; 28]).

Сравнивая результаты, полученные в рамках миросистемного подхода, с теорией «западнизации» А.А. Зиновьева, можно отметить, что обе эти теории исходят из того, что социальное неравенство не может рассматриваться только на уровне отдельных стран, и имеет глобальное измерение, которое выражается в вертикальной стратификации населения различных государств. Результаты эмпирических исследований, полученных авторами миросистемного направления, подтверждают правомерность выделения российским теоретиком этого аспекта современных глобальных трансформаций миропорядка.

В то же время можно отметить ряд значимых отличий между подходом А.А. Зиновьева и авторов миросистемного направления к глобальному неравенству. В миросистемном анализе структурные механизмы, порождающие глобальное неравенство, связаны прежде всего с законами функционирования капитализма, и, таким образом, лишены цивилизационных и социально-антропологических аспектов, которыми российский социолог наделяет понятие «западнизма» [13, с. 259 – 261], а само понятие капитализма рассматривается им как все менее релевантное для понимания современного западного общества [13, с. 292 – 300].

Другим значимым отличием этих теорий являются исторические рамки указанного «покорения всего человечества западным миром» [13, с. 507]. С точки зрения представителей миросистемного анализа это неотъемлемое свойство капиталистической мирэкономике, существующей уже в течение нескольких столетий, в то время как для А.А. Зиновьева оно связано с происходящим в последние десятилетия «великим эволюционным переломом». Прямо полемизируя с И. Валлерстайном, российский социолог пишет: «Я говорю именно о вертикальном структурировании, а не просто о разделении общества на регионы» [11, с. 423], что очевидным образом искажает понимание глобального неравенства в миросистемном анализе. В то же время, характеризуя отличительные черты недавнего «вертикального

структурирования человечества», российский теоретик отмечает и «разделение человечества на западную и прочую (не западную) части» [13, с. 543], и то, что «вертикальное структурирование человечества» «заключается в том, что возникают бесчисленные и разнообразные организации, учреждения и предприятия общезападного (наднационального) характера» [13, с. 545]. В терминах самого же А.А. Зиновьева речь идет о сочетании в рамках понятия «вертикального структурирования человечества» и «западнизации», и глобализации, которые им рассматривались в качестве хотя и тесно взаимосвязанных, но все же разных аспектов глобальных трансформаций миропорядка, иными словами, глобальное неравенство между Западом и остальным миром как таковое смешивается с конкретными институциональными формами, в которых оно регулируется и воспроизводится. Кроме того, с теорией А.А. Зиновьева, которая рассматривает «западнизацию» как относительно недавний аспект «великого эволюционного перелома», очевидно несовместимы эмпирические результаты исследователей глобального неравенства, показывающие относительное сокращение разрыва в уровне дохода на душу населения между странами ядра и периферии миросистемы с 1980-х гг. [17; 28; 33; 34], равно как и относительное выравнивание разрыва между ядром и периферией в других значимых факторах, в свое время сделавших возможным господство ядра, таких как демографическая динамика и военный потенциал [29, р. 197 – 239].

В аспекте американизации также обнаруживаются параллели с миросистемным анализом, а именно с понятием гегемонии, как его важным теоретическим компонентом. И. Валлерстайн называет гегемонией ситуацию, «в которой продолжающееся соперничество между так называемыми «великими державами» настолько несбалансированно, что одна держава... может в значительной степени навязывать свои правила и свои желания (по крайней мере эффективным использованием права вето) в экономической, политической, военной, дипломатической и даже культурной сферах» [5, с. 97], а в качестве социальной основы гегемонии выделяет преимущество в аграрно-промышленной, торговой и финансовой сферах. При этом, концепция гегемонии в миросистемном анализе не сводится просто к насилию, но подобно понятию гегемонии у А. Грамши [8] несет в себе компонент лидерства, обеспечивающего

согласие подчиненных социальных сил определенному проекту трансформации системы и ее стабилизации [16, с. 24 – 25]. Иными словами, роль гегемона отчасти функциональна, периоды гегемонии способствуют экспансии миросистемы, и осуществлению значимых социальных и институциональных инноваций. Например, в рамках теории Дж. Арриги, каждому гегемону (Генеу, Нидерландам, Великобритании и США) соответствовал определенный системный цикл накопления, решавший важные для миросистемы задачи по интернализации издержек. Генуэзский цикл привел к возникновению капитализма как такового, голландский цикл интернализировал издержки на защиту капиталистического накопления за счет подчинения государства императивам накопления капитала, британский цикл интернализировал издержки на производство, подчинив процесс производства логике капитала, а американский цикл интернализировал операционные издержки за счет внутренней реорганизации рынков [3]. И хотя не все миросистемные теоретики разделяют столь систематизированное представление о динамике гегемоний [1; 16], представление об американской гегемонии на определенном этапе развития капиталистической мироэкономики является в рамках этого направления общепризнанным.

В целом, на общеконцептуальном видение американизации в социологии «западнизации» А.А. Зиновьева совпадает с миросистемным. А.А. Зиновьев отмечает: «Чтобы установить желаемый мировой порядок, США должны мобилизовать усилия всего западного мира. В одиночку им эту задачу не решить. С другой стороны, западные страны по отдельности не в состоянии сохранить свое положение в мире. Они могут удержаться на достигнутом ими уровне лишь совместными усилиями. А США уже заняли место лидера в их совместном движении к мировой гегемонии» [13, с. 542].

Отличие в подходе миросистемщиков и А.А. Зиновьева к проблеме гегемонии США заключается в оценке темпоральных рамок американской гегемонии, а особенно текущего периода. В то время как для российского социолога именно упадок СССР привел к тому, что «США остались единственной сверхдержавой с претензией диктовать свой порядок на планете» [13, с. 542], И. Валлерстайн и Дж. Арриги исходят из упадка американской гегемонии в последние десятилетия XX в. С точки зрения Дж. Арриги, системный цикл накопления, неразрывно связанный с гегемонией, вступил в свою сигнальную фазу

в 1970-е гг., что привело к смене фазы материальной экспансии фазой финансиализации накопления [3] (в таком случае, кризисы мирового капитализма 2008 г. и 2015 г. можно рассматривать как последовательные фазы терминального кризиса системного цикла накопления), а военно-политическое поражение США в Ираке и экономическое восхождение Китая означают переход не только к новой гегемонии, но и к новой миросистеме, которую Дж. Арриги определяет как некапиталистическую рыночную экономику [2].

Было бы справедливым признать, что теория гегемонии является одним из наиболее спекулятивных компонентов миросистемного анализа в силу размытости критериев гегемонистической роли и больших длительностей, на которых исследователи пытаются проследить макросоциальные циклы гегемоний. Однако, явственное вступление миросистемы в фазу обострения глобальных геополитических конфликтов, в том числе в форме открытого вооруженного противостояния, говорит как минимум о том, что оспаривание гегемонии США, если она еще существует, вышло на новый уровень. По всей видимости, А.А. Зиновьев допускал такую возможность, хотя и не выразил ее в явной форме в основных своих теоретических работах, так как в одном из своих интервью говорил о потенциальном расколе Запада и выходе Европы из-под контроля США [14, с. 99] и усилении политической субъектности российского государства [14, с. 103].

В аспекте глобализации как формирования наднациональных структур целесообразно сопоставить социологию «западнизации» А.А. Зиновьева с теорией транснационального капиталистического класса. Эта теория исходит из того, что вслед за транснационализацией производства, классовое образование в условиях современного капитализма приняло транснациональный характер. Основоположник этой теории Л. Склэр выделял четыре фракции транснационального капиталистического класса: корпоративную фракцию (собственников и менеджеров транснациональных корпораций и их локальных подразделений), государственную фракцию (глобализирующихся государственных бюрократов и политиков), техническую фракцию (глобализирующихся профессионалов) и консьюмеристскую фракцию (торговцев и СМИ). Транснациональная природа этого зарождающегося класса и общность его интересов обусловлены сходством экономических интересов (в силу которых ареной

деятельности выступает не национальное государство, а тот или иной глобальный рынок как таковой), заинтересованностью в установлении политического и культурного контроля, общностью стилей жизни и позиционировании себя как граждан мира, а не выходцев из определенных стран [36, р. 85 – 87].

На уровне политических институтов концепция транснациональных классов была дополнена понятием транснационального государства, что было сделано У. Робинсоном. С точки зрения У. Робинсона, данная теория выступает развитием марксистской теории государства как аппарата господства, обусловленного определенной констелляцией классовых сил, так как марксистское понимание государства, в отличие от веберовского, не предполагает территориальности как сущностной черты государственности. В структуру транснационального государства входят экономические (МВФ, Всемирный Банк, ВТО и т. д.) и политические (ООН, ОЭСР, ЕС и т. д.) форумы [38, р. 165]. В такой концептуализации, транснациональное государство не столько замещает национальные государства, сколько действует через них.

Если исследования Л. Склэра и У. Робинсона были в большей степени теоретическими, то У. Кэрролл предпринял масштабное эмпирическое исследование транснационального бизнес-сообщества (операционализованного через перекрестное членство в структуре директоратов ведущих транснациональных компаний) и транснациональных политических групп (Международной торговой палаты, Бильдербергского клуба, Всемирного экономического форума, Трехсторонней комиссии, Всемирного совета бизнеса для устойчивого развития, Европейского круглого стола промышленников). Проанализировав соответствующие данные за 1976, 1996 и 2006 гг., У. Кэрролл, показал, что, несмотря на медленный рост транснационализации, структура руководства транснациональных компаний сохраняет преимущественно национальный характер, в то время как транснациональные политические группы демонстрируют более высокую степень транснационализации и централизации за счет перекрестного членства). Иными словами, идеологический и политический аспекты формирования транснациональных структур существенно опережают экономический аспект [30].

В широком смысле этот подход вполне совместим с пониманием глобализации в социологической теории А.А. Зиновьева. Как пишет российский теоретик, характеризуя формирующееся глобальное

сверхобщество: «В этом аспекте все западные страны, включая США, являются ареной деятельности этого глобального монстра. Верхушка его находится в США. Последние суть главная резиденция этого «мирового правительства»...» [13, с. 546]. В то же время, необходимо отметить, что в теории транснационального капиталистического класса отсутствует акцент на «западном» либо «центральной» формирующихся транснациональных структур, акцентируется скорее перерастание ими национального государства как арены деятельности, а иерархическое деление стран мира рассматривается как сохраняющаяся, но постепенно размывающаяся характеристика глобального капитализма.

Еще одной чертой, резко отличающей социологию «западнизации» А.А. Зиновьева от миросистемного анализа и теории транснационального капиталистического класса является оценка дальнейших перспектив существующей глобальной социальной системы. И миросистемный анализ, и теория транснационального капиталистического класса исходят из неизбежности наступления структурного кризиса глобального капитализма, обусловленного, прежде всего, кризисом управления, экологическим кризисом и невозможностью дальнейшей экспансии капиталистической системы вширь и вглубь, что обуславливает ограниченные временные рамки существования и различные сценарии перехода к иной социальной системе, что может предполагать как прогрессивный вариант, так и деградацию к докапиталистическим системам [6; 35; 38]. Что касается А.А. Зиновьева, то на уровне, во всяком случае, своих основных теоретических работ он фактически не рассматривал возможности системной альтернативы «западнизму» [10, с. 505; 13, с. 551]. В этом смысле, его социология «западнизации» является не только научной теорией, но и выражением идеологического «духа времени» времен неолиберального триумфализма 1990-х гг. Поздние работы А.А. Зиновьева представляют собой своего рода инвертированный дискурс «Конца истории» Ф. Фукуямы [22].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- В основе ведущих современных теорий глобальных трансформаций миропорядка, приходящих к схожим с теорией А.А. Зиновьева и дополняющим ее выводам относительно природы этих трансформаций, лежит понятие капитализма, его динамики и его противоречий. Данные теории характеризуются значимыми

эмпирическими результатами, существенно превышающими эмпирические результаты, полученные в русле ортодоксального следования зинovieвскому учению. Это свидетельствует о том, что статус марксизма как научной теории далек от исчерпания, несмотря на его утверждения [12, с. 57 – 64];

- В силу противоречий, существующих между теориями глобального капитализма в силу того, что акцент в них ставился на каком-либо одном из аспектов современных глобальных трансформаций, возникает проблема, связанная с возможностью органического совмещения рассматриваемых аспектов как различных сторон единого процесса. На данный момент невозможно сказать, выступает ли теория А.А. Зинovieв снятием противоречий между различными сторонами данного процесса, или представляет собой эклектическое сочетание разнородных явлений. Очевидно лишь то, что какие-либо успехи в плане дальнейшего синтеза в изучении этих аспектов зинovieвского социологического учения могут быть связаны только с его творческим развитием, а не с его апологетикой.

Ссылки:

1. Амин С. Американский империализм, Европа и Ближний Восток. – Левая Россия. Политический еженедельник, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://left.ru/2005/2/amin119.phtml>

2. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. [пер. с англ. Т.Б. Менская]. – М.: Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.

3. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.

4. Бухтеев Н.И. Интеллектологические аспекты глобализации // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. – 2009. – Вип. 36. – С. 104 – 112.

5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит. наук Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.

6. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. /

Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – 368 с.

7. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. / Пер. Н. Тюриной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 248 с.

8. Грамши А. Тюремные тетради // Грамши А. Избранные произведения. – В трех томах. – Т. 3. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 567 с.

9. Донских С.В. «Дискурс побежденных»: глобализация как проблема русской философской мысли рубежа XX – XXI веков // Наука. Религія. Суспільство. – 2010. – № 1. – С. 15 – 18.

10. Зиновьев А.А. Великий эволюционный перелом // Зиновьев А.А. Запад. – М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2007. – С. 449 – 507.

11. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма // Зиновьев А.А. Запад. – М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2007. – С. 6 – 448.

12. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 240 с.

13. Зиновьев А.А. На пути сверхобществу. – М.: Астрель, 2008. – 576 с.

14. Зиновьев А.А. Я мечтаю о новом человеке. [сост. О.М. Зиновьева]. – М.: Алгоритм, 2007. – 240 с.

15. Иванов Д.В. Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений. / Предисл. А.О. Бороноева. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – 212 с.

16. Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. – М.: Изд. дом. Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 680 с.

17. Миланович Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время. обзор [Текст] : докл. к XV апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1–4 апр. 2014 г. / пер. с англ.. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 31, [1] с.

18. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. – М.: Логос, 2004. – 378 с.

19. Разин А.В. Перспективы общественного развития в свете логической социологии А.А. Зиновьева // Вестник Московского университета. – Сер. 7. – Философия. – 2008. – № 5. – С. 9 – 24.

20. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5 изд. –

СПб: Питер, 2002. – 688 с.

21. Субетто А.И. Капиталократия и глобальный империализм : антология. – СПб: Астерион, 2009. – 572 с.

22. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. / Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО АСТ : ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588 [4] с.

23. Хлыстунов С.Ю. Концепция сверхобщества А.А. Зиновьева сквозь призму миросистемного подхода: попытка теоретического синтеза // Вестник Тюменского государственного университета. – 2008. – № 4. – С. 38 – 42.

24. Amin S. Three Essays on Marx's Value Theory. – New York: Monthly Review Press, 2013. – 96 p.

25. Arrighi G., Silver B.J., Brewer B.D. Industrial convergence, globalization, and the persistence of the North-South Divide // Studies in Comparative International Development. – 2003. – Vol. 38, № 1. – P. 3-31.

26. Babones S.J. The country-level income structure of the world-economy // Journal of World-Systems Research. – 2005. – Vol. XI, № 1. – P. 29 – 55.

27. Babones S.J. Position and mobility in the contemporary world-economy: A structuralist perspective // Routledge Handbook of World-Systems Analysis / Ed. by S.J. Babones and Ch. Chase-Dunn. – London: Routledge, 2012. – P. 327 – 335.

28. Bourguignon F. The Globalization of Inequality. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2015. – 210 p.

29. Buzan B., Lawson G. The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – xx, 396 p.

30. Carrol W. K. The Making of a Transnational Capitalist Class: Corporate Power in the 21st Century. – London: Zed Books, 2014. - XIV, 273 p.

31. Clark R. A new trichotomous measure of world-system position using the international trade network // International Journal of Comparative Sociology. – 2009. – Vol. 50, № 1. – P. 5 – 38.

32. Clark R. World income inequality in the global era: new estimates, 1990-2008 // Social Problems. – 2011. – Vol. 58, № 4. – P. 565 – 592.

33. Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Convergence: A Global Perspective. – New York: Springer, 2015. – 166 p.

34. Hung H.-F., Kucinskas J. Globalization and global inequality: Assessing the impact of the rise of China and India, 1980–2005 // American

Journal of Sociology. – 2011. – Vol. 116, № 5. – P. 1478 – 1513.

35. Li M. The Rise of China and the Demise of Capitalist World-Economy. – London: Pluto Press, 2008. – xx, 208 p.

36. Sklair L. The transnational capitalist class and the politics of capitalist globalization // Politics of Globalization. / Ed. by S. Dasgupta and J. Nederveen Pieterse. – London: Sage Publishers, 2009. – P. 82 –97.

37. Robinson W.I. Global Capitalism and the Crisis of Humanity. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – x, 246 p.

38. Robinson W.I. Social theory and globalization: the rise of a transnational state // Theory and Society. – 2001. – Vol. 30, № 2. – P. 157-200.

39. Thomsson W.R., Reuveny R. Limits to Globalization: North-South Divergence. – London: Routledge, 2009. – xiv, 196 p.

АСПЕКТ ЗАПАДНИЗМА В ГЛОБАЛЬНОМ ЛИДЕРСТВЕ США

Ю.Ю. Комлякова

В статье рассматривается трансформация политики США после окончания «холодной войны» в отношении государств постсоветского пространства в контексте концепции западнизма А.А. Зиновьева. Описываются основные особенности идеологического влияния Запада на переориентацию новых независимых государств постсоветского пространства на Соединенные Штаты Америки.

Ключевые слова: внешняя политика, глобализация, западнизм, постсоветское пространство.

В течении практически пятидесяти лет после окончания Второй Мировой войны Соединенные Штаты Америки выступали в качестве лидера Запада и западноориентированных государств. Главными факторами, которые способствовали этому, были, непосредственно, результаты Второй Мировой войны. Среди них – политическое и экономическое разорение Европы и Азии, и, в свою очередь, превалирующая индустриальная мощь и политическая стабильность США над другими странами, а также нужда в экономической, политической и военной защите от идеологического и военного противника – Союза Советских Социалистических республик. В целом, Вашингтон возглавил западный мир, так как имел и заинтересованность, и средства для осуществления этого, а также поддерживал восприятие общей угрозы для союзников.

Однако, после распада Советского Союза и исчезновения угрозы коммунизма, началось активное обсуждение дальнейшей роли США. Отсутствие общей опасности подталкивала некогда общих антагонистов переосмыслить собственное место в новом мировом порядке, и Вашингтон не стал исключением в этом сложном процессе. В середине государства на первый план вышел вопрос о том, какой будет цена мирового лидерства. Но, большинство американцев интересовало то, что будет с их страной, если все-таки его не удастся установить.

Целью предлагаемой статьи является анализ изменений в геополитической стратегии США вследствие процессов, произошедших в ряде стран Восточной Европы и Советского Союза в конце XX века, на которые существенно влияют процессы, происходящие на глобальном и региональном уровнях, и определение места, роли и влияния США на процессы западнизации стран СНГ.

Эта проблема также нашла отражение в работах зарубежных и отечественных авторов, в частности Дж.Голдгейра, Г. Зиммеля, М. Макфолла, Б.Ширяева, Т.Шаклеинои, О. Шпенглера, С. Хантингтона.

Аргументы в пользу жизненной необходимости роли лидерства США приобретали разнообразный характер, но, вместе с тем, вызывали множество спорных вопросов. Некоторые исследователи считают, что американский и в целом мировой интерес заключается в получении США статуса глобального лидера. Свою позицию они аргументировали тем, что в случае, когда наибольшее государство мира отказывается от главенствующей роли в международных отношениях, результаты могут быть катастрофическими для всего человечества [1, с. 16] или, например, в своей речи в Библиотеке им. Кеннеди Б. Клинтон подчеркивал, что когда американцы не будут сами контролировать мировые события, они станут полностью зависимыми от международных обстоятельств, что представляется слишком рискованным [2, с. 22].

Но не смотря на это, глобальное лидерство США в постбиполярном мире не было неминуемым. Критики американской гегемонии указывают на экономический спад и социальные проблемы, некоторые неудачи в установлении мирового первенства, а также подчеркивают, что внутренние проблемы и цена лидерства требуют определенного отхода от международных дел.

Таким образом, вопрос, поставленный перед американцами, имеет двойственный характер. Во-первых, необходимо определить, действительно ли США несколько истожились, и хватит ли у них сил для поддержания статуса мирового гегемона. Во-вторых, нужно установить, каким образом развивалась структура международного порядка, и пригодна ли она для установления Вашингтоном глобального лидерства. Первый вопрос, преимущественно, связан с внутренними делами страны, а второй – с межгосударственными связями. В совокупности эти факторы дают возможность провести качественную оценку американского лидерского потенциала.

Предположения по вопросу того, что Соединенные Штаты были истощены, не были чем-то новым. С. Хантингтон, например, указывает, что с 1950 г. было как минимум 5 волн «истощения». Их причинами был запуск советского спутника в 1957 г., заявление Р. Никсона о конце биполярного противостояния, эмбарго на арабскую нефть 1973 г. и, как результат – энергетический кризис, советские военные вмешательства 1970-х и 1980-х гг., а также финансовый и торговый дефициты США, усиленные ощущениями безостановочного роста японской экономики [3, с. 94-95]. Приведенные примеры являются наиболее значимыми, но необходимо отметить, что были еще многочисленные случаи, когда Америка находилась в кризисном состоянии.

Такая непривлекательная реальность ухудшения состояния дел в США появляется с средств массовой информации и научных работах. Так состоянием на октябрь 1993 г. национальный долг США составлял более 3,5 трлн. дол., что составляло более 59 % внутреннего валового продукта [4, с. 32]. К тому же, система образования в Соединенных Штатах находилась в кризисном положении и была далеко позади секторов образования наиболее развитых стран, таких как Германия и Япония [5, с. 19]. А президентские выборы существенно усилили заинтересованность в обсуждении таких проблем как преступность, расизм и экономика, так как каждый гражданин был обеспокоен внутренними делами своей страны [6].

В целом, появилось три темы, на основании которых основывались пессимистические настроения. С. Хантингтон выделяет следующие: прогрессирующий финансовый и торговый дефициты, которые не слишком успешно контролировались политической машиной Соединенных Штатов; продолжительные неудачи участия Вашингтона в международной экономике, а также в ключевых сферах хозяйствования; устойчивое системное ослабевание в производстве достижений и разработок, начальном и среднем образовании, подготовке ученых и инженеров и, что наиболее важно, - в накоплении и инвестициях [7, с. 78].

Согласно А.А. Зиновьеву, то, что считают упадком США, есть существование в диапазоне норм. Это не болезнь, а форма здорового бытия социального организма такого типа. То, что считают кризисом системы воспроизводства человеческого материала, точно так же есть закономерное состояние, соответствующее природе американского общества. Называя его кризисным, идеологи создают впечатление,

будто это состояние временное, будто его можно исправить, будто можно организовать воспитание и обучение так, что все «кризисные» явления исчезнут, и наступит полное благополучие [8, с. 298].

Впечатления о перманентном кризисе западной сферы воспитания, образования и обучения возникает потому, что видят бросающиеся в глаза и очевидные отклонения от норм этой сферы, но не видят скрытые нормы, видят внешние проявления законов этой сферы, но не видят того, что эти проявления суть неизбежные следствия самих законов. При этом отклонения от норм и к их внешним проявлениям применяют моральные критерии оценки, чуждые природе западнизма. Западное общество не является моральным по самой своей основе. Если США и нужно спасать от чего-то, то здравомыслящие американцы знают, что тут нужны не традиционные моральные ценности, а мощная экономика, армия, секретные службы и та самая идеология, которую с удовольствием потребляют американские школьники, отдающие приоритет телевидению перед научной литературой [9, с. 298].

Имея статус победителя в «холодной войне», Соединенные Штаты были вынуждены выбирать из нескольких вариантов дальнейшего позиционирования себя на международной арене. Они могли отказаться от глобального лидерства и сконцентрироваться на внутривнутриполитическом развитии. Кроме того, представлялось возможным отойти от мирового первенства путем постепенного снижения своей роли и способствования установлению системы баланса сил со сферами влияния. Или же центральной стратегической целью для США могла быть консолидация глобального лидерства и исключение возможности возникновения равнозначного по силе противника.

Регион СНГ занимает ключевое место в определении стратегической значимости Евразии и является зоной традиционных приоритетов России, где интересы РФ на фоне геополитического соперничества сталкиваются с интересами ведущих игроков мировой политики, в частности, США.

После окончания «холодной войны» в 1991 году США оказалась в положении единственной сверхдержавы, что открыло перед ними возможности более масштабно и целенаправленно влиять на ход и содержание международных отношений.

После окончания эпохи существования двух сверхдержав, находившихся в большом отрыве от других великих держав, Соединенные Штаты видели мир «плоским». Не осталось государств, которые могли сравниться с ними в могуществе, не было никаких препятствий для реализации либерально-демократической концепции мира. Реализм и его категории стали непопулярными. Главным для США было не поддерживать баланс сил и координировать действия с ведущими мировыми державами, а исключить появление мощных игроков, подобных СССР, возникновение оппозиции или препятствия со стороны любого государства или группы государств [10].

После краха коммунистической России в конце XX века Запад отбросил поверхностную неприязнь к государственности и встал на путь примирения полюсов западнизма. Произошло обнажение сущности западнизма, содержавшего в себе основные элементы, как капитализма, так и коммунизма [11, с. 64].

Определенная конкуренция между США и Россией на постсоветском пространстве неизбежна. Однако в своем стратегическом мышлении и внешнеполитических действиях Москва и Вашингтон нередко исходят из того, что противоречия между ними на этих территориях являются фундаментальными и потому непримиримыми. Характер взаимодействия США и России на постсоветском пространстве существенно влияет на общее состояние российско-американских отношений, но одновременно и является отражением этого состояния. Иными словами, от степени сотрудничества между Вашингтоном и Москвой по глобальным и стратегическим вопросам (контроль над вооружениями, нераспространение ядерного оружия и т.д.) зависят возможности достижения согласия по проблемам постсоветского пространства [12, с. 9].

Во внешнеполитических приоритетах США территория бывшего СССР фигурирует среди главных. Сразу после распада Советского Союза Соединенные Штаты ориентировались на Россию, рассматривая ее как гаранта стабильности на постсоветском пространстве.

В 1994 г. администрация Клинтона внесла существенные коррективы в подходе к проблемам постсоветского пространства. В официальной риторике и документах появляется мысль о том, что США не будут концентрировать свое влияние только в России, но и будут уделять такое же внимание и другим странам СНГ [13, с 360].

После окончания «холодной войны» создатели политики и те, кто хотел повлиять на них, выдвигают две разные гипотезы стратегии американского внешнеполитического курса. С одной стороны находились сторонники преобразования режима, которые считали, что американские лидеры должны использовать мощь, имеющуюся в арсенале США, кроме военной, для осуществления внутренних преобразований в России. Они были убеждены, что демократическая Россия больше не будет угрожать Соединенным Штатам, поскольку, демократии не воюют друг с другом.

Но с точки зрения концепции А. Зиновьева, подобный подход кажется заведомо ложным, поскольку после поражения в «холодной войне» в Российской Федерации появились стремления к реваншизму. При поверхностном рассмотрении источники этого стремления кажутся предельно очевидными, однако, используя принцип историзма, Зиновьев утверждает, что «холодная война» была борьбой за господство на планете. Коммунистические страны переходили сами к нападению, но инициатива истории исходила не от них, а от Запада. Ко всему прочему, борьба против коммунизма давала Западу оправдание всему тому, что он предпринимал на планете в эти годы. Поражение коммунистических стран в «холодной войне» лишило Запад этого прикрытия его истинных намерений [14, с. 388].

Сторонники другого подхода, а именно баланса сил, предостерегали против миссионерского рвения, ссылаясь на то, что характер внутривнутриполитического режима России не влияет на ее поведение на международной арене, и, кроме того, даже если тип режима не имел значения, Соединенные Штаты все равно не имели возможности влиять на внутренние дела России, потому выдающимся был баланс сил между Соединенными Штатами и Россией. Сторонники этой концепции утверждали, что американские лидеры должны воспользоваться слабостью России и закрепить выгодное для США соотношение сил, что означало проведение наступательного курса в вопросе уничтожения ядерного арсенала Российской Федерации, а также обеспечение гарантий независимости новых государств, которые появились на ее границах. Сторонники этой точки зрения считали, что Россия слишком слаба, чтобы защитить свои границы или обеспечить контроль над своим ядерным арсеналом, что в конечном итоге могло создать новую угрозу Соединенным Штатам. Вместе с тем, большинство сторонников баланса сил считали, что чем слабее этот

бывший противник, тем лучше. Некоторые даже надеялись на распад самой России.

Практическая реализация данной стратегии, как отмечал А.А. Зиновьев, нашла свое выражение в предложенной американцами, вдохновленными успехами в войне в Персидском заливе, идее глобального общества. Суть ее заключалась в том, что поскольку Советский Союз перестал быть второй сверхдержавой в мире, то США остались единственной сверхдержавой с претензией диктовать свой порядок всей планете [15, с. 406].

Оба варианта ответа на окончание «холодной войны» не представляли собой чего-то нового. Они скорее отражали две закоренелые модели формирования американской внешней политики [16, с. 14].

Говоря о политике США в СНГ, можно сказать, что новый подход к постсоветскому пространству получил название доктрины «геополитического плюрализма». Эта политика была ответом на попытки России восстановить интеграционные процессы в СНГ. Главной целью ее внедрения Соединенными Штатами было желание дезинтеграции стран постсоветского пространства и усиления собственной экспансии «открытых дверей», что делает невозможным угрозу возникновения любого блока, который бы мог угрожать расширению США.

Действенными механизмами реализации политики США в СНГ является блок НАТО и энергетические проекты, направленные на обеспечение долгосрочных целей стран Запада. Проблемы безопасности и экономического развития в регионе по-прежнему сложные, несмотря на перспективный характер интеграционных процессов на пространстве бывшего СССР. Интеграция в СНГ не охватывает весь регион и протекает со значительными трудностями в силу повышенного уровня конфликтности, экономических, социальных и политических проблем, которые не преодолены за годы независимости государств Содружества [17, с. 36].

В то же время американские лидеры постоянно подчеркивали важность демократического процесса, однако несмотря на эти ориентиры США не были равноценно демократическими по отношению ко всем странам содружества. Так президент Клинтон принял решение поддерживать президента Ельцина независимо от действий своего российского коллеги. Для команды Клинтона именно

Ельцин олицетворял реформы, а его противники – регресс и возможном возвращении коммунизма.

Централизация внешней политики США на постсоветском пространстве именно в России вполне логична, ведь она, провозгласив себя наследницей Советского Союза, и является гегемоном в регионе.

США специфические цели в каждом регионе СНГ, однако, они придерживаются единой стратегической линии – сформировать у этих странах прозападные симпатии и способствовать ее проамериканской внешнеполитической ориентации.

Важно отметить, что в начале 90-х годов содействию США в обеспечении изменений было для лидеров России важнейшим вопросом по всему комплексу американско-российских отношений. Потребность помощи в проведении российских внутренних преобразований поступала из Москвы, а не из Вашингтона. Игнорировать в 1992-1993 годах эти просьбы ради реализма означало бы испортить двусторонние отношения с Россией [18, с. 437].

Американские политики, а вслед за ним многие политики других западных стран стали говорить о некоей моральной политике. Эти разговоры – двойное лицемерие. Во-первых, политика, основывающаяся на принципах морали, есть логический нонсенс. Во-вторых, то, что эти же политики творят на деле, не имеет ничего общего с тем, к чему они призывают на словах.

Билл Клинтон, выбранный в 1992 году президентом США, издал некий «Моральный кодекс», который явился продолжением и усилением «Морального закона» 1978 года. Клинтон был намерен в соответствии с этим кодексом создать свою администрацию и заставить ее работать [19, с. 299].

Сама идея такого кодекса, как утверждал А. Зиновьев, является симптомом неблагополучия с моралью в правящих кругах США, как и в прочих странах, как и в любые времена, ибо сфера политики вообще есть сфера неморальная. К тому же как «Моральный закон» 1978 года, так и «Кодекс Клинтона» ничего общего, кроме фразеологии, с моралью не имеет. Они суть завуалированная форма документов юридических, адресованных к людям, которые по своему положению в системе власти оказываются фактически неподвластными юридическим нормам [20, с. 299].

Клинтон не отказался от политики «баланса сил», которая проводилась его предшественником. Администрация Клинтона

добилась вывода ядерного оружия из нерусских республик, а также вывода российских войск из стран Балтии: Эстонии, Латвии и Литвы. Достижение поставленных целей в сфере национальной безопасности было принципиально важным для Клинтона в реализации его планов по включению России в западный клуб демократических стран с рыночной экономикой [21, с. 22].

Система баланса сил, безусловно, имела бы ряд преимуществ для Соединенных Штатов. Прежде всего, государство может существенно снизить свои затраты на оборону и существенно реже задействовать вооруженные силы в горячих точках, что позволило бы другим великим державам взять на себя инициативу решения конфликтных ситуаций в подконтрольных регионах. Также США были бы свободнее в удовлетворении экономических интересов, даже в случае ухудшения отношений с союзниками, за исключением ситуации, когда такие действия мешают другим мировым центрам силы.

В целом, успех системы баланса сил абсолютно зависел от ее поддержки великими державами без провокации вооруженных конфликтов. Они должны продемонстрировать свое одобрение данной линии поведения, при этом, не совершая необдуманных поступков, которые привели бы к войне. Удачное функционирование баланса сил оказалось бы почти невозможным из-за глобальности системы, неоднородности культур, существенных различий в управленческих традициях, приоритетах общественного мнения. Поэтому вполне вероятные просчеты в балансировании могли бы послужить причиной для войн, в которых Соединенные Штаты не могли бы остаться в стороне.

В 1990-х годах администрация Б. Клинтона считала реализацию доктрины лидерства лучшим способом защитить национальные интересы США. В ее рамках использования вооруженных сил рассматривался как «последнее резервное средство» внешнеполитической стратегии государства. Но в середине 1990-х годов Пентагон дал старт серии проектов, направленных на увеличение военно-технического отрыва США от союзников и конкурентов. Частичная реализация этих планов позволила Пентагону диверсифицировать сценарии применения американских вооруженных сил.

В 1990-х годах администрация Б. Клинтона настаивала, что лучшим способом защитить интересы США была кооперационная стратегия.

В начале 2000-х годов республиканцы пришли к выводу, что интересам Америки больше соответствовала доктрина «превентивных ударов».

Глобальное лидерство США и сдерживание вражеского соперника, как и возвращение к многополярности, представлялось американским руководством наилучшим в долгосрочной перспективе. Такой ход событий должен был бы быть не самоцелью, а процессом создания порядка, в котором бы Соединенные Штаты имели выгодные условия для своего развития. Во-первых, глобальная среда была бы более открыта и восприимчива к американским ценностям: демократии, свободному рынку и верховенству права. Во-вторых, такое мировое устройство имеет больше шансов для борьбы с общими проблемами, такими как распространение ядерного оружия, угроза возникновения региональной гегемонии и конфликтов средней и низкой интенсивности. И, безусловно, лидерство США позволило бы избежать укрепление вражеского соперника, поддерживая такое мировое устройство, в котором бы удалось избежать еще одной «холодной войны» и обмена ядерными ударами. Поэтому подобная система международных отношений была более благоприятна, чем биполярная или мультиполярная.

Анализ «Стратегий национальной безопасности» президентских администраций США, разработанных после холодной войны показал, что в основу американского внешнеполитического курса в указанный период возложены большие стратегии гегемонии и выборочного привлечения, при этом влияние стратегии гегемонии постепенно рос.

Если в период биполярного противостояния политика США базировалась на императивах сдерживания Советского Союза и поиска путей сокращения советского влияния за пределами СССР, то после «холодной войны» основными стратегическими задачами европейской политики США стали недопущения военно-политического усиления и консолидации ЕС и распространение демократии и американского влияния на Ближнем Востоке и в Евразии.

Серьезным вызовом безопасности и стабильности в зоне СНГ остается неурегулированность локальных и региональных конфликтов, блокирования коммуникаций в Закавказье, наркотрафик, терроризм и экстремизм. Прогресс в ходе двусторонних и многосторонних переговоров в рамках СНГ, а также позитивный диалог Россия – США по решению существенных проблем региона с учетом интересов всех заинтересованных сторон мог бы открыть путь к созданию постоянно

действующего диалогового механизма по вопросам безопасности и сотрудничества на пространстве бывшего СССР. Существует взаимная заинтересованность в согласовании национальных интересов в России и США. Одновременно является и противоречия интересов. В этой связи преодоление разногласий в решении ключевых проблем современности должно стать приоритетным направлением во внешней политике РФ и США. Российско-американские отношения важны и для обоих партнеров, и на региональном и на глобальном уровне. России необходимы мирные и равноправные отношения с государствами СНГ и с Америкой при сохранении РФ своей полной самостоятельности. Это исключает союзы с одним из этих партнеров против другого партнера. России необходимо действовать так, чтобы, обеспечивая свои интересы, в то же время быть необходимой и для стран Содружества и для США. В сложившейся ситуации необходимо продолжать линию на развитие диалога и расширение взаимодействия в двустороннем формате Россия – США.

Таким образом, можно сделать выводы, что распад СССР отвечал жизненно важным интересам США, поскольку способствовал реализации американской стратегической цели доминирования Америки в мире. Восстановление же Советского Союза в любой форме противоречило этим представлениям. Поэтому США были крайне заинтересованы в содействии ослаблению России на международной арене, но не в полном ее разрушении, ибо это грозило изменении геополитического положения в мире.

Очевидно, что Соединенные Штаты избрали прагматичный вариант внешнеполитического развития. Поэтому сейчас они имеют беспрецедентную военную и политическую власть и выступают могущественным мировым лидером. Однако, непростым был вопрос, удастся ли Вашингтону взять на себя настолько большую ответственность, что б она не противоречила ни национальным интересам, ни особенностям внутреннего устройства государства. Американское руководство было заинтересовано в использовании благоприятных международных обстоятельств для попытки установления единоличной гегемонии, так как не было никаких гарантий, что мировая система не переформируется в многополярную, а это, как известно, было бы опасным для США.

Ссылки:

1. Ney J. Bound To Lead: The Changing Nature Of American Power / J. Ney. – NY: Basic Books. – 1991. – 336 p.
2. Hume B. A Shadowdance with Camelot / B. Hume // The National Review. – November 29, 1993.
3. Huntington S. The U.S. – Decline or Renewal? / S. Huntington // Foreign Affairs. – Vol. 67, №2. – Winter 1988/89.
4. US Council of Economic Advisors. Economic indicators. – Washington DC.: Government Printing Office. – October 1993.
5. Losing an Edge // Time. – July 20, 1992.
6. Perennial Issues Dominate Debates in Local Elections // New York Times. – October 31, 1993. – A1
7. Huntington S. Указ.соч.
8. Зиновьев А.А. Запад: избранные сочинения / А.А. Зиновьев; вступ. статья Г.В. Осипова; сост. Солодухина. – М.: Астрель, 2008. – 512 с.
9. Там же.
10. Шаклеина Т. Россия и США в полицентричном мире / Фонд исторической перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://perspektivy.info/oykumena/amerika/rossija_i_ssha_v_policentrichn_om_mire_2011-01-22.htm Цит: 10.12.2012
11. Зиновьев А.А. Указ. соч.
12. Троицкий М. Российско-американские отношения на постсоветском пространстве. Как преодолеть игру с нулевой суммой? / М.Троицкий, С.Чарап // Доклады Рабочей группы по будущему российско-американских отношений. – Выпуск 1. – Сентябрь, 2011.
13. Зиновьев А.А. Указ.соч.
14. Там же.
15. Ширяев Б.А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы и методы. / Курс лекций. – 2-е издание. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – 446 с.
16. Голдгейр Дж., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». – М. «Международные отношения», 2009. – 520 с.
17. Минасян Г.С. Политика США на пространстве СНГ: дис...кандидата полит. наук: 23.00.04 / Минасян Гаруш Саакович. – М., 2008.

18. Голдгейр Дж. Указ.соч. – С.437.
19. Зиновьев А.А. Указ.соч.
20. Там же.
21. Там же. – С.22.

ПРОИЗВОЛ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ОПАСНОСТИ

Д.Г. Зырин

В статье описывается произвол как противоположность воли через его атрибутивные характеристики, рассматривается опасность как мера произвола, иллюстрируются формы проявления опасности по доминированию одного из атрибутов произвола.

Ключевые слова: воля, мера нормальности, опасность, произвол, целеполагание.

В общеупотребительном толковании «произвол» как понятие отождествляется с нарушениями закономерности в поведении человека. Наиболее распространенным является употребление термина в описании роли сильной личности: Сталин, Мао-Цзэдун, Хрущев, Янукович – не соотносят свои возможности с развитием действительности, либо отстают, либо опережают, либо не соответствуют ей. Также с феноменом произвола связывают нарушения закономерностей в поведении народных масс, которые приводят к погромам и человеческим жертвам.

Нарушение закономерности пытаются исправить, изменяя саму норму. Народ, несогласный с действиями власти, устраивает акции протеста, требует замены власти и изменения правил игры. В свою очередь, правительство стремится взять под полный контроль возможность проявления воли народа так же изменяя правила игры.

Здесь обнаруживается ситуация, при которой ни те, ни другие не видят перехода в ненормальность. Произвол либо видят во всём, либо упорно не замечают его до полной утраты нормы. Так, правительство Порошенко в современной Украине подозревает в антиукраинской деятельности и попытке свержения власти любую акцию протеста и несогласия с действиями власти. И наоборот, как это было с президентом Януковичем во время майдана, захваты администраций и погромы оправдывались правами народа. Народ видит причину всех своих бед в правительстве и не замечает, когда сам превращается в бессознательную толпу и рушит все на своем пути. Осознание приходит, когда полностью утрачен контроль.

Традиционно произвол рассматривают как норму, приписывая ему характеристики ненормальности. Попытки исправить ненормальность не только дают временный или слабый эффект, но и порождают еще больший произвол. Недостатком таких методов является одновременное ограничение развития нормальных вещей. Так, если власть ограничивает свободу народа, то последний становится безвольным, и такое государство функционирует под принуждением. Если же толпа свергает правительство, то потеря власти самой властью приводит к охлократии – еще худшему последствию, чем переизбыток власти. Получается, что лекарство хуже самой болезни.

Целью статьи является описание произвола как формы проявления опасности через его атрибутивные характеристики, рассмотреть как «уже не норму», потому что опасность находится по ту сторону нормы.

Анализ работ показывает, что проблема произвола так или иначе рассматривают в рамках различных научных полей, при этом авторы, исследуя собственный объект, описывают разные стороны феномена, который можно соотнести с произволом или волюнтаризмом. Так, в психологии произвол описывают как проявление взрывной импульсивной энергии отдельного человека. В частности, Кудрявцев В.Н. считает, что многие преступления совершаются импульсивно, спонтанно, без специально поставленной цели [1]. Также психологи описывают произвол как бессознательную силу толпы. Впервые сформулировав законы поведения толпы, Густав Лебон отметил, что индивид в таких условиях приобретает сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда он один [2].

Ряд авторов в описании произвола делают акцент на нарушении границ, разрушении закономерности. Ефремова Т.Ф. указывает на то, что сущность произвола проявляется в ничем не стесняемой воле, неограниченном своеволии, отсутствии законности, справедливости [3]. Философ, экономист, идеолог свободного рынка Адам Смит, высказал опасение, что общество может пострадать, если человеческая предрасположенность к риску перейдет разумные границы [4].

В свою очередь, ряд авторов видит произвол в неадекватности и деятельности в рамках «здесь и теперь». Так, социологи Ульрих Бек и Никлас Луман описывают, как научно-технический прогресс порождает глобальные риски и опасности [5]. Английский экономист Джон

Мейнард Кейнс видит произвол в погоне за краткосрочной прибылью, отмечая, что если основой развития страны становится прибыль от казино – «пиши пропало» [6].

Часть исследователей видят источник произвола в своеобразии представлений и мнений. Отсюда появляются синонимы произвола с приставкой «само-»: самовластие, самоволие, самовольность, самосуд, самоуправство, своевластие, своеволие [7]. Роберт Шиллер описывает инвесторов, которые губят свои капиталы из-за переоценки своих способностей [8].

Совершенно очевидно, что для каждой отрасли знания ее собственный теоретический контекст вполне достаточен, чтобы формулировать руководящие указания. Поэтому даже на уровне отдельных отраслей знания, а тем более в процессе совместного междисциплинарного взаимодействия порой возникают сомнения, известно ли вообще, о чем идет речь. Исследователи занимаются лишь отдельными атрибутами произвола, не раскрывая его сути. В результате феномен произвола не являлся объектом научного исследования.

Все связанное с произволом не может иметь волевых характеристик, а сам произвол является противоположностью воли. Следовательно, представляется возможным рассмотреть атрибуты произвола как противоположность атрибутам воли. Согласно Гаврилову Н.Г. атрибутами воли являются концентрация усилий, ограничение, целеполагание, самосознание и интеллект [9, с. 34].

Первое, что представляет собой воля – это механизм включения резерва жизненной энергии для преодоления возникших препятствий. Ее можно выразить определенной величиной, которая приращивается к тому, что считается некоторой нормой. У каждого человека есть своя мера силы воли. Воля проявляется в тех случаях, когда человек заставляет себя сделать то что «надо», несмотря на имеющиеся препятствия.

В противоположность волевой концентрации усилий произвол как форма активности задается желанием в форме «хочу» и не контролируется сознанием. «Хочу» по своей природе интенционально, оно возникает непосредственно как направленность желания на объект. Если условия препятствуют осуществлению желания, то возникает напряженность как необходимость в концентрации усилий. Концентрация усилий без учета условий может вылиться в аффект,

который в этом случае следует считать механизмом компенсации чрезмерной напряженности. Тем самым указывается на проявление влечений, мотивов, стремлений, потенциал которых определяется интуитивно в произвольном действии. Произвольное действие, как правило, характеризует импульсивное поведение, которое всегда ситуативно. Для такого рода активности больше всего подходит характеристика: «не ведают, что творят». В результате получается, что «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Часто в обыденном представлении «хочу» и «надо» употребляются как синонимы в значении чего-либо, без чего нельзя обойтись. В «хочу» присутствует элемент «необходимости», но определяющей является доминирующая тенденция. Гегель считал, что «произвол есть случайность в сфере воли» [10, с. 391]. Хотя человек активен и находится в сфере выбора, то, что выбирается, безразлично к реализации сущности человека и к тому, что он находится в сфере выбора. Ни то, ни другое не является необходимым. Ключевым в произволе является то, что «содержание определяется быть моим не благодаря природе моей воли, а благодаря случайности: следовательно, я также завишу от этого содержания – в этом и состоит противоречие, заключенное в произволе. Обыкновенный человек полагает, что он свободен, если ему дозволено действовать по своему произволу, между тем именно в произволе заключена причина его несвободы» [там же, с. 81].

Второй атрибут воли – способность ограничивать себя. Поэтому воля является волей, пока она усиливает энергию до уровня, достаточного для преодоления препятствия, и ограничивает её в границах необходимого для достижения цели. Благодаря воле человек ограничивает проявление желаний, несвязанных с достижением цели. Зачастую волевой тормоз – более необходимое действие, чем активное действие. Здесь следует согласиться с утверждением Гегеля: «что волит воля, есть ограничение, ибо воля, чтобы быть волей, должна вообще себя ограничивать. То, что воля нечто волит, есть ограничение, отрицание» [там же, с. 73].

В противоположность воле произвол – это энергетический поток, который не ограничивается, то есть не направляется в нужное русло. Произвол – это «выход за берега», нарушение меры нравственных норм. Произвол это деятельная активность, которая ни с чем не соотнобразуется. «То, что определено в произволе, – суть потребности

вожделения и влечения. Влечение видит лишь себя, оно слепо, оно следует только себе, не имеет своей меры в самом себе; здесь не существует определения, каким влечением следует пожертвовать. Здесь все определяет произвол» [там же, с. 391].

Зачастую упускается из внимания, что нарушение меры нормальности связано с переходом в другое качество – ненормальность. Даже та часть усилий, которая соотносится с необходимостью для преодоления препятствий, выйдя за её пределы, вся превращается в ненормальность. В материальной реальности видимых изменений при этом может и не происходить, но в идеальной реальности уже можно диагностировать проявление произвола.

Третий атрибут волевого действия – целеполагание – заключается в том, что оно всегда совершается ради достижения опредмеченной цели. Опираясь на правильное понимание действительности, на знание тех или иных ее необходимых сторон и связей, человек как бы заглядывает в будущее. В целеполагании одновременно живет результат и процесс как взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего.

Противоположная картина возникает, когда речь идет о произволе, ведь его реализация не сопровождается регуляцией сознания. Поэтому импульсивное поведение ситуационно. Произвол видит цель только в актуальном аспекте в рамках «здесь и теперь». Смысл цели не соотносится с её действительным предназначением. Восприятие прошлого, настоящего и будущего происходит с разрывом необходимой взаимосвязи между ними, поэтому появляется застывшее ситуативное видение действительности как данности.

По восприятию действительности как данности всех людей можно разделить на три условные группы: «людей-прошлого», «людей-настоящего» и «людей-будущего». «Люди-прошлого» не желают видеть никаких изменений в наличной социальной действительности. Прошлое держит этих людей в плену исходного, сковывает все изменения привычным и традиционным мировосприятием. Эти люди живут в минувшем, они не хотят востребовать будущее – оно для них не существует. «Люди-настоящего» запечатлевают пространственные и временные границы наличной данности только в рамках «здесь» и «теперь». И эту данность они фиксируют в застывшем виде, не продлевают ее во времени и не воспринимают как процесс. «Люди-

будущего» склонны простой проблеск новой реальности принимать за полное ее осуществление. Как правило, по духу они либералы/радикалы разного толка, которые способны запросто выдавать желаемое за действительное, во имя будущего легко освободиться от прошлого и жертвовать настоящим.

Четвертый атрибут воли связан с проявлением самосознания и означает умение человека сосредоточить внимание на своем внутреннем мире. Человек все глубже проявляет свою самобытность: он познает не только внешний мир, но и сам процесс познания, размышляет о своих собственных мыслях и анализирует их. Можно сказать, что самосознание – это субъективный мир, в котором человек отличает себя от всего остального. В процессе самосознания человек осознает, что, подчиняясь законам развития общества, он, вместе с тем, имеет больше возможностей жить своей собственной жизнью. Только такой способ регуляции поведения человека способен создать усилие и удерживать его так долго, как это необходимо.

В противоположность волевой активности, произвол – форма активности, которая не контролируется сознанием. Если непосредственно данные природой желания и влечения не ограничиваются волей, то происходит их бессознательная регуляция (хочу, не знаю почему). Человек теряет обратную связь с самим собой, не может определить свои действия по отношению к ситуации. Бессознательное больше относится к еще не осмысленному, т.е. находящемуся вне сферы сознания. По Фрейду бессознательное – это глубинный слой психики на уровне проявлений тела, направленный на получение максимального удовольствия. Фрейд считал, что движущей силой бессознательного является «либидо» – сексуальное влечение. Позже его заменили на два инстинкта: жизни (эроса) и смерти (танатоса) [11].

Непредсказуемость действий стихийных групп во многом обуславливает механизм заражения – бессознательной невольной подверженностью человека определенным психическим состояниям. Заражение проявляется через передачу определенного эмоционального состояния – «психического настроения». Поскольку это эмоциональное состояние возникает в массе, действует механизм *многократного взаимного усиления* эмоциональных воздействий людей друг на друга. Человек здесь не испытывает организованного преднамеренного давления, но бессознательно усваивает и

воспроизводит образцы чьего-то поведения. Эффект многократного взаимного усиления в толпе выступает своеобразным ускорителем, который «разгоняет» определенное эмоциональное состояние до бессознательных проявлений по чьей-либо команде.

Пятый атрибут воли – интеллект, основу которого составляет знание и означает умение оперировать информацией. С помощью интеллекта человек определяет, те действия, которые при данных конкретных условиях могут привести к достижению поставленной цели. Специфическим для волевого действия является мобилизация с помощью интеллекта всех имеющихся в данный момент в его распоряжении средств, необходимых для достижения поставленной цели. Такого рода мышление не столько переходит в волю, сколько именно «делает» волю тем, чем она является по определению. Согласно Гегелю, мышление «творит» волю, задает ей определенное поле деятельности [10].

Противоположностью знания является мнение, основой которого является представление. В массовом сознании любое высказывание своего мнения воспринимается как утверждение субъективной значимости человека. И как только появляется возможность поговорить по поводу решения какой-либо проблемы, большинство людей непременно этим воспользуются независимо от уровня своей компетенции. На уровне обыденного сознания сложилось нормативное предписание, согласно которому следует прислушиваться к каждому мнению, потому что оно несет в себе нечто неповторимое, своеобразное, особенное. Свобода слова сводится к тому, что каждый говорит обо всем, не слушая других и не заботясь о весомости сказанного, обосновывая все это своеобразием собственного мнения. При этом не замечается парадоксальность проявления своеобразия. Ведь, чем мнение несуразнее, тем оно своеобразнее. И уж совсем не принимается в расчет, что дурное есть совершенно особенное и своеобразное по своему содержанию.

Субъективное представление отождествляет мнение и знание и не видит различия между ними. Эту закономерность хорошо иллюстрирует притча о слепых, которые хотели понять, что представляет собою слон. Один ощупывал его ногу, другой – кончик хобота, третий – хвост, четвертый – ухо. И каждый в понимании *отдельного* исходил только из своих впечатлений. Тот, кто ощупывал ногу, представлял слона в виде отдельного столба. Ощупывающий

кончик хобота представлял его в виде отдельной мыши, ощупывающий хвост – в виде отдельной веревки, ощупывающий ухо – в виде отдельного лопуха. Цельного же представления и знания так никто из них и не получил.

Сущность опасности невозможно выявить без подведения под закон перехода количественных изменений в качественные изменения. Согласно этому закону, сущность опасности раскрывается как мера внутренней определенности, по одну сторону которой она «еще не опасность», а по другую – «уже не опасность». За единицу измерения опасности следует принять меру неблагоприятного исхода развития событий. В понимании меры компетентности достаточно будет ограничиться модальностью ощущений пользователей, которые не могут регулироваться волевыми усилиями. Таким образом, мера внутренней определенности опасности указывает на то, что в качестве ее первоосновы следует рассматривать только тот *неблагоприятный исход развития событий, необходимость которого не может быть преодолена волевым усилием/волей*.

Нередко происходит отождествление понятий «опасность» и «угроза». По отношению к воле они имеют разные характеристики перехода возможности в действительность. Опасность можно лишь избежать. «Еще не опасность» – это только *угроза*, которая может быть преодолена волевыми усилиями. Ее можно предотвратить, то есть принять меры для того, чтобы нейтрализовать возможность нанесения ущерба / наступления неблагоприятного исхода развития событий. «Уже не опасность» характеризует ее последствия – меру ущерба нанесенного опасностью.

Опасность можно свести к трем её составляющим: неблагоприятный исход развития событий, необходимость и невозможность преодоления волевыми усилиями.

Сущность неблагоприятного исхода развития событий заключена в толковании слова «неблагоприятный»: буквально, отрицание блага и комфорта ощущений (приятного) – в качестве допущения можно рассматривать неприятные в ощущениях блага (уколы, операции и т.п.) – здесь же и «благими намерениями вымощена дорога в ад». Единица измерения – благо для человека, все, что во благо человека как живого существа, социального лица и духа.

Необходимость означает, что ситуация содержит в себе внутреннюю причину, детерминанту действия, заложенную в самом

процессе. В «Толковом словаре русского языка» Ожегова С.И. термин «опасность» трактуется как ситуация, в которой присутствует фактор (обстоятельство), способный причинить вред, несчастье, ущерб (физический или моральный), привести к катастрофе, и от которой требуется защищаться. Когда все условия имеются налицо, предмет необходимо должен стать действительным. Необходимое необходимо потому, что таков круг обстоятельств.

Невозможность преодоления волевыми усилиями означает, что использование внутреннего потенциала человека невозможно направить на ограничение проявления условий, препятствующих достижению цели. Характеризуется двумя моментами: с одной стороны это отсутствие законов и условий, ограничивающих проявление необходимости, а с другой отсутствие потенциала заложенного в человеке по преодолению опасности, например: падение с высоты, электрический ток.

Во взаимосвязи этих составляющих можно обнаружить суть любой разновидности опасности. Опасность как таковая характеризуется тем, что в её полноте содержится ключ к пониманию форм, в которых она может проявляться.

Формы проявления опасности по доминированию одного из атрибутов произвола можно проиллюстрировать идеями из романа Александра Зиновьева «Катастрожка» [12]. Название романа говорит о том, что перестройка Горбачева по сути была катастрофой.

Разрушительную силу энергии «хотели как лучше» иллюстрирует идея революции сверху: «Новейшая советская история внесла в марксистско-ленинскую теорию революции существенный корректив: была открыта новая форма революции, а именно – революция сверху. Но советским руководителям во главе с Горбачевым такая оценка их реформаторской суеты («перестройки») пришлась по душе, и они окрестили ее революцией. Горбачевская революция отличается от ленинской революции 1917 года соотношением верхов и низов. На сей раз сложилась такая ситуация, что верхи уже не хотят управлять по-старому, а низы уже не могут жить по-новому. Такого рода революцию осуществляют высшие руководители страны, возглавляющие народные массы и принуждающие их к преобразованиям. Они спихивают консервативных руководителей с их постов и сажают на их место своих сторонников. Если этот тип революции назвать

революцией сверху, то ленинский тип следует назвать революцией снизу» [там же, с. 71].

Опасность, к которой приводит нарушение меры нормальности, иллюстрирует идея развенчивания всех идеалов коммунизма: «Раньше у нас недостатки замазывали, а успехи раздували. Теперь же – наоборот. Теперь мы стыдимся об успехах говорить, а недостатки раздуваем сверх меры» [там же, с. 14]. Критика «вышла за берега» до такой степени, что были забыты все великие достижения советского народа. «Кампания гласности переросла в развенчивание всех идеалов коммунизма» [там же, с. 73]. При этом, «началось такое мазохистское саморазоблачение и самобичевание, что даже самые злостные антикоммунисты и антисоветчики растерялись. Они на этом фоне стали выглядеть как мелкие жалобщики и порою даже как защитники коммунизма. Все старались превзойти друг друга в оплевывании прошлого и в очернении всего сделанного за послереволюционные годы. Лишь попы сдерживали город от религиозного мракобесия, неосталинисты – от разгула демократии, мафия – от засилия частных» [там же, с. 129].

Опасность отсутствия целеполагания как «здесь и теперь» вместо устремленности в будущее иллюстрирует идея имитации дела: «Общество гораздо лучше справляется с проблемами имитации дела, чем с проблемами самого дела. К тому же формальная суэта по поводу дела тут считается более важным делом, чем то дело, по поводу которого поднимается суэта. Суэта по поводу дела привычна и легко выполнима. Она не требует длительных усилий, риска и потерь. Она прекрасно выглядит в отчетах. Она приносит удовлетворение и явную выгоду гораздо большему числу людей, чем само дело. Причем, она дает результат сразу, а не в отдаленном будущем. А главное, она прикрывает и компенсирует практическую невозможность осуществления дела в том виде, как оно было задумано в высших органах власти. Если бы всю интеллектуальную и творческую энергию, затраченную сотнями тысяч людей на все это, потратить на улучшение работы предприятий и учреждений области, то рывок вперед мог бы быть действительно грандиозным» [там же, с. 182].

Опасность отсутствия самоконтроля иллюстрирует идея массового сумасшествия: «"пустяки" опаснее политики. Против политических загибов у нас есть защита: идеология и КГБ. А против американских джинсов, жевательной резинки и истощных воплей защиты нет» [там

же, с. 45]. При этом, «процесс идейного разложения общества дополнился общим кризисом морально-психологического состояния населения. Началось состояние, для которого трудно подобрать иное название, кроме как массовое сумасшествие. Всякого рода шарлатаны всплыли на поверхность и стали популярными. Власти стали относиться к ним с почтением, предоставляя им страницы газет и журналов, телевидение, помещения для выступлений. В огромном количестве появились пророки, гадалки, целители. Их услугами стали пользоваться партийные и государственные служащие. Они стали заряжать целебной энергией даже водку и закуску. Если этот шарлатан пообещает через телевидение напоить всех желающих водкой, то советский период русской истории можно будет считать законченным» [там же, с. 124].

Опасность, к которой приводит дурость особенного мнения, иллюстрирует идея о том, что наиболее особенное находится в дурдоме: «Сумасшедших было трудно отличить от здоровых перестройщиков, и население воспринимало бред сумасшедших как дальнейшее развитие идей Горбачева. Перестроечные психи слишком далеко забежали вперед в обновлении общества, как в свое время диссиденты в критике застойного периода и сталинизма. Как только кончится перестройка, так этих новых психов, опередивших свое время, выпустим на волю» [там же, с. 121]. «Содержащиеся в больнице пациенты все являются стопроцентными медицинскими сумасшедшими, и любые западные эксперты могут это подтвердить. Но если дать иностранцам поговорить с обитателями больницы, у них может сложиться ложное впечатление, будто тут содержатся искренние сторонники перестройки» [там же, с. 170].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что произволу бесосновательно приписываются характеристики воли. Поэтому упускается из виду переход в ненормальность. Отсутствие перехода приводит к тому, что осознаются только последствия опасности и не замечается угроза. Отсюда возникают ложные ожидания того, что произвол можно преодолеть ограничениями, например, штрафами или изменениями законов, переговорами и компромиссами. Эти средства направлены на последствия, а не причины произвола.

Ссылки:

1. Механизм преступного поведения / Под ред. В.Н.Кудрявцева. – М.: 1981. – с.69.; Зелинский, А.Ф. Криминальная психология/ А.Ф. Зелинский. – Научно-практическое издание Киев Юринком Интер, 1999. - 240 с.
2. Лебон, Г. Психология народов и масс/ Г. Лебон. – Спб.: 1996. - с. 75; Савина, Е.А. Введение в психологию: Курс лекций/ Е.А. Савина. – М.: «Прометей» МПГУ, 1998. – 252 с.; Митрохин, С. Трактат о толпе/ С. Митрохин // Век XX и мир. 1990. № 11.; Московичи, С. Век толп/ С. Московичи. – М.: 1996. ; Руткевич, А.М. Человек и толпа/ А.М. Руткевич// Диалог. 1990. - № 12.
3. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. – М.: Русский язык, 2000.
4. Бернштейн, П. Против богов: Укрощение риска/ П. Бернштейн. - М.: Олимп-Бизнес, 2000. – с.15. Цитата из: [Ignatin, Smith, 1976, p. 80].
5. Бек, У. Общество риска на пути к другому модерну/ У. Бек. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.; Луман, Н. Понятие риска/ Н.Луман// THESIS. 1994. вып 5. – 135–160 с.
6. Кейнс, Д.М. Общая теория занятости, процента и денег/ Д.М. Кейнс. – Гелиос АРБ, 2012. – с.61.
7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель, 2000.
8. Шиллер, Р. Иррациональный оптимизм: Как безрассудное поведение управляет рынком/ Р. Шиллер. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 420 с.
9. Гаврилов, Н. И. Феномен государственной власти народа/ Н.И. Гаврилов. – Севастополь: «Вебер», 2003. – 300 с.
10. Гегель, Г. Философия права/ Г. Гегель. – М.: Мысль , 1990. – 524 с.
11. Фрейд, З. Психология бессознательного/ З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1990. – 448 с.
12. Зиновьев, А. Катастрофка. Революция в Царьграде/ А. Зиновьев. – М.: Астрель, 2012. – 510 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕНЕДЖМЕНТА В ОБРАЗОВАНИИ

В.П. Коваленко

В статье рассматривается специфика организации ценностно-ориентационной деятельности в образовательном процессе, а также особенности подготовки руководящих кадров системы образования и их готовности к эффективному функционированию в условиях аксиологической динамики общества.

Ключевые слова: образование, ценности, ценностные ориентации, аксиологическая динамика общества.

Каждое историческое время, каждый отдельный этап развития общества характеризуется своей системой ценностей, определяется наиболее распространенной их иерархией, которая выступает по отношению к человеку как нормативная для соотнесения с ней личностных ценностей.

Сложность современного общества, его специфика состоят в том, что в нем наблюдается активная аксиологическая динамика, оказывающая существенное влияние на сознание, поведение, ценностный мир человека, а в самом ценностном пространстве сосуществуют как традиционные, так и инновационные ценности. Их противостояние дестабилизирует развитие общества, что сопровождается кризисными явлениями в его институциональной системе. При этом отмечается острое противоречие между духовными ценностями и рациональными, навязанными в основном рыночными отношениями и необходимостью адаптации человека к этой среде.

Так, приспособление большинства населения постсоветских государств к новым социальным условиям сопровождалось аномийной деморализованностью, поскольку активное меньшинство постоянно приспосабливало ситуацию «под себя». Это привело к проявлениям социального цинизма, склонности не считаться с моральными нормами регуляции социальной жизни.

Становится очевидным, что глобальный экономический кризис, который сейчас переживает мир, – это не просто кризис экономических институтов, а и свидетельство кризиса человека и

общества в целом, ценностных ориентаций и моральных норм.

Системой, организующей жизнедеятельность людей, их взаимодействие, воплощающей в себе ценности и нормы экономической, политической, правовой, моральной и других сфер жизни общества и выполняющей функции регулятора поведения людей, их социализации является система образования. Регулирование поведения людей, управление человеком обязательно предусматривает наличие идеала, системы ценностей, отражающих представление о социально-одобряемом поведении, а также системы социальных норм, ограничений, соблюдение которых необходимо для функционирования и развития общества.

В таком контексте представляет интерес позиция, согласно которой управление образованием выделяется как отдельная прикладная наука, опирающаяся на понятия, идеи и практику различных дисциплин и на теорию организации и администрирования в целом, но сначала определяющая, насколько эти идеи пригодны к уникальной структуре ценностей образовательных организаций. Поэтому управление образованием приобретает еще и статус «этической науки» [1].

Центральной идеей развития образования на постсоветском пространстве стало его «очеловечивание». Содержание деятельности в этом направлении допускало как решение проблемы «новых смыслов нашего времени», так и практические шаги по модернизации образования через его дерусификацию, признание исключительности ценностей титульной нации. Реализация идеи «очеловечивания» образования предполагала многовекторность развития системы с превалярованием либеральных ценностей. Ее поддержка активно стимулировалась грантами, участием в различных зарубежных программах, проектах, семинарах, утверждающих демократические ценности в их «экспортном» варианте. При этом не последнее место занимало формирование материальной мотивации привлеченных специалистов системы образования.

Значительная часть выпускников этих программ вливалась в «пятую колонну» от образования и всемерно способствовала созданию условий для доминирования либеральных ценностей, активной западнизации образовательных систем постсоветского пространства.

Вопрос деидеологизации образования был поставлен на повестку дня с момента распада Советского Союза. В этой связи миф о

неидеологичности современного западного общества казался особенно привлекательным. Как человек, знающий Запад в его реалиях, А. Зиновьев акцентирует внимание на том, что отрицание существования западной идеологии есть одна из основных его идей: «Идеология спрятана, растворена, рассеяна во всем том, что предназначено для менталитета людей – в литературных произведениях, фильмах, специальных книгах, научно-популярных и научно-фантастических сочинениях, газетных и журнальных статьях, рекламе и т.д. Она слита с внеидеологическими феноменами настолько, что вторые просто невысказаны без нее. Это делает ее неуязвимой для критики. Она везде и во всем, и потому, кажется, будто ее вообще нет... Люди там даже не замечают, что с рождения и до смерти постоянно находятся в поле действия идеологии. Они потребляют ее вместе со всем тем, что они потребляют для своего ментального питания. Делают они это без всякого усилия, без принуждения, свободно, без сборищ» [2].

Современная система образования во многом «замкнута» на либеральные ценности. Она ориентирует человека на всемерное развитие тех качеств, которые обуславливают его положение в мире вещей: успеха, индивидуализма, престижа, личного материального благосостояния, предприимчивости, безграничной свободы самовыражения. Это приводит к утрате духовного измерения образования, его дегуманизации, фетишизации мира вещей.

В этой связи представляется продуктивной актуализация идей А. Зиновьева о ценностях как главном факторе существования и развития человеческой культуры, которые занимают одно из ведущих мест в его творческом наследии. Рассматривая процесс проникновения либеральных ценностей Запада, А. Зиновьев указывает на их губительность для духовности российских людей. Он выделяет особый тип личности – «западоид» и характеризует его следующим образом: «... Реальный западоид есть внутреннее упрощенное, рационализированное существо, обладающее средними умственными способностями и контролируемой эмоциональностью, ведущее упорядоченный образ жизни, заботящееся о своем здоровье и комфорте, добросовестно и хорошо работающее, практичное, расчетливое, смолоду думающее об обеспеченной старости, идеологически стандартизированное, но считающее себя при этом существом высшего порядка по отношению к прочему (незападному)

человечеству» [3]. Именно образ такого «западоида» был положен в основу моделей выпускника образовательных систем всех уровней.

Опасность, которую представляет западнизм для образовательных систем явно не соответствует реальному осознанию этой ситуации управленческим корпусом образования, научно-педагогическим сообществом. Теоретическое осмысление феномена западнизма в образовании, исследование ущерба, нанесенного проникновением туда либеральных идей на данный момент является не достаточным, что затрудняет разработку мероприятий управленческого характера для возможной минимизации имеющихся угроз.

В работах, посвященных критическому анализу либерализации образования в контексте перехода к консервативной его модели делается акцент на идее индивидуализма в образовании, которые реализуются под лозунгом создания условий для всестороннего развития личности, актуализируется позиции А. Макаренко и В. Сухомлинского при рассмотрении современной модели свободного воспитания, а также исследуются современные подходы относительно превращения образования в сферу услуг [4].

Однако, наиболее глубокий системный анализ западнизма, представленный в работах А. Зиновьева, остается без должного освоения теорией управления образованием. Таким образом, несмотря на наличие широкого спектра моделей управления образованием остаются теоретически не достаточно проработанными их аксиологические основания с учетом ценностной динамики современного общества и того разрушительного воздействия, которое оказало внедрение либеральных идей в образовательную практику.

Целью статьи является рассмотрение аксиологических аспектов управления образованием с акцентом на его личностном уровне, анализ специфики ценностно-ориентационной деятельности в образовательных системах.

Ценностный подход в управлении образованием заключается в учете в управленческой деятельности нормативно-ценностного базиса, который укоренился в сознании людей и ориентации на новые ценности, обновленный духовный идеал. При определении необходимости реализации на практике указанного подхода нужно основываться на общепризнанном представлении о том, что качественный скачок в общественном развитии возможен не тогда, когда возникают новые идеи, а тогда, когда вызревают новые

ценности. При всей склонности людей к субъективной трактовке морали в обществе существуют общепринятые нормы честности, справедливости, совестливости их соблюдение – весьма важный фактор социального управления.

В философии ценности определяются как продукт жизнедеятельности индивидов, социальных групп и общностей, а также человечества в целом, которые существуют в виде общественного идеала. Нужно отметить, что особое внимание уделяется взаимодействию субъекта и объекта ценностного отношения. Поэтому ценности выражают такие отношения между людьми, которые не разъединяют, не отчуждают человека от других людей, от природы и от самого себя, а, напротив, объединяют, собирают людей в общности любого уровня: семью, коллектив, народность, нацию, государство, общество в целом. Ценностные отношения являются для людей не внешними и принудительными, а внутренними и ненасильственными [5].

В конечном счете, большинство философов сходятся во мнении, что не всякая значимость есть ценность, а значимость положительная, способствующая как физическому и духовному развитию индивида, так и в целом, общественному прогрессу. Более того – утверждается, что главной, высшей ценностью является сам человек [6].

Особое внимание на необходимость исследования ценностей в развитии общества обращает Т. Парсонс. Он считает, что ценности занимают ведущее место в выполнении социальными системами функций сохранения и воспроизводства образца [7]. Любая общественно-экономическая формация характеризуется определенной системой и даже иерархией ценностей. Среди них выделяются санкционированные и культивируемые официально, то есть посредством применения разветвленной системы средств, имеющихся в распоряжении государства. Когда речь идет о системе значений, характеризующих личность как объект социальных отношений, то имеется в виду именно указанная система ценностей. Следует обратить внимание и на очень подвижный характер ценностей относительно отдельной личности, общества. Основным фактором, формирующим распространенные ценностные ориентиры, обычно выступает общество.

Формирование ценностного базиса личности происходит в процессе ценностно-ориентационной деятельности. Наиболее

благоприятной средой для этого выступает образовательная среда, поскольку ее характерным признаком является наличие в содержании, формах, методах значительного ценностного потенциала.

Специфика ценностно-ориентационной деятельности состоит в том, что она не только дает информацию о ценностях, но и выступает в форме производства, выработки определенных ценностей, и в форме их потребления людьми. Носитель ценности предстает перед субъектом именно как объект, который он соотносит со своими потребностями, идеалами, устремлениями [8]. При этом фундаментальными ценностями на ценностной шкале современного общества в первую очередь должны быть ценность человека, его жизни и достоинства, а также жизни и достоинства других людей.

Ценностно-ориентационная деятельность не может быть сведена к внешней оценке, предпочтению и выбору готовых ценностей. Это самостоятельный творческий процесс создания ценностей или, точнее, воссоздания вновь и вновь каждым человеком, каждым поколением [9].

Для воспроизводства этой деятельности необходим определенный опыт. Его накопление предполагает постоянное взаимодействие с миром ценностей. Результатом такого взаимодействия является нравственная культура личности, связывающая ее с миром ценностей.

Поскольку управление образованием – это особая деятельность, то в ней ценности, принципы морали, этические нормы обращены к участникам взаимодействия непосредственно. По мнению Б. Братуся, одной из основных функций ценностей является «создание образа, эскиза будущего, той перспективы развития личности, которая не вытекает прямо из наличной, сегодняшней ситуации» [10]. Именно эту перспективу развития личности в значительной мере и определяет система образования, результативность ее ценностно-ориентационной деятельности.

Учитывая изложенное, актуальной задачей становится подготовка управленческих кадров к реализации ценностного управления, развитие потребности личности в ценностно-ориентационной деятельности, морально-этическом совершенствовании. Фундаментальным условием этого должно стать осознание человеком необходимости определенных изменений, сдвигов, преобразования внутреннего мира, поиск новых возможностей нравственной самореализации, то есть повышение уровня морально-нравственного

самосознания. Это обуславливает настоятельную необходимость разработки ценностной составляющей содержания и внедрения в систему подготовки управленческих кадров образования соответствующих программ в том числе программ саморазвития, учета того, что процесс саморазвития во многом зависит от ситуации, которая сложилась в обществе в настоящее время. В нестабильном социуме указанный процесс значительно затрудняется, поскольку существует огромное количество социальных стандартов и критериев жизненного успеха, а ценностные ориентации еще не сложились и остаются очень размытыми. Кроме того, нестабильная среда включает в себя различные угрозы, которые могут влиять на процессы саморазвития. Но нестабильность среды имеет и свои положительные стороны, что также нужно учитывать. В частности, в определенных пределах нестабильность среды способствует порождению разнообразия реакций человека, гибкости мышления и расширению его горизонта, развитию толерантного отношения к различным точкам зрения.

Ключевыми аспектами формирования аксиологической компетентности руководителя образования представляются:

- осознание миссии образовательной системы по формированию ценностного базиса молодого поколения;

- приобретение знаний по аксиологической проблематике образования, морально-этической культуре общества, личности; формирование умения их синтезировать, воплощать в практику управления;

- развитие нравственного самосознания и мотивации нравственного выбора;

- осуществление эффективного управленческого воздействия на личность с целью формирования ценностного базиса;

- развитие навыков самоконтроля морально-этического поведения;

- формирование содержания деятельности по повышению уровня нравственного самосознания персонала образовательного учреждения и развитие умений выбора адекватных форм его реализации.

Профессии управленца присущ определенный спектр деформаций. Их признаками, в частности, выступают определенные нарушения в деятельности, изменения личности, не соответствующие нормам морали и этики. Среди причин, обуславливающих деформирующее

влияние, нужно выделить высокую эмоциональную напряженность труда руководителя, его властно-распорядительный характер, длительные интеллектуальные нагрузки. Вероятность возникновения деформаций увеличивается в периоды профессиональных кризисов, которые могут быть нормативными, возникающими при переходе к следующей стадии профессионализации, и ненормативными, протекающими под влиянием психотравмирующих факторов. При конструктивном выходе из кризиса личность преодолевает негативные, профессионально нежелательные качества, при деструктивном – эти качества усиливаются.

Деформации нарушают целостность личности, способствуют снижению эффективности деятельности. Это может иметь свое выражение в повышении конфликтности, агрессивности руководителя, раздражительности, универсализации накопленного опыта, репрессивном характере общения, консерватизме, ослаблении чувства юмора. Высокий уровень психической ригидности, неадекватная самооценка, искажение «Я-концепции», мотивация избегания неудач выступают благоприятной основой для возникновения таких деформаций. Профессиональная деформация может охватывать различные структуры психики человека. На ценностно-мотивационном уровне о появлении деформации свидетельствует пересмотр ценностных ориентаций, связанных с активностью, творчеством, целями профессиональной деятельности в сторону их ограничения. Распространенность рассмотренных нарушений в деятельности руководителей образования в современных условиях, на которую указывают многочисленные психологические исследования, актуализирует проблему коррекции профессиональных деформаций, составляет одну из важнейших задач психологической службы образования.

Значительное разрушительное воздействие на ценностный базис общества, личности, системы осуществляет коррупция. Она способствует созданию значительного разрыва между ценностями, которые декларируются, и ценностями, которые существуют, и устанавливает двойные стандарты поведения людей.

Коррупция является одним из существенных деструктивных факторов системного характера, действующих в современном обществе, что обусловлено в значительной мере состоянием нормативно-ценностной подсистемы социума, укоренением

традиционных отношений одаривания и появлением новой прагматичной рыночной рациональности. Активное современное общество регулируется универсальной нормативной моделью мотивации деятельности – стремлением к успеху. При выборе вариантов достижения успеха предпочтение может отдаваться нелегитимным и делинквентным практикам, что приводит к формированию морально-ценностной эластичности. Ключевой характеристикой коррупционера выступает готовность нарушить закон и корысть как доминирующий мотив поведения.

В сфере образования коррупция становится серьезным препятствием на пути любых реформ, способствует формированию такого слоя менеджеров разного уровня управления, чье благосостояние зависит от сохранения неэффективной и продажной системы. Скрытой формой коррупции в образовании является репетиторство.

Вслед за А. Зиновьевым возможно оценить коррупционную составляющую в системе образования и как фактор предательства. В работе «О предательстве» А. Зиновьев характеризует ситуации, когда человек может предать свои жизненные принципы, совершить поступки, которые играют предательскую роль по отношению к другим и к нему самому [11]. Бесспорно, к таким ситуациям относятся и ситуации, связанные с коррупционными деяниями. Представляется, что в этих ситуациях человек предает многое: жизненные принципы, свое дело, отношения, в конечном счете самого себя. И, что особенно важно, разрушает репутационный ресурс образовательной системы, в которую включен.

Низкий уровень правосознания и правовой культуры общества создают общий деструктивный фон, способствующий развитию коррупции и экспансии коррупционных практик в образовании.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что современное образование как уникальный социальный институт, способный реально направить ценностно-ориентационную деятельность молодого поколения, должно обеспечивать учет изменений ценностных установок в общественном сознании, а акцент на ценностно-смысловых ориентациях деятельности руководителя будет способствовать более полной реализации его потенциала за счет осознания ценностной природы образования и соответствующего усиления аксиологической составляющей целеполагания.

Ссылки:

1. Серджіовані Т. Керування освітою і шкільне врядування / Т.Серджіовані, М.Барлінгейм, Ф.Куиз, П.Тарстон ; пер. з англ., О.Щур. – Львів: Літопис, 2002.
2. Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия / А.А. Зиновьев. – М. – 1996.
3. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма [Электронный ресурс] / А. А. Зиновьев. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/zinovev_aleksandr_aleksandrovich/zapad_fenomen_zapadnizma/read
4. Мальцев В.А. О переходе к консервативной модели образования [Электронный ресурс] / В. А. Мальцев. – Режим доступа: <http://www.pan-i.ru/novosti/o-perechode-k-konservativnoy-modeli-obrazovaniya.html>
5. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры / И.И. Докучаев. – СПб.: Наука. – 2009.
6. Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии [Электронный ресурс] / Н. И. Лапин. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1137&Itemid=52
7. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А.Седова, А.Д.Ковалева; Под ред. М.С.Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998.
8. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис. – 1997.
9. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры / Г.П. Выжлецов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. – 1996.
10. Братусь Б.С. Нравственное сознание личности (Психологическое исследование) / Б.С. Братусь. – М.: Знание. – 1985.
11. Зиновьев А.А. О предательстве [Электронный ресурс] / А. А. Зиновьев. – Режим доступа: <http://tol-nabat.info/aleksandr-zinovev-o-predatelstve/>

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

А.Ю. Стрижакова

В статье определено содержание идеологии как составляющей общественных отношений и общей стратегии общественного развития, раскрыто понятие «общественные отношения», рассмотрены объекты политической системы, которые формируют направления идеологической деятельности и особенности формирования идеологической доктрины государственного строительства.

Ключевые слова: идеология, ресурс, общественные отношения, информационное воздействие, общество, социальное взаимодействие.

Актуальность. Общественные отношения с давних времен были объектом пристального внимания в системах управления: межличностные, межгрупповые, межгосударственные и др. Их духовный фокус является основным управленческим ресурсом, вооружающим людей, социальные общности, группы и организации идеологией, единой системой ценностей, политикой мотивации и образцов поведения, сплачивающих вокруг понятной общей цели и создающих духовно-эмоциональный фон (единство при разнообразии) коллективных социальных действий и отношений.

Постановка проблемы. Идеологический аспект влияния на общественное сознание был ярко выражен в советский период, когда идеология была целенаправленной со стороны властей на развитие общества и формирование общественных отношений. С тех пор произошли большие перемены не только в политической системе, но и вообще в сознании людей. Можно ли охарактеризовать идеологию как фактора воздействия на социальные отношения с положительной точки зрения или только с отрицательной на современном этапе развития общества достаточно сложно.

В данном аспекте главной проблемой является то, каким образом формируется общественное сознание и общественные отношения под воздействием влияния идеологической подоплёки со стороны

управления органами власти, какое восприятие на общественные отношения может сформировать целенаправленная идеология со стороны властей. Также, проблемным вопросом остается: какие последствия могут привести идеология как механизм управления общественными отношениями в будущем периоде на формирование и развитие общества в целом. Ведь каждое государство имеет свою специфику управления, свой менталитет, культуру, веру и, конечно идеологию управления общественными отношениями.

Анализ последних исследований и публикаций. В отечественной науке изучению специфики и роли идеологии как общественного (социального) феномена, особой формы духовной жизнедеятельности, посвящена обширная литература. В этой связи можно привести фамилии таких авторов, как Савеленка Е., Козырева М., Поппера К., Зиновьева А., Кара-Мурзы С.и др. Работы названных авторов содержат определения идеологии как понятия и явления и посвящены специфическим вопросам идеологии (сущность, природа идеологических явлений, исторические формы, общественное назначение идеологии, ее социальные функции и т.п.).

В данной статье не стоит задача подробного анализа специфических вопросов идеологии. Выводы из фундаментальных исследований являются отправной точкой для формулирования и разрешения вопросов идеологии в контексте управления общественными отношениями

Ядром общественных отношений, это же касается любой сферы деятельности человека, является мировоззрение. Оно и предопределяет направление активности человека. Совокупность средств, способов, форм и методов идейно-политического образования и воспитания, организации людей в их активное включение в общественную жизнь, составляет содержание идеологической функции общественного управления.

В зависимости от функционально нагрузки идеологии управления формируется те или иные аспекты общественной жизни, это связано с тем, что с динамическим развитием общества, а также формирование правового государства, развитие идеологии управления важно для сознательной дисциплины и ответственности. Другой момент, что идеология управления может быть направлена с позиции корыстных побуждений со стороны власти. Появляется такие явления как; «идеологическая пропаганда», «идеологический процесс»,

«идеологическая деятельность», то есть негативный идеологический подтекст организации управления общества – процессов формирования и распространения превратных представлений о действительности вне их конкретного социально-гносеологического подтекста. Ненаучное, ложное, искаженное понимание социальной реальности «превратным сознанием» (мышлением), лишенным практического здравомыслия.

Таким образом, становление правового государства требует решительной переориентации духовно-идеологической функции управления общественными отношениями.

Но, прежде всего, необходимо разобраться с самим понятием «идеология». Е. Савеленко [1] отмечает, что содержание управленческой идеологии находит свое выражение в тех или иных материально-вещественных (знаки, символы, вещи, предметы), поведенческих (стереотипы, манеры, процедуры поведения и ритуальные действия) и психологических (уровень психических явлений и качеств человека – категории и образы сознания, формирующие индивидуальные ценности человека) формах, систему которых обозначим термином организационная идеология. Действительно, даже простое формулирование тех или иных идей управления происходит в виде слов, которые могут быть транслированы различными способами: лозунг, приказ, информация к размышлению и т.д.

Такое определение, больше подходит к идеологии организации на конкретном предприятии. В общих чертах оно применимо и к управленческой функциональности идеологии общественных отношений.

Более подходящее определение предлагает М.С. Козырев «идеология – совокупность мировоззренческих установок, идеалов, ценностей, интересов общественных групп, отражающая так или иначе социальные условия, в которых они находятся» [2, с. 130–143].

То есть идеология – это механизм воздействия и формирование мировоззренческих установок по различным направлениям общественной действительности и общественных отношений в целом.

Идеология, по О. Лембергу, выполняет в обществе ряд функций: социологическую, философскую, мировоззренческую, этическую, педагогическую. Социологическая функция разделяется исследователем на подфункции интегрирования, изолирования и

структурирования. Идеология интегрирует общество, превращая его тем самым в работоспособную организацию: “Чем сложнее общественная жизнь, тем более нужна система общих представлений, ценностей и норм, чтобы сделать общество путем кооперации более жизненным и дееспособным, чтобы мобилизовать в индивиде необходимые качества и силы, направленные на групповую цель”.

Интегрируя, интеллектуально формируя и идейно скрепляя различные группы общества, идеология тем самым выполняет и изолирующую функцию, разделяя и обособляя различные по целям и интересам группы. При этом идеология отграничивает общественные группы как внутри общественной организации, так и по их отношению к остальному миру, представляя “собственную группу особенно ценной или привлекательной”. В этом состоит “тайна исключительности, которая характеризует все большие идеологические системы, их предрасположенность к нетерпимости”.

Помимо этого идеология еще и структурирует общество, делит его “на слой особенно верных идеологии, преданных членов и слой, которому не свойственны эти черты”, привнося таким образом в общество элемент неравенства и иерархии. Возникающая иерархия создает определенный критерий отношения членов общества к господствующей идеологии. Другим проявлением структурирующей роли больших идеологических систем является то, что “они создают наряду с существующим аппаратом власти – другой, часто столь же расчлененный аппарат идеологического руководства: партийную иерархию наряду с государственной бюрократией, церковь наряду с государством и т.д.”. При этом только идеологический аппарат “может ставить цели, другие следуют им”. Итак, идеология, по мысли Лемберга, насаждая иерархичность и изолируя общественные группы, тем самым интегрирует общество в единое целое, сообщает ему определенные цели, идейно организует и направляет общественное развитие в определенное русло.

Помимо этого, идеология мировоззренчески ориентирует отдельного человека. Так, говоря о мировоззренческих функциях идеологии, Лемберг признает за ней способность “интерпретировать мир для людей и ориентировать их в нем”. Она придает смысл существованию человека, ценностно детерминирует его поведение, обосновывает и объясняет все происходящие события, устанавливает причинно-следственные связи и очерчивает перед человеком цели

мирового развития. Идеология берет на себя и нравственную задачу – указывает, что “хорошо, что плохо, что “выше”, что “ниже”. Педагогическая функция идеологии, по Лембергу, придает смысл процессу социализации индивида, что заключается в идентификации индивида с системой ценностей и норм, которые несет в себе каждая идеология.

Итак, Лемберг приходит к выводу, что идеология есть “система приведения человеческого общества в движение и управления им”. Исследователь видит основную задачу идеологических систем в “удовлетворении потребности, направленной на постижение мира, на ориентацию отдельной личности в этом мире, на развитие системы ценностей и норм, которая ставила бы цели и управляла поведением индивида, и, наконец, в организации групп, разделение труда внутри которых необходимо для решения жизненно важных задач при угрожающих существованию группы обстоятельствах”. Идеологические системы, по мысли Лемберга, будят деятельность человека и управляют ею. Освободившись от власти инстинкта, современный человек, по мысли немецкого исследователя, вынужден искать мировоззренческую опору в сфере идеологий.

Исторически идеология формировалась на протяжении долгого периода и ее сущность менялась под воздействием различных общественных и политических формирования.

М. Козырем отмечает, что современные идеологии и их предшественницы трехсот-, четырехсотлетней давности полны мифами, не проверяемыми допущениями, софизмами. В этом смысле идеология мало чем отличается от религии [3].

В качестве примера можно привести марксизм, который представляет собой достаточно сложный социальный феномен. Несмотря на присутствие достаточно мощных методологических оснований, он также содержит ряд положений, которые вряд ли можно причислить к научным. В этом смысле интересна критика данного учения со стороны Карла Поппера [4].

Согласно его мнению, последователи Маркса придали своей теории «конвенционалистский характер», сделали её научно неопровержимой и тем самым разрушили её широко разрекламированные претензии на научный статус.

В странах Запада, быть может, это выражено не так явно, как, к примеру, это было в СССР. По свидетельству А.А. Зиновьева,

идеологическое воздействие западных стран построено не как принудительная обязанность и дополнительная нагрузка, а как развлечение и полезная для потребителей деятельность.

Идеологический механизм Запада не обособился в виде особой системы лиц и учреждений. Он распылен в обществе, растворен в жизнедеятельности таких элементов общества, которые сами по себе идеологическими не являются. Каждый человек рождается и живет в определенном, сформированном этим механизмом идеологическом поле, избежать которого он не в состоянии.

Функции идеологов в западных странах выполняют философы, социологи, психологи, историки, политологи, журналисты, писатели, политики, советники в учреждениях власти и в партиях, сотрудники секретных служб и органов пропаганды. Эти люди придают единство и преемственность идеологическому плюрализму, образуют связную идеологическую среду. Лица, вновь вступающие в эту сферу, получают определенную подготовку, продолжают дело предшественников по тем же правилам.

Если они не будут это делать, то не попадут в эту сферу, а попав в нее, не будут иметь успеха и не удержатся в ней. Они обязаны следовать определенным правилам профессиональной идеологической среды, чтобы заработать на жизнь, делать карьеру, приобретать известность.

Помимо конкретных лиц в западном обществе существуют специальные идеологические организации. Хотя они таковыми не являются формально, не созданы посредством решения какого-либо органа власти, но выполнение ими идеологических функций, являющихся для них основными, не вызывает сомнений. Прежде всего, это, различного рода, государственные учреждения, включая секретные службы, исследовательские институты, университетские кафедры, общества, клубы, агентства, комиссии. Пример другого рода идеологических организаций – это учреждения и предприятия, образующие то, что принято называть термином средства массовой информации [5].

Необходимо отметить то, что на Западе идеологические функции выполняют многие организации экономической сферы, потому как формирование определенного типа мышления и поведения, образа жизни позволяет компаниям извлекать сверхприбыль. В качестве иллюстрации можно привести рекламу автомобиля в американской

культуре. В этом случае компании и корпорации торгуют не столько товарами, сколько символами. Иначе обстояло дело в Советском Союзе. Идеологические учреждения создавались формальным, целенаправленным путем. Они не складывались стихийно, как на Западе. В ЦК КПСС был специальный секретарь по идеологии. Вопросами идеологии занималось несколько отделов – пропаганды, науки, культуры. На всех ступенях партийной системы, включая первичные партийные организации, имелось то же самое, что и на высшем уровне. Аналогичная картина была в ВЛКСМ (в союзе молодежи). В армии – политическое управление, политические отделы, заместители командиров по политической части, идеологические отделы в КГБ. Функционировали специальные идеологические учреждения в академиях наук (философии, экономики, истории). К таковым можно отнести также Академию общественных наук при ЦК КПСС, партийные и комсомольские школы, идеологические факультеты и кафедры в учебных заведениях.

Кроме прямого информационного воздействия, население вовлекалось в идеологические действия: собрания, демонстрации, выборные кампании, общественные работы. В этом случае от человека требовалась не только лояльность, но и определенного рода активность [6].

После развала СССР идеология этого периода полностью поменялась, поменялись общественные устои, с появлением новых государств появлялась и идеология общественных отношений, которая удобна для нового правительства, та как взгляды на эффективное функционирование общества разнятся, это связано с особенностями того или иного государства.

Стоит согласиться с мнением М. Козыера, что если изначальное появление идеологии обусловлено изменениями в коллективном сознании некоторых высокостатусных социальных групп, имеющих доступ к элитарному образованию, то причиной перехода к современному этапу стало образование массовое. Данные процессы не проходят одновременно и повсеместно во всем мире, потому как зависят от региональных, местных условий: уровня технологического развития, образованности населения, общественного устройства и т.д. В некоторых случаях, идеология развивается в тесном переплетении с религией. Хотя последняя, постепенно теряет свою монополию в духовной сфере, но списывать ее со счетов пока рано [3].

Также необходимо определить понятие общественности. Болокова М. отмечает, что общественные отношения в системе государственного и муниципального управления – это целенаправленное взаимодействие структур аппарата управления гражданами общественными институтами, которое можно определить как реализуемую ими информационно-коммуникативную функцию публичной власти и управления, позволяющую оценивать отношения различных кругов общественности к тем или иным решениям и действиям, идентифицировать провозглашаемую и реально проводимую политику, соотносить реализуемые программы с общественными интересами, формировать массовые представления по каким-либо проблемам для обретения общественного понимания, поддержки принятия и выполнения, соответствующих мер.

Соответственно, общественность это та или иная среда, круг либо группа людей, объединенных общностью положения и целей в определенных видах деятельности, сознающих присущие им интересы, нужды, потребности, запросы, порождаемые, создаваемые и осуществляемые обществом и в силу этого выражающие общественное мнение по вопросам общественной жизни [7].

Общественные отношения, многообразные связи, возникающие между социальными группами, классами, нациями, а также внутри них в процессе их экономической, социальной, политической, культурной жизни и деятельности.

Таким образом, идеологический фактор формирования общественных отношений приобретает все большего значения, общественные процессы динамично изменяются, преобразуются, меняется механизм взаимодействия отдельных социальных групп, органов власти и населения, но без тесного взаимодействия, эффективное управление не возможно.

Заключение

Правильно ориентированная идеология управления общественными отношениями способствует эффективному развитию общества в целом, а значит и государства. Окружающий нас мир – это единая целостная система, каждый компонент (общество, государство, бизнес, внешние связи) несет в себе особую, значимую функциональность и об этом при формировании идеологии необходимо учитывать и корректировать с учетом особенностей того

или иного общества и его историческими, культурными, религиозными устоями.

Также необходимо отметить, что идеология (идея как идеал - цель и реалии) является универсальным средством консолидации людей по принципу «общего интереса», направления их целеустремленных действий в борьбе за свою жизнеспособность. Она является необходимым элементом общественной жизни: будучи отражением групп интересов, идеология призвана духовно-практически ориентировать социальную деятельность и поведение соответствующих социальных групп и слоев населения, а также органов власти.

Ссылки:

1. Савеленок Е.А. Идеология управления в организации // Проблемы теории и практики управления. – 2000. – №3. – С.45.
2. Козырев М.С. Понятие «Идеологии» в общественных науках: теоретический анализ // Социальная политика и социология. –2013. – Т. 2.– № 2. – С. 130–143.
3. Козырев М.С. Историческое развитие идеологии // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова . 2014. №1.
4. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
5. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М.: Астрель, 2008. – 563 с.
6. Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум: интеллигенция на пепелище России. – М.: Алгоритм, 2012. – 750 с.
7. Болокова М.А. Общественные отношения в государственном и муниципальном управлении // Вестник Майкопского государственного технологического университета . 2012. №4.
8. Lemberg O. 1971. Ideologie und Gesellschaft. Eine Theorie der ideologischen Systeme, ihrer Struktur und Funktion. Stuttgart.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

МЕНТАЛИТЕТНАЯ СФЕРА ЧЕЛОВЕЙНИКА КАК ПОСТОЯННЫЙ МЕХАНИЗМ ЕГО СОЦИАЛЬНОЙ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ (ПРЕЕМСТВЕННОСТИ)

Н.И. Бухтеев

В статье предпринята попытка определиться с пониманием менталитетной сферой человекника как постоянного многомерного механизма его социальной преемственности. Отмечается, что его статус, анатомия и роли в производстве человеческого материала социальной организации общества обусловлены её законами, и результатами деятельности самой менталитетной сферы.

Ключевые слова: человекник, менталитетная сфера, идеологическая сфера, идеология, менталитет, социальные законы.

Ментальность и всё, что связано с ней, представлена обилием и многогранностью её образов и своей спецификой. В силу полипричинности они характеризуются, с одной стороны, присутствием в них неопределённых, многосмысловых исходных понятий и допущений и переизбытка эмпиризма. Одним из них, в частности, стала т.н. номинализация, когда понятия используются как знаки смутного смысла и значения. Тем самым они обнуляются и ведут к различному недопониманию изучаемого [1].

С другой стороны, здесь присутствует одномерная разрозненность измерения идеологии, когда она берётся сама по себе вне организационной связи со средой [2] или рассматривается в русле отраслевой социологии [3].

С третьей же стороны, – отсутствуют способы научного понимания вышеупомянутых граней. Вследствие такой противоречивой разъятости вырастает проблема методологических принципов познания и связанное с ними обоснование и объяснение менталитетной сферы в качестве механизма социальной преемственности человекников.

Для перевода заданной проблемы в задачи предлагается трёхмерный способ измерения объекта, а именно: в единстве логического, онтологического и эпистемологического на основе комплексного метода. Его буквенное выражение выглядит так: $A = a^1, a^2, a^3, a^4, \dots, a^n$ ($n \geq 2$), где $a^1, \dots, a^n$ есть причины появления, условия существования, специфические признаки и компоненты нашего объекта A (т.е. механизма наследственности). Они образуют соответствующий комплекс, если и только если выполняется такое условие: каждый из $a^1, \dots, a^n$ по отдельности необходим для указанной роли в отношении A , а все вместе достаточны для этого [4, с. 256].

Суммарно эти приёмы познания продуцируют интеллектологический подход, изложенный в зинovieвской социологической теории. Он предусматривает ответы на следующие вопросы: что за объект и что с ним происходит и может произойти в силу тех или иных закономерностей. Тем самым открывается возможность не только что-то знать, но научно понимать, диагностировать и прогнозировать изучаемый объект. Перечисленные свойства образуют методологический свод статьи. Её цель – обозначить и показать, каким образом и почему складывается интересующий нас механизм. Данное целеполагание – обуславливает и его задачи: а) нахождение исходных признаков данного объекта и их зависимостей, б) выдвижение свойств последних в качестве механизма социальной преемственности, в) вывод возможных следствий из первых двух.

Человеиник (неологизм А.А. Зиновьева) – суть объединение людей, способное биологически и социально воспроизводиться в ряде поколений. Имеет три основных типа: предобщество, общество и сверхобщество и в каждом из них микро-макро- и суперуровень. И во всех инвариантно присутствует менталитетный аспект [5, с. 242]. Менталитет относится к числу субъективных факторов и представляет собой – устоявшийся уровень коллективного и индивидуального сознания. Его образует интеллектуальное, психологическое, моральное, культурное и идеологическое состояние членов объединения и объединения в целом в виде совокупности готовых установок и предрасположенностей социальных индивидов действовать, мыслить и воспринимать мир особым образом.

По мере возрастания человеиника он дифференцируется на соответствующую фазу мента - идеосферы. В неё включаются религии

и светские идеологии с их институтами, средства воспитания и образования, все виды искусства, СМИ и вообще всё то, что, так или иначе, касается менталитета людей и манипулирования ими путём воздействия на их воззрения.

Его истоком, протоком и носителем служит сознание и самосознание людей, а именно состояние и деятельность их мозга со связанной с ним нервной системой. Идеи (мысли) суть состояния клеток мозга и комплексы материальных знаков. Здесь различают содержание (образы, мысли, идеи) и аппарат (механизм). Содержание сознания не существует без аппарата и вне его.

Тем самым аппарат сознания представляет собой единство двух его частей чувственной и знаковой. Чувственный аппарат является биологически прирождённым человеку и передаётся по биологическому наследству. Он неотделим от тела человека, как его органическая часть. Он обладает способностью создавать в себе чувственные образы явлений реальности (ощущения, восприятия, представления), сохранять их в себе (память), воспроизводить их без непосредственного воздействия явлений внешнего мира, комбинировать из имеющихся образов новые (воображение, фантазия) и т.д.

Знаковый же аппарат не является биологически прирождённым человеку и не передаётся по биологическому наследству. Он является искусственно изобретённым, отделим от тела человека. Он возникает и функционирует на основе чувственного аппарата, и невозможен без него.

Отсюда исходные и производные свойства, содержание и аппарат сознания – суть управляющий орган человека. Он предназначен для того, чтобы человек мог успешно познавать и понимать социальную реальность, свои возможности, организовываться в ней в том или ином качестве [6]. Он предвосхищает процесс и результат всей его жизнедеятельности и вместе с ней и всей мента – идеосферы в силу действия закона развития живой материи: расщепление функций единого тела и превращение их в особые функции различных тел того же рода. Обретает со временем черты организующего ядра социальной преемственности сменяемых людских поколений. Становится действующим компонентом и механизмом их социальной организации. Так как его невозможно закрепить биологически, он с

необходимостью функционирует как своего рода искусственный заменитель механизма биологической наследственности.

В этом качестве идеосфера – особый компонент социальной организации именно общества. Это означает, что она узаконена, живёт и действует в рамках юридических законов данного общества, опирается на экономику, культуру и на государство. Поддерживается им, служит ему, и сама использует его в своих интересах.

В её конструкции можно выделить три составных части. Первая – мировоззренческая – определённая совокупность представлений, понятий, суждений, идей, учений, концепций, убеждений, мнений и т. п. людей обо всём том, что в данных условиях и в данной человеческой общности считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социального окружения, а именно: идеология.

Вторая – практическая – совокупность людей, организаций, учреждений, предприятий и используемых ими средств, так или иначе связанных с производством, распределением и потреблением идеологии, а именно: идеологический механизм.

Третья – идеологическое состояние сознания и чувств людей [7, с. 72, с. 270].

Указанные компоненты обуславливаются функциями нашего предмета внимания:

1) выработать сознание человекника как целого, сохранять его, разрабатывать и приспосабливать к меняющимся условиям жизни людей,

2) навязывать это сознание членам человекника, стандартизировать их сознание, сделать их индивидуальное сознание воплощением сознания человекника как целого,

3) управлять поведением людей путём формирования в них стандартного сознания и воздействия на него.

Конкретизация же этих функций выглядит как:

1) разработка, хранение и вбивание в головы людей определённого мировоззрения и определённой системы ценностей (оценок);

2) вовлечение людей в определённые действия, касающиеся их сознания, принуждение к этим действиям;

3) контроль над мыслями и чувствами людей, и организация их на такой контроль в отношении друг друга [8, с. 168].

Эти задачи прошиваются и скрепляются идеологизацией всех категорий населения: пропитка, заражение его сознания соответствующим мировоззрением. Тому служит официальная идеология как программа и руководство к действию, и оператор позитивной «мягкой силы». Её социальная функция – создать и дать людям априорный интеллектуальный аппарат восприятия окружающей реальности и интеллектуальной ориентации в нём. Иначе говоря, овладеть умами людей, и на этой основе – их душами и чувствами. То есть, формирование сознания и поведения людей, адекватного современным условиям их бытия. Управление людьми путём воздействия на их сознание, а также самосохранение общества, защита его социальной организации и образа жизни населения. Напротив, табуирование, торможение и выход за межи этой деятельности угрожают исходом человекиника. Это происходит путём ликвидации прежнего идеологического аппарата, Лишения идеологов прежнего статуса и поддержки. Уничтожения прежних средств их влияния на сознание граждан, заполнения менталитетного пространства идеологически чужеродными феноменами и покровительства им. Сюда следует отнести и диффузию «тёплой войны, которая выглядит как стремление к миру. В итоге пренебрежение к идеосфере оборачивается деформациями и разрушением человекиников. Пример тому – Советский Союз, Югославия, Украина, «цветные революции» ряда стран.

Выделим основные русла идеологизации населения.

1) Настройка, надзор и закольцовывание сознания населения на камертоны власти и управления.

2) Генерирование, разработка и пропагандистское приспособление мировоззрения к пространственно-временным переменным и особенностям генераций человеческого материала таким образом, чтобы оно приводило людей к вполне определённом позитивному единомыслию во взглядах на происходящее внутри и вовне человекиника, и служило им основой их идейного объединения.

3) Приобщение к ценностям данного человекиника с идеализацией, как самих этих ценностей, так и путей их достижения. Это приобщение имеет краткосрочные (переработка информации) и долгосрочные перспективы (наука, образование, воспитание, культура). Его задача – постоянно поддерживать нужное идейно-психологическое состояние

человека, его систему ценностей, вырабатывать и поддерживать в людях иммунитет в отношении чуждых влияний.

4) Создание и поддержание необходимого идейно-психологического климата, стратегии и тактики идеологической «игры» в своём человеке.

5) Ассенизация сознания социальных индивидов от инакомыслия в интересах их управляемости.

6) Подготовка и переподготовка идеологических кадров.

7) Институализация идеологических процессов и всего того, что входит в пазлы официальной идеологии и общественных наук.

8) Осовременивание материально-технической и технологической базы вышеназванных процессов.

Такое многопрофильное наступление обусловлено тем, что идеи самостоятельно в головы людей не проникают и не уживаются там долго. Для этого необходим искусственный механизм проникновения их туда и внедрения там. Он проектируется и создаётся в недрах менталитета на трёх уровнях: элитарном, пропагандистско-просветительском и житейском. Обслуживается проводниками различных рангов и мастей.

Они направленно «работают» с аппаратом сознания всех и каждого с тем, чтобы их продукция усваивалась в нём должным образом. К примеру, проповедь соответствующей государственной идеологии во всех сферах духовной жизни общества, идей классового примирения и единства интересов различных слоёв населения, идеологическое причёсывание явлений культуры, пробуждение самостоятельности населения в желаемом властями направлении, возвеличивание имиджа властвующих, пресечение всего, и вся выходящего за дозволенные рамки, и т.д. Императивом тут служит правило: пусть люди знают всё, но не понимают ничего. Реализуется посредством организации властвования и управления, поскольку идеологическая функция есть одна из дифференцированных функций власти.

В частности, через механизм социальной власти (власти «мы» над «я»). Воспитания всего населения в духе послушания воле властителей, а также растворения личностного начала в коллективном «мы» с тем, чтобы первое стало органической частицей второго. Помимо официального давления на человека сюда следует отнести и самостоятельный механизм его нивелирования до уровня уподобления «будь как все». Отсюда провластная направленность идеологической

заточки, зарождение и закрепление веры в правильности того, что делают власти, продвижение их интересов и привлекательных образов. Иначе говоря, производство, распределение и потребление идей.

Всё это и многое подобное ему достигается за счёт социальных связей, проявляющихся в разнообразных взаимодействиях будничной социологии. Общей субстанцией для них являются контакты эмпирических объектов. В них происходит передача одними из них другим вещества или энергии.

Особенность данных связей заключается в том, что в контакты вступают люди и объединения людей. В частности, это СМИ, социальные сети, средства коммуникации, флэш-мобы, «мягкая сила», митинги, шествия, демонстрации и многое иное. И связи между ними образуются, существуют и проявляются в сознательных действиях одних людей и их объединений по отношению к другим по объективным законам имманентной социальной комбинаторики. Например, закон экзистенциального расчёта и адекватности; закон оборачиваемости и привентации; закон органичности и эквивалентности; закон причинно-следственной обусловленности и совместности; закон меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почёта; меньше зависимости от других и больше зависимости других от тебя, стремление людей официально выглядеть тем лучше, чем они хуже становится на самом деле, нивелирование индивида и прикрепления его к коллективу, и многие иные. Словом, законов и форм их проявлений существует множество.

Действуют они одновременно как тенденции в разных направлениях. И одно из следствий действия социальных законов – тенденция к одноплановой ориентации сознания. Возникают своего рода силовые линии. Они разворачивают мозги людей в сторону соответствующей ситуации [9, с. 61]. Вследствие чего формируется сходный поколенческий и межпоколенческий человеческий материал, сходные условия и возможности реализации для одних и тех же законов человекоуниверсальных. И это сходство обусловлено не только идеологизацией, но и внутренними закономерностями самой ментальной сферы.

Тон среди них задаёт феномен идеологической культуры. Она образует несущую конструкцию механизма социальной

преемственности человеиника и является его принудительной силой, определяющей поведение людей на протяжении всей их жизнедеятельности. Без этого невозможно превращение больших масс людей в обладающих сознанием социальных атомов. Технологический прогресс и усложнение обстоятельств выживания людей умножают названную необходимость. Как следствие нынешние люди приучены и приручены к идеологическому «перевариванию» получаемой информации.

В частности, это можно видеть в ракурсе сенсibilitета – состоянии эмоциональной сферы и вкусов людей, складывающихся под влиянием ментальности. В современных условиях – это мания изменений и новизны. Причём это стремление не встречает никаких препятствий внутри идеосферы, а человеиник принимает его. Происходит размывание концептов «Что такое хорошо?», «Что такое плохо?» и разрыхление интеллекта. Они утрачивают ценность в глазах людей, какую они имели в эпоху их дефицита. Как следствие, наблюдается упадок морально-нравственных и интеллектуальных ценностей, но подъём социального манипулирования [10].

Однако люди не могут вечно находиться под присмотром идеологов. Последние же не могут уследить за всеми и вся. Поэтому львиная доля их работы перекладывается на самих обрабатываемых. Имеющиеся и возникающие здесь когнитивные, организационные технологии пробуждают самодеятельность населения к самостоятельному духовному «пропитанию» в приемлемом для властей вкусе. Их природа, мотивы, алгоритм, архитектоника, интересы, связи и цели, и другие социальные факторы определяют точки управления и время вмешательства в ход процесса идеологизации. Тут срабатывает закон эффективности дела (наибольший результат с наименьшими затратами). Его социомеханику и социодинамику можно наблюдать, в частности, в масс-медиа и социальных сетях. Основные аспекты их деятельности таковы: изменение содержания деятельности людей; их пересоциализация; регулирование их поведения, оперативный контроль над каждым из них, форматирование их исторической памяти; перезагрузка символического капитала, умонастроений; формирование и идеологическое оформление новых смыслов; размывание границ реального и виртуального, их мифологизация.

В таких принтерах идеи прочно и надёжно отпечатываются в сознании масс, способствуют сохранению для всех и каждого из них его идеологической матрицы. Важно здесь то, что создаётся достаточно большое число людей с усреднённым и стандартизированным сознанием и поведением. Они определяют суммарное состояние интеллекта общества. Становятся частью его механизма в овладении и владения «душами» членов общества, распоряжении их сознанием и волей.

Такие и подобные им тенденции в универсализации индивидов и их действий придают качественную определённую идеосфере, её прав и возможностей создания желаемой картины происходящего. Умножает её прогресс и производительность воздействия на массовое сознание таким образом, что идеологизация человеичника любого типа выступает как закон его сохранения, функционирования в социальном пространстве и времени (закон наследственности).

Тому способствует и присущая ему логистика в границах монизма и плюрализма. Пример первого – мусульманские и коммунистические страны. Здесь он открыто, явным образом организован в единое целое благодаря идеологическому механизму, осуществляющему тотальный контроль над всей сферой. Пример второго можно наблюдать в западных странах. Здесь такой явной формальной связи нет. Но есть внутренняя организованность, скрытая за внешним хаосом.

В их недрах по идеологически заданным заготовкам (лекалам, колодкам) того или иного человеичника происходит социальное производство и воспроизводство человеческой массы. Условия и образ её жизни порождают определённые качества составляющих её индивидов. В результате их деятельности штампуются люди определённого типа в массовых масштабах множества поколений. Другими словами, люди определённого типа создают определённого типа и характера ментальную сферу. Последняя, в свою очередь, порождает соответствующих себе носителей. Потребляя продукцию менталитетной сферы, они дают ей возможность существовать. Тем самым они поддерживают, подпитывают ментальную сферу. В этой скважине она есть дело всего общества, всех классов, слоёв, групп.

Такая взаимозависимость становится ресурсом развития человеичника (а не его проблемой) там и тогда, где и когда объективные и субъективные факторы комбинаторики этого процесса образуют соосное единство, и наоборот. Суть дела в том, что

идеологизация осуществляется в русле системы оценок и ценностей данного общества и адекватна ему в том смысле, что она отвечает условиям своего человеичника, его культуре, его человеческому материалу, его потребностям.

Если эти правила не соблюдаются, то идеологизация терпит фиаско как имманентное следствие происходящего. Примеры тому – не остывшие события бывшего Союза ССР и нынешней России. В то время, когда Советский Союз обладал органической способностью порождать идеи и средства, «организующие жизненный поток в единое осмысленное целое», он процветал. Потеряв её, он рухнул. На те же грабли наступили и в России, отказавшись на конституционном уровне от государственной идеологии и разрушив советскую систему науки, образования и всей культуры. Последствия не замедлили сказаться: накопление проблем внутреннего порядка и гражданского недовольства. Здравое и взвешенное понимание этих обстоятельств наряду с эмоционально – волевым механизмом и предопределяет долю и значимость данного социального феномена.

Ведь именно здесь засеивается, культивируется, прорастает, колосится и собирает свой «урожай» фундаментальная функция идеосферы – сделать основную массу членов общества неспособной к самостоятельному и объективному пониманию явлений реальности. В этом отношении индивидам позволяет лишь исполнение ими их социальных функций [11].

Таким образом, вся канонизация менталитетной сферы в качестве механизма социальной преемственности начинается и продолжается в зависимости от уровня её контекстов. Сначала механизм вырабатывает свои собственные качества, соответствующие его положению в человеичнике. Утверждается в этих качествах как постоянно действующий фактор социальной жизни. И лишь на этой основе он становится тем, что он есть и использует возможности, какие ему может предоставить идеосфера как его изобразительное средство. Короче говоря, механизм социальной наследственности и идеосфера суть воплощённые формы самих себя друг в друге. Как тот, так и другой суть файлы целого и целостности человеичника.

Этот механизм возникает и функционирует закономерно, поскольку является имманентным следствием действия социальных законов данного человеичника, особенностей его жизненного потока и сам порождает возникающие. Обладает многомерным измерением,

мозаичен, подвижен, существует в определённой среде, в определённой области пространства и времени.

Складывается по различным линиям и на различных уровнях как а) определённая форма понимания и познания окружающего мира; б) осознания и самосознания общества; в) организация и стандартизация сознания людей; г) совокупность средств ориентации в социальной среде; и д) как система самозащиты, апологетики общества от атакующих его сил; е) как постоянно действующий элемент системы воспроизводства человеческого материала на государственном уровне.

Их содержание, колорит и фасон определяются конкретными историческими условиями духовной жизни человека, а пусковой механизм – его социальной природой, изоморфной структурой и эквивалентностью по следствиям со всеми присущими ему атрибутами. Иначе говоря, сей механизм погружён в общество, зависит от него и живёт за его счёт в силу свойств последнего. Причины тому следующие. Общество есть совокупность людей, наделённых сознанием. Его социальная организация суть результат их сознательной деятельности.

Поэтому система власти, управления и экономики не могут функционировать без воспитательно-организующей идеологической обработки людей. Для чего необходимы соответствующие потребностям человека, понятное людям и отвечающее их интересам идеологическое учение вместе с наладкой его освоения и усвоения на основе учёта объективных факторов. Эта деятельность в своей совокупности превращает человека в среду и средство своего бытия.

При этом взаимоотношения любого типа человека как целого и его ментальной сферы, цельности её самой с присущими ей подразделениями выступают как законы органичности. Здесь вступает в силу закон адекватности связей и взаимодействий упомянутых компонентов. Действия же названных законов предопределяют формирование и функционирование механизма социальной наследственности. Основой для него служит система идеологической обработки и стандартизации сознания людей, система ограничителей и критериев оценки их поведения, а также ориентации в сложном окружении и потоке событий.

В зависимости от времени и области пространства данный механизм предстаёт как: опора и остов общества, его гарант, организатор, духовный пастырь и наставник, хозяин, приказчик, воспитатель, исполнитель, созидатель; хранитель и распознаватель «своих» – «чужих». Имеет дело с переменными сюжетами: контроль, опека, надзор, цензура. Кроме того, являет в себе и собой: 1) универсальное качество – способность влиять на сложившиеся образцы социальных действий и взаимодействий, выступать причинным фактором их изменений; 2) универсальное отношение – способность устанавливать и сочетать связи между различными видами действий, целями и ценностями, необходимые и достаточные для удержания идеологизации в пределах управляемости и обладающие свойствами самонастройки.

Реализуется по объективным социальным законам в субъективных реальных и виртуальных формах, в диапазоне норм своего человекика в границах возможного и неизбежного. Объективные факторы – это необходимость и достаточность идеализации, субъективные – доступность реализации первых двух. Одним словом, по ступку превращённых форм являет собой нерв, мозг и волю всей системы власти и управления. Степень его эффективности измеряется и оценивается критериями социального поведения населения.

Имеет двойственную природу, а именно: может служить как средством стягивания масс в единое целое, так и средством их разобщения в зависимости от его смысловой онтологической нагрузки, поставленных целей и задач. Негативным примером элиминирования преемственности могут служить последствия распада Советского Союза. В частности, судьбы восточно-европейских стран, бывших советских республик и последние украинские события. А позитивным примером – принятие преемственности – подъём Китая, Белоруссии, частично России, Азербайджана и Казахстана.

Эти и аналогичные им свойства и признаки демонстрируют нынешние бифуркационные времена и вызовы, развёрнутые идеологические и психологические схватки, перемежаемые с «тёплой войной». Диалектика происходящего сопряжена с тем, что различные социальные законы имеют разно направленные следствия. В частности, имеет силу закон привентации, когда одни законы препятствуют (перекрывают клапаны) другим. Кроме того, они

промагничены парадоксами инновационных и традиционных менталитетных орбит человеичиков типа обществ и сверхобществ.

В вотчине последних изобретён и действует новый эмбрион менталитетной сферы – сверхидеосфера. Её цели и задачи те же, но масштабы и диапазон – планетарные. В её морфологии просматривается три уровня: 1) информационный, где на уровне фактов кроме информации «подают» и дезинформацию с целью замутнения то или иной идейной ситуации; 2) концептуальный, т.е. утилитарная интерпретация тех же фактов; и 3) метафизический (смысловой). Т.е., толкование на свой лад и уклад следствий, вытекающих их первых двух позиций.

Так, например, на платформе сверхидеосферы организуется и реализуется планируемая переломная эволюция социальных процессов в направлении от коммунизма к западнизму. Она знаменовала собой поворотный пункт, когда произошло «оборачивание» между человеичиком и его менталитетной сферой, а именно: вторая стала обуславливать первый.

На основе её ценностей в условиях информационной проницаемости мира вырисовываются механизмы социального выживания человеичиков. Собираение их в глобальный человеичик в сопровождении глобализации, как нового – эволюционного- типа сражения, за дальнейшие судьбы планетарного человеичика [12, с. 20-27]. Этот фронт и определяет характер менталитетных процессов, порождает сверхобщества и сверхцивилизацию как инновационные механизмы социальной преемственности.

Ссылки:

1. См.: Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – 352 с.; Культура и духовное производство. Материалы международной научной конференции 24 апреля 2015 г. / Отв. редактор к.ф.н. доц. Рагозина. Т. Э.– Донецк. Социально-гуманитарный институт. ДонНТУ. 2015. – 250 с.
2. Идеология: pro et contra: монография / научн. ред. проф. И.И. Кальной.– Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015 – 564 с. .
3. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. Изд.3-е перераб и доп. М.: «Логос», 2000. – 432 с.

4. Зиновьев А. А. Логический интеллект. М.: Моск. гуман. ун-тет, 2005. - 284 с.

5. Зиновьев А. А. Фактор понимания. – М.: Алгоритм, 2006. – 528 с.

6. Куликов Д.: Точка опоры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zinoviev.in.ua/?p=400>; Солодухин Ю. Н. Методология и логика социального познания А. А. Зиновьева, с. 60-100 – / Логико – философские исследования – Вып. 5: 2011 [Текст] / Российское философское общество; Ответ. ред. Ю. В. Ивлев.– М.: 2012 – 294 с.; Abdusalam Guseynov: Great Prophets and Thinkers. The Moral Teachings from Moses to Our Times. Contents: Alexander Zinoviev: “I’m a sovereign state” // Зиновьев.Инфо / Zinoviev. Info, и др.

7. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. – М.: Центрполиграф, 1995. – 461 с.

8. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – СПб.: Изд. дом «Нева», 2004. – 608 с.

9. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. Книга 1. – М.: «ПИК», 1990. – 316 с.

10. См.: Поцепцов Г. Г. Психологические войны. М.:Рефл-бук. К., «Ваклер». – 2000.-528 с.; Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век 21-й /Сергей Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2013, – 432 с.; www.Spiegel.de SPIEGEL ONLAINE von 15. Juli 2015; и др.

11. Болдырев Ю.: «Не надо давать себя стричь...» // Литературная газета. 3-9 июня 2015 г. – №22 (6511). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-22-6511-3-06-2015/yuriy-boldyrev-ne-nado-davat-sebya-strich>.

12. Кьеца Д.: «США готовы на всё – лишь бы любой ценой сохранить своё мировое господство» –// Альманах «Развитие и экономика», №13, июль 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://devec.ru/almanah/13/1847-dzhulletto-keza-ssha-gotovy-na-vsyo-lish-by-ljuboj-tsenoj-sohranit-svoe-mirovoe-gospodstvo.html>.

**ФОРМИРОВАНИЕ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Е.В. Головлева

В статье проводится анализ проблемы формирования нового типа личности. Рассматриваются закономерности формирования нового человека в историческом контексте. Особое внимание уделяется взглядам А.А.Зиновьева, которые наиболее полно характеризуют ситуацию развития человека в современной России и рассматриваются перспективы человечества в условиях резкой трансформации общества.

Ключевые слова: личность, трансформация общества, система «личность-общество», кризис общества.

Современная социальная ситуация в обществе характеризуется стремительными изменениями на всех уровнях – политическом, экономическом, культурном. Под влиянием этих изменений происходит реструктуризация общества, проявляющаяся на личностном уровне как кризис идентичности, прежде всего касающийся молодежи. Это ведет к поискам новой нормативно-ценностной структуры, которая могла бы стать для индивида личностно значимой базой.

Исследование своеобразия и качественного состояния нынешнего общества нуждается в аналитическом философском обосновании. Перед современными учеными стала задача не только анализа, объяснения и прогнозирования тенденций трансформации общества, но и формирования личности в условиях реальной действительности.

Актуальность обращения к проблеме социологического анализа механизма трансформации личности в современной ситуации связана с неоднозначностью происходящих в ней процессов, прямым следствием которых является все возрастающая необходимость в формировании «нового человека», занимающей активную позицию в обществе.

На протяжении развития человечества ученые не раз обращались к проблеме трансформации личности в условиях развития общества.

Трансформационные процессы в обществе, захватывающие все стратификационные уровни, в том числе групповой и индивидуальный, а также особенности социально-экономических трансформаций рассматривали Т.И. Заславская и И.А. Батанов. Сущностные характеристики трансформационного процесса выделил В.В. Локосов.

Одной из центральных проблем при изучении системы «личность-общество» является прояснение отношений взаимосвязи и взаимовлияния между личностью и социумом. В ее решении существует три основных подхода: субъективистский (Ж.-П. Сартр, А. Камю), объективистский (К. Маркс, Ф. Энгельс) и синтезирующий (Э. Фромм).

Вопрос взаимоотношений личности и социума рассматривался с социобиологических позиций, социокультурных, гуманистических (З. Фрейд; А. Адлер; С. Кьеркегор, К. Роджерс, Ж.-П. Сартр, В. Франкл, Э. Фромм, М. Хайдеггер, Карл Ясперс, А. Маслоу).

В советской науке данная проблема разрабатывалась Б.Г. Ананьевым, А. В. Петровским, И. Т. Фроловым, В. А. Ядовым. На основе их исследований был сделан вывод о необходимости рассмотрения личности с учетом таких факторов, как: биологические, географические, социальные.

Как видно из вышесказанного, в настоящее время отсутствуют исследования, посвященные изучению собственно детерминант формирования «новой» личности в условиях резкой трансформации общества.

До наших дней дошло много размышлений о том, что каждое новое поколение не соответствует ожиданиям и надеждам. Гесиод (720 лет до Р. Х.) писал: «Я утратил всякие надежды на будущее нашей страны, если современная молодежь возьмёт в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна!». Ещё раньше, за 2000 лет до Р. Х., один египетский жрец оставил запись в том же духе: «Наш мир достиг критической стадии. Дети не слушаются своих родителей. Конец мира близок!». А в развалинах Вавилона в глиняном горшке (3000 лет до Р. Х.) удалось найти и расшифровать такую клинопись: «Эта молодёжь растленна до глубины души. Молодёжь злокозненна и нерадива и не походит на молодёжь наших дней. Молодое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру и донести её до наших далёких потомков». «Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана,

она насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами; они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие,» – переживал Сократ 380 лет до н. э.

Однако вопреки опасениям древних, человечество развивается и на смену одному поколению приходит другое. Зачастую незаметно для современников, формируется новое поколение, новый человек. В истории «новый человек» появлялся регулярно со сменной эпохи, со сменой того, что в марксизме называется социально-экономическими формациями. Не нужно быть историком, чтобы понимать, что человек античный кардинально отличался от человека, например, христианского средневековья. А потом является новое время и человек опять становится другой.

Меняется все! Взгляд на общество, на себя в нем, на «можно» и «нельзя», на смысл жизни... Греки XI века и эллины V века до н.э. отличались не просто языком и навыками. На самом деле они друг другу сущие инопланетяне! И ровно такие же инопланетяне по отношению к ним, – жители современных Афин. В этом смысле культурные различия представителей разных цивилизаций одной эпохи, как правило, куда менее разительны, чем отличия людей разных эпох, разных формаций.

Если ретроспективно взглянуть на человечество, то перед нами возникает галерея портретов «новых людей».

XVII-XVIII вв. – формирование капитализма, а вместе с ним выкристаллизовывается и новый тип человека. Он обладает уникальной системой ценностей и взглядом на церковь, труд, общество и т. д. Это новое восприятие мира, принципиально отличается от средневекового. Ее ведущие идеологи (прежде всего Кальвин) разработали протестантскую этику, главными носителями которой были буржуа. Новая этика выдвигала на первый план энергичность, трудолюбие, экономность – качества, не столь ценимые в средние века, но ставшие необходимыми в капиталистическом обществе.

Тема капитала, личного дохода, к которой ранее относились с презрением, является теперь ведущей. В предыдущую эпоху человека заботило лишь обеспечение себя пищей и крышей над головой. Потребности «человека капиталистического» значительно расширяются. В XVIII в. Б. Франклин утверждал, что богатство "должно

умножать имущество своего владельца и повсюду распространять счастье". Собственный капитал рассматривался как средство к личной свободе, к независимости от любых законов общества. Естественно богатство далеко не всегда употреблялось во благо ближнего. Тем не менее, образ нового человека, «человека капиталистического», оказал огромное воздействие на общественное сознание и новую систему ценностей.

В сознании первых десятилетий XIX века происходил постепенный отход от нормативности просветительской идеологии, лежавшей в основе стиля классицизма и определявшейся мотивами действий героя, прежде всего гражданским долгом и общественным служением.

В начале XIX века России пришлось пережить Отечественную войну, которая всколыхнула всю страну не только физически, но и духовно. Потрясение Отечественной войны рождает нового человека, которого с этого момента будут называть во всем мире «загадочная русская душа». Этот новый человек характеризуется неоднозначными и зачастую противоположными качествами: глубокая духовность, доброта, интеллектуальное богатство соседствует с безрассудством, бесстрашием и склонностью к бунту. В первой половине XIX века в России появляются первые русские националисты. 14 декабря 1825 началось восстание декабристов. Принято считать, что это – первая Русская революция, которая заложила фундамент не только для дальнейшего революционного будущего страны, но и для формирования человека совершенно нового типа. Человека уникального в своем роде не только в рамках исторического, но и политического контекста.

Декабризм в мировоззренческом плане представляет собой своеобразный гибрид Просвещения и Романтизма: с одной стороны – устойчивый, уверенный в себе (иногда до наивности) рационализм, с другой – принципиальный историзм, поиски общественного идеала в русском прошлом, склонность к эстетической архаике. Социально-политическая программа «первенцев русской свободы» была, несомненно, «западнической», но ее культурное оформление явно тяготело к «почвенничеству» [7].

Начало второй половины XIX века было рубежом, разделившим две эпохи в истории России не только в экономическом и социально-политическом, но и культурном плане. Бурные преобразования, которым подверглась русская жизнь того времени, не могли не

сказаться на культурном процессе. Уже внешние приметы быта обозначили новую жизненную полосу: строительство фабрик, рост рабочих окраин, появление на городских улицах конок и омнибусов; во многих домах, особенно магазинах, вводилось газовое освещение.

Новые условия жизни предъявляли более высокие требования к культурному уровню людей – возникала необходимость не только в элементарной грамотности, но и в более серьезных общеобразовательных, а часто и профессиональных знаниях. Непреложной общественной потребностью стали развитие народного образования, создание новых высших учебных заведений, системы технической школы, различных культурно-просветительских учреждений и т. п.

Главной участницей и идейной вдохновительницей культурно-просветительского движения выступала прогрессивная, разночинная интеллигенция, видевшая в этом свой нравственный долг. Стремление улучшить жизнь народа путем просвещения побуждало представителей интеллигенции к участию в Комитете грамотности, земских и вечерних школах, многочисленных благотворительных организациях.

Наряду с социальными проблемами бурно текущая жизнь такого сложного переломного периода, каким было пореформенное время для России, ставила перед людьми массу проблем психологического, нравственного и философского характера. Неизбежным было обращение к ним и крупных мастеров слова.

Главенствующей темой русской философской мысли этого периода становится проблема человека. По словам Н.А.Бердяева, «идея человека» пронизывает, центрирует русскую философию XIX века. Во всех различных течениях русской мысли главным является утверждение того, что «человек в своей индивидуальности является нравственной ценностью высшей иерархической ступени» [1].

На смену XIX веку приходит не менее мятежный и еще более кровавый XX век. Россия переживает одно потрясение за другим и не удивительно, что психологический портрет человека меняется с невероятной быстротой. Пережив две революции и создав совершенно новое государство на руинах старого, перед обществом стала проблема воспитания по-новому.

Каждая революция несет свои идеалы новой жизни, правды и справедливости. Один из этих идеалов – «новый человек».

Побывавшие в 30-е гг. в СССР писатели «из-за кордона» Андре Жид и Лион Фейхтвангер были единодушны в том, что здесь выращен особый сорт людей, во многом отличающихся от западного человека [8]. Тем самым был реализован грандиозный проект большевистских вождей. Октябрьская революция, как утверждали советские идеологи, открыла новую эру и была феноменом, неизвестным в прошлом.

Зарождаясь в первые годы советской власти, а затем, закаляясь в горниле Великой Отечественной Войны, в конце концов, на свет появился новый тип человека – человек советский. Можно много спорить о плюсах и минусах этого человека, о способах его формирования, но человек советский оказался достаточно устойчивой фигурой. Устойчивой до такой степени, что в русском языке появилось понятие «совковость», как определение тех качеств, которые присущи именно советскому человеку.

Можно выделить следующие базовые характеристики культуры советского человека, раскрывающие сущность этого уникального социокультурного типа личности, которые находятся в органической взаимосвязи: в аспекте отношения личности к надличностному, идеальному – это духовность советской личности, утверждавшей «подлинное», реальное бытие «советского типа человека»; в аспекте отношения личности к обществу, межличностных отношений – ценности коллективизма в самосознании и образе жизни советских людей, коллективистская надэтническая солидарность «новых людей» – «людей будущего», «человеческих ростков коммунизма». По словам А.Д. Синаевского, «новый человек – это поставленная советской эпохой, советской цивилизацией широкая и сложная проблема. Это вопрос о человеке, который призван знаменовать радикальное изменение всей человеческой истории. И государство... не смогло бы удержаться и существовать так долго, если бы оно не имело опоры в социально новом, в психологически новом человеке».

На протяжении минувших десятилетий модель советского человека менялась. В 20-е годы в ходу была модель революционера-разрушителя старого мира: железные комиссары, стальные чекисты. Ей на смену пришел созидатель нового мира – строитель утопии, от которого требовалась идейность, но также энергия, инициатива. Сталин провозгласил окончательный идеал – винтик: советский человек должен чувствовать себя винтиком гигантской машины государства. Внешние различия модели скрывали единство

содержания. Целью было и есть создание инструмента для строительства нового мира. Андрей Платонов еще в 20-е гг., предупреждал о начавшемся процессе творения «государственного жителя». Каждая из моделей советского человека содержит как основную черту – чувство принадлежности к государству, ощущение себя частицей, «винтиком» государственной машины, членом коллектива [3].

Великая Отечественная война научила советских людей пониманию того, что обеспечивать выживание советской цивилизации в условиях враждебного окружения, самостоятельность и независимость общества и государства мог только приоритет общественных интересов над личностными и узкогрупповыми, сильная государственная власть, способная обеспечить проявление истинного патриотизма, мобилизовать и заставить всех членов общества подняться над интересами каждого отдельного индивида, одной социальной группы и даже интересами всего ныне живущего поколения. По словам Е.Ю. Зубковой, «война предоставила редкий шанс материализации гражданского чувства народа»; кроме того, «война пробудила в человеке способность вариативно мыслить, критически оценивать ситуацию, а не принимать все сущее как единственную данность...» [6].

Таким образом, духовность советского человека, обладавшего коммунистической сознательностью в познании доктринальной истины, предполагала наличие квазирелигиозной коллективной веры («коммунистической идейности») в существование высших надличностных коллективистских ценностей и сущностей. По словам А.Г. Вишневого, «апофеоз коллективизма («общие даже слезы из глаз») не позволяет разглядеть отдельного человека».

Будучи обозначением базовой единицы советского общества, наиболее распространенной и обыденной формы организации жизни советских людей – группа сотрудников на каком-либо предприятии или учреждении, термин «коллектив» описывал стабильную совокупность советских людей, объединенных общими возвышенными целями организации и воспроизводства советской надэтнической общности.

Коллективистская идентичность опиралась на ряд разделяемых всеми советскими людьми ценностных принципов, которые объединяли надэтническую общность советских людей: товарищество

является главной ценностью во взаимоотношениях советских людей; «жизнь» коллектива выше любых других ценностей; закон коллектива обязателен для всех; социалистическое общество тем сильнее, чем выше благосостояние советских граждан; государство тем сильнее, чем строже соблюдаются в нем права советского человека. По словам О.В. Хархордина, «коллектив был специфически-советским, а не универсально – человеческим феноменом. Коллектив стал казаться нам универсальной формой организации человеческой жизни в любом обществе только после долгой и продолжительной борьбы за введение и закрепление этой формы организации группы на каждом советском предприятии, в каждой школе, в каждой конторе».

Коллективизация как глубокое революционное преобразование страны повлияла на всю экономику в целом, на социальную структуру общества, демографические процессы, урбанизацию; причина провала коллективизации экономики заключалась в «несоответствии социально-инженерного проекта социально-культурным характеристикам человека».

В семье, на работе, в партии – повсюду советский человек должен был проявлять коллективизм и самодисциплину. Движение за полную коллективизацию жизни достигло своего апогея при создании «бытовых коллективов», члены которых пытались коллективизировать свою частную жизнь, все стороны которой обобществлялись бытовой коммуной (официальной идеологией такой «ограниченный» коллективизм рассматривался как «перегиб»). А.А. Зиновьев, исследуя «интимную жизнь коллектива» и роль иерархии в коллективе, определяет коллектив в качестве «сложного коммунального индивида»: «Коммуна берет людей целиком и полностью, выжимает все их телесные и душевные соки и выбрасывает потом в частную и уличную жизнь измотанными, опустошенными, злобными, скучными и серыми существами. Коллектив намечает человека определенного типа в качестве будущей жертвы, и, приобщая его к коллективу, он делает это так, что в качестве неизбежного следствия имеет место выталкивание жертвы на роль врага».

Советский коллектив, таким образом, был закреплен как институциональная форма человеческой интеракции во всех сферах советской жизни, превратился в незаметный фон повседневной жизни, наделенный качеством всеобщей очевидности и данности. А.В. Петровский, разработавший синтезирующую концепцию

коллектива в советском обществоведении, определил его следующим образом: это «группа, где межличностные отношения опосредуются общественно-ценным и лично значимым содержанием совместной деятельности». Анализируя глубокую внутреннюю личностную идентификацию советского человека с коллективными целями, исследователи выявили специфически советский тип индивидуального поведения – когда человек преследует групповые цели в отсутствие группового давления или ожидаемого вознаграждения, который был провозглашен как ярчайший пример поведения нового советского человека, не попадавшего в рамки дилеммы «конформизм или автономия?» и идентифицировавшего себя через принятие коллективистских ценностей.

Итак, образ жизни советского человека явился результатом формирования «нового человека», человека коммунистической формации с определенными идеальными маркерами социальной жизни – творческим отношением к труду, представлениями о культурности, социальной активностью, политической сознательностью, пониманием целей и задач общественного производства и всей жизни. Именно эти качественные характеристики являлись неотъемлемыми чертами духовности пролетариата, присущими «коммунистическому идеалу человека будущего» [6].

Однако конец XX век ознаменовался распадом СССР, и на сцену появляется новый тип личности – постсоветский. Прежде чем анализировать социально-психологические аспекты населения в постсоветский период, необходимо определить группу анализируемых людей.

С одной стороны, изменилось содержание почти всех социальных институтов, с другой же стороны, в связи с многоликостью "индивидуальной" культуры личности, адаптационные процессы проявлялись по-разному. Поэтому, для удобства анализа, необходимо условно разделить население, с одной стороны, по возрасту на три группы, с другой стороны, на классы, учитывая, что социализм, как общество, был классовым.

В первую группу войдут люди от 50-80 лет, во вторую возрастную группу – от 28-50 лет, а третью группу составят люди от 12-28 лет.

В первую группу входят люди, воспитанные на марксистско-ленинской идеологии, на научном атеизме и уверовавшие, что после создания материально-технической базы в 1980 году коммунизм, как

политическая формация, будет существовать. В эту группу также входят люди, чьими идеалами были Ленин, Сталин, Павлик Морозов, Николай Корчагин.

Часть этих людей прошла Отечественную войну, они были преданными коммунистами. Эта группа более или менее однородна, чего нельзя сказать о популяции второй группы.

Вторую группу можно условно разделить на две подгруппы. Первая из них смогла адаптироваться к перестройке, к новому мышлению, а вторая – нет. Но их объединяет то, что обе подгруппы пережили серьезный стресс – стресс перестройки.

Наконец, третья группа – это люди перестройки.

Какие изменения внесла перестройка в общество?

Во-первых, внешний враг стал терпимым другом (позже он станет самым близким).

Идеалы, которые являлись примерами для подражания (Ленин, Сталин) вдруг, «раздеваясь», превратились в дьявола. Вдруг монолитный советский народ, который противостоял «коричневой чуме» понял, что он не совсем монолитный.

На социальном уровне, за исключением некоторых республик, во всех постсоветских развитых странах политическая власть также стала авторитарной. Авторитарный режим проявился в своей наихудшей форме. Большинство руководителей этих стран стали «бывшими», которые по возрастной группе относятся к первой. Личные, а скорее всего, семейные интересы, оказались первостепенными и прерогативными.

Тесно взаимосвязанные экономические институты были разрушены. Это сразу пагубно отразилось на системе образования, здравоохранения, науке и соцобеспечении. Стали развиваться два института – институт религии и досуг (культурно-развлекательные программы или точнее шоу – бизнес).

Здесь необходимо отметить, что перестройка была обусловлена тем, что общество после 80-х годов заболело «аутоиммунным» заболеванием – взяточничеством. Авторитарное руководство с элементами взяточничества обязательно будет вести общество к регрессии и гибели.

После разрушения экономических институтов, обеспечивающих промышленность и сельское хозяйство, часть населения, занятая в этих отраслях, эмигрировала, а оставшаяся часть занялась сферой бытовых

услуг и мелкорозничной торговлей. Интеллигенция, как более консервативная, точнее, менее адаптационная часть населения, осталась перед Борхесовским лабиринтом. Данная элитная часть населения стала невостребованной. Этиологией их невроза стала социальная несправедливость. Часть этих людей, работавших в НИИ, институтах академии и занимавшихся фундаментальными науками, обнаружили отсталость как орудий труда (приборы, оборудования и реактивов), так и неактуальность выполняемых ими работ.

Это вызвало у них экзистенциальный вакуум. Произошла утрата смысла жизни. По В. Франклу [9], известно три возможных пути, посредством которых человек может сделать свою жизнь осмысленной. Первый из них – что мы даем миру в смысле творческих работ. Как было указано выше, то, что они давали, было невостребовано. Второй путь – что мы берем от жизни в смысле переживания ее ценности. Здесь тоже не было ничего утешительного. Так, авторитарность режима, аутоиммунное заболевание общества, социальная несправедливость, двойной стандарт ведущих стран по отношению к некоторым вновь созданным государствам вызывало негативные переживания. В-третьих, В. Франкл предлагает занять позицию по отношению к своей судьбе. Эта позиция тоже осталась неопределенной. В итоге, в связи с отсутствием «опиума», трудно было найти защиту.

Как и в капиталистических странах, для того, чтобы найти работу в первые годы после перестройки, была необходима хорошая рекомендация или деньги, т.е. капитал. По мнению психолога С.Московичи, «...драма современности происходит из того, что люди не могут иметь между собой связей, в которых не присутствовали бы деньги и которые они не воплощали бы в той или иной форме и, более того, деньги возвышаются над социальными отношениями и гарантируют их, то есть играют ту роль, которую ранее играли власть и религия» [4].

Таким образом, постперестроечный «новый человек» – это скорее не новый человек по своей сути, а деградирующий, неуверенный в себе, потерявший смысл жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако и этот период остался позади и человечество перешагнуло порог XXI века. Пережив стрессы перестройки, распада СССР, становления самостоятельных независимых государств, бывшие

граждане Советского Союза разбрелись по свету, но некоторые черты «совка» остались в них яркими характерными признаками. И сегодня мы можем услышать фразу: «Я рожден в Советском Союзе!» – так говорят, когда хотят подчеркнуть свою индивидуальность и отличие от современного человека.

Чем примечательно для нас начало XXI века? Тут уместно, на наш взгляд привести высказывание А.Зиновьева, которое наиболее полно характеризует ситуацию развития человека в сегодняшней России: «Произошло страшное – человек разрушен, его почти не существует. Еще появляются на свет отдельные индивидуумы, но человек как некое целостное образование, как явление, оказывающее влияние на ход исторического процесса, более не существует. Надо начинать с нуля. Начинать с нулевого уровня – с создания нового человека. Человека цивилизованного, человека идеалистического, человека утопического, человека наивного, человека непрактичного, человека неэгоистичного, человека нерасчетливого» [10].

На протяжении нескольких столетий, сталкиваясь с появлением чего-то нового, в человеке появлялись новые качества, обеспечивающие ему не только плыть по течению развития цивилизации, но и оказывать влияние на это течение. Но современный человек инфантилен. Инфантильные люди не самостоятельны в решениях и действиях, у них пониженная критичность по отношению к себе и повышенная требовательность к заботе других о себе. Им присущи разнообразные компенсаторные реакции, к ним относятся фантазии, заменяющие реалии, эгоцентризм, эгоизм.

В чем причина таких изменений? Протоиерей Александр Ильяшенко считает, что в те времена людей воспитывали иначе, чем сейчас. Тогда человек мог себя проявить. А как сейчас человек себя проявить не имеет возможности, поэтому и воспитание становится совершенно неполноценным. Дело не в том, что у нас родители какие-то не такие, просто ситуация сейчас такова, что вырастить полноценного, внутренне свободного, инициативного, творческого и при этом законопослушного, но послушного здравым законам, человека, просто не представляется возможным.

На это же указывает А.Зиновьев в своей книге «Глобальный человек»: «Изоощренные фильмы и книги, в которые вложен огромный интеллект и фантазия взрослых профессионалов, не оставляют места для творческой деятельности самих детей,

потребляющих в избытке эту продукцию...Мы развили колоссальную культуру для детей и сферу индустрии, производящую всевозможные средства развлечения, воспитания и образования детей, основанные на достижениях науки и техники. И именно этим самым мы убили детскость, так как подлинная детскость была порой творческого открытия человеком мира с минимальными средствами» [5].

Вообще, проводя анализ личности современного человека, создается впечатление, что человечество долго шло в гору, а теперь катится вниз. Продолжает развиваться промышленность, электроника, медицина, наука в целом, но сам человек в своей духовности катится с горы вниз.

В своем последнем интервью А. Зиновьев сказал пророческие слова: «Сейчас этот процесс упрощений и деинтеллектуализации слишком ускорился. Я думаю, что он так или иначе затормозится. Но для того, чтобы прийти к внутренней необходимости повышения интеллектуального уровня, необходимо будет повысить и нравственный уровень человечества. Не случайно стандартизация мышления идет одновременно с понижением нравственного уровня. С понижением моральных требований. Это все одновременный процесс. Я думаю, что сейчас проблема этики будет приобретать все большее значение и в буквально практическом исполнении» [2].

Эти слова были сказаны в 2006 году, а в 2013 в Украине произошла революция. Можем ли мы говорить о том, что в данный момент формируется следующий «новый человек», следующая эпоха человечества. На наш взгляд, да. Переломный момент в истории развития страны заставил сделать не только политический выбор, но и экзистенциальный. Ситуация заставила людей по обе стороны баррикад задуматься над смыслом жизни, ценностями, над собственным Я.

Весной 2015 года мы попросили молодых людей Донбасса ответить всего на один вопрос: что во мне изменила эта война? Всего в опросе приняло участие более 67 студентов в возрасте 19-24 лет. Самыми распространенными ответами были: «Я переосмыслил многие вещи в жизни», «Я осознал, что то, чем я жил и был раньше – пустой звук», «Я понял, что значит любить свой город, своих близких», «Мне стали понятнее те вещи, о которых раньше я не задумывался – я оценил дружбу и ответственность перед другими», «Я никогда не задумывался над тем, что такое жизнь и в чем ее ценность»...

Конечно мы не можем рассчитывать на то, что тип нового, «здорового от глобализации и американизации» человека уже полностью сформировался. Должно пройти время, все новообразования должны закрепиться и прорости в сознании современной молодежи. Однако мы можем говорить о том, что тот фактор понимания, на который указывал А.А. Зиновьев, сложился и будет фундаментом для формирования человека новой формации, название которому придумают уже потомки.

Ссылки:

1. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда./ Н.А. Бердяев / Электр.изд-е БЭКМ., 2006. С. 48.
2. Большаков В. Последнее интервью. с А.А. Зиновьевым / В. Большаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.by/chapter.php/23563/52/Zinov'ev_-_Ya_mechtayu_o_novom_cheloveke.html
3. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. / М. Геллер – М.: МИК, 1994.
4. Гудратов Н. Некоторые особенности социально-психологического портрета человека постсоветского периода / Н. Гудратов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psychology.az/namik_gudrytov.php
5. Зиновьев А.А. Глобальный человек / А.А. Зиновьев – Изд-во: Алгоритм, 2006 – 448 с.
6. Попов М.Е. Советский человек как социально-культурный тип личности / М.Е. Попов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.superinf.ru>
7. Сергеев С. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов / Сергеев С // Вопросы национализма №2 – 2010, с.12-24
8. Соколов А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. / А.В. Соколов – СПб.: изд-во СПбГУП, 2007
9. Франкл В. Человек в поисках смысла. / В.Франкл – Москва: Прогресс, 366 с.
10. Я мечтаю о новом человеке / Александр Зиновьев; [сост. О.М. Зиновьева]. – М.: Алгоритм, 2007. – 240 с.

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ НОМО SOVETICUS

А.В. Струченков

В статье на основе методологических принципов социальной антропологии рассматривается концепция homo soveticus. Особое внимание уделено анализу механизмов конструирования и воспроизводства советскости в повседневных практиках на примере технической интеллигенции Донбасса. Наряду с этим проанализированы основные социально-антропологические характеристики советского человека.

Ключевые слова: габитус, интеллигенция, повседневность, советскость, homo soveticus.

Систему социально-политических, экономических и духовных отношений в СССР невозможно представить без их создателя и носителя – советского человека (homo soveticus). Данное понятие не было лишь языковым клише коммунистической пропаганды, оно означало реальный феномен, объективированный в микропрактиках и интеракциях повседневной жизни рядовых граждан СССР. Сам термин homo soveticus стал активно использоваться не только в публицистике, но и в академической науке после публикации одноименного остросатирического романа А.А. Зиновьева. Инициированный ученым дискурс о советском человеке и советскости нашёл отражение в исследованиях российских и украинских социологов и историков. В работах В.Л. Вайля, А.А. Гениса [3], Ю.А. Левады [12; 13] впервые была осуществлена попытка изучить материальные и духовные аспекты повседневной жизни советских людей в 1960-1980-е годы. Анализ истоков, природы и механизмов приобретения и воспроизводства советской социальности в связи с процессами модернизации 1920-1930-х годов представлен в публикациях Н.Н. Козловой [8; 9], Н.Б. Лебиной [10; 11], Е.В. Стяжкиной [15; 16]. Отличительной чертой этих работ является широкое использование источников личного происхождения (дневники, письма и т.п.), информативный потенциал которых интерпретируется, исходя из методологических принципов феноменологии и социальной антропологии.

Однако актуальность затронутой нами проблемы состоит не только в недостаточном уровне ее научной разработанности. Отечественные и зарубежные ученые сходятся во мнении, что после распада СССР homo soveticus не исчез [18]. Следовательно, существующие на постсоветском пространстве социальные институты, модели социальных отношений, ценностно-нормативная система, политическая, правовая, экономическая культура генетически связаны с советским прошлым и могут быть исследованы и поняты только через свое прошлое.

Приведенные выше аргументы в пользу научной и общественной актуальности изучения феномена советскости определили цель предлагаемой статьи, которая состоит в комплексном изучении процесса формирования социально-антропологических качеств советского человека на примере повседневной жизни технической интеллигенции Донбасса в 1920-1930-е годы. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) проанализировать базовые принципы социальной антропологии в изучении повседневности; 2) определить мотивы и механизмы формирования советскости у инженерно-технических работников (ИТР); 3) выявить специфику социально-антропологических черт советского человека; 4) проанализировать основные формы и модели воспроизводства в повседневной жизни советскости как социальности современного общества.

Выбор Донбасса как региона, на примере которого рассматривается формирование советской идентичности, не является случайным. Можно полностью согласиться с мнением Е.В. Стяжкиной о том, что этот край стал идеальной моделью проведения советской модернизации. К моменту установления советской власти Донбасс был периферией, «провинцией» со слабо выраженными политическими и государственными ориентирами, с малочисленной элитой, способной составить оппозицию или альтернативу большевикам. Наличие крупной промышленности облегчило реализацию планов индустриализации, в результате которых регион быстро превратился в оплот экономического могущества СССР, демонстрируя преимущества нового общественно-политического строя. К тому же Донбасс как район активных миграционных процессов стал тем тиглем, в котором представители различных сословий и этнических групп превратились в

новую единую наднациональную общность трудящихся – советский народ.

Инженерно-техническую интеллигенцию, количественно увеличившуюся и качественно изменившуюся к концу 1930-х годов, можно рассматривать как одну из наиболее типичных групп советских людей, сформировавшихся в своей массе из бывших крестьян. Проследить процесс превращения дореволюционного крестьянина в советского специалиста возможно лишь при анализе повседневности с помощью методологического инструментария социальной (культурной) антропологии. Социальная антропология является относительно молодой наукой, процесс её институционализации до сих пор продолжается. Предметная специфика социальной антропологии в отличие от других наук о человеке и обществе состоит в следующем:

1) общая антропоцентрическая ориентация, предполагающая исследование не отдельных сторон жизнедеятельности человека, а всей системы его социокультурных связей;

2) опосредованный характер изучения культурного контекста человеческого поведения;

3) направленность на выявление и интерпретацию бессознательных структур социальной жизни и их символической направленности;

4) ориентация на изучение микросоциальных объектов.

Социально-антропологические исследования базируются на методологических принципах «инаковости» (осознание антропологом отличия исследуемого общества и культуры от тех, к которым он сам принадлежит) и холизма (целостность анализа). В ходе исследований особый акцент делается на изучении повседневности – сферы, где в первую очередь и с наибольшей степенью очевидности реализуются главные способы и формы социокультурной жизнедеятельности людей.

Формирование любой социальной общности является результатом двойного конструирования – как со стороны её лидеров, так и со стороны её рядовых членов, – следствием производства и воспроизводства социальных практик и символов. Социологическая интерпретация таких процессов возможна на основе теорий, которые соединяют достижения структуралистской и конструктивистской парадигм. Именно такой является концепция габитуса (*habitus*).

Понятие габитус в разных значениях использовали М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Мосс. Н. Элиас и П. Бурдьё превратили его в центральную категорию своих теорий. В частности, Элиас понимал под габитусом общие для группы индивидов черты, сформированные социальными структурами и институтами. Составной частью габитуса является идентичность, которую ученый определял как отношения «Я – Мы»: «Эта идентичность представляет собой ответ на вопрос о том, кем является человек, причем и как социальное, и как индивидуальное существо» [17, с. 367].

П. Бурдьё применяет габитус как способ микро- и макросоциологического анализа общества. Ученый определяет его как систему прочных приобретенных предрасположенностей, которые используются индивидами как активная способность вносить изменения в существующие структуры, а также как исходные установки, порождающие и организующие практики самих индивидов. Таким образом, Бурдьё, с одной стороны, признает за человеком статус автономного индивида-субъекта, а с другой стороны, подчеркивает, что его свобода ограничена рамками определённых ситуаций: «Поскольку габитус есть бесконечная способность свободно (но под контролем) порождать мысли, восприятия, выражения чувств, действия, а продукты габитуса всегда лимитированы историческими и социальными условиями его собственного формирования, то даваемая им свобода обусловлена и условна, она не допускает ни создания чего-либо невиданно нового, ни простого механического воспроизводства изначально заданного» [2, с. 108].

Революционные события 1917-1920 годов были реакцией на неудачную попытку модернизации страны во второй половине XIX века. Их закономерным следствием стала децивилизация и архаизация общественной жизни, когда люди в экстремальных социальных условиях ориентировались исключительно на физическое выживание. Впрочем, курс на модернизацию был восстановлен довольно быстро – уже в декабре 1925 года XIV съезд ВКП(б) высказался за начало индустриализации. На уровне официального дискурса новая власть провозглашала ликвидацию всего старого. И это касалось не только социальных практик и институтов, но и целых социальных групп, в частности, крестьян-собственников. Многие из них, снова оказавшись на грани физической и социальной смерти, приложили максимум усилий, чтобы вписаться в советское общество.

Легче всего это удавалось молодежи, которая как отмечает Н.Н. Козлова, «во все времена выступает в качестве носителя упрощающих тенденций. Каждое новое поколение – «свежие люди» в истории, у которых нет социального и исторического опыта, нет исторической памяти,... нет культурного и исторического капитала» [8, с. 71].

Стигматизируя крестьянство как «отживший» класс и тем самым провоцируя кризис традиционной идентичности, советская власть предоставляла сельской молодежи возможности для социального перевоплощения. Одной из них был переезд в город и поступление в вуз. Таким образом, создавались предпосылки для разрыва круга традиционной жизни и осуществления индивидуального выбора. Отметим, что выбор как категория современного общества тесно связан с формированием у человека индивидуальности, способности к саморефлексии, к осознанию своего места в ситуации «здесь-и-сейчас» в социальном и историческом пространстве.

В Донбассе одной из разрешаемых властью новых социальных позиций для превращения был статус инженерно-технического работника (ИТР). Однако выбор в пользу такого статуса, как и любой выбор в социальной игре был рискованным. С одной стороны, власть третировала дореволюционное поколение специалистов, ставя на них позорное клеймо вредителей и саботажников. С другой стороны, новая, пролетарская советская, интеллигенция провозглашалась наиболее квалифицированной частью рабочего класса, по сравнению с другими категориями граждан она пользовалась определенными льготами и преференциями.

Приобретение статуса советского ИТР зависело не только от получения специального образования. Поскольку происхождение многих абитуриентов и учащихся вузов не соответствовало канону о пролетарской природе новой интеллигенции, им постоянно угрожали чистки и обвинения в «буржуазном перерождении». Чтобы избежать этого, они активно осваивали язык коммунистической идеологии и вступали в языковые игры. Всё начиналось с написания автобиографии при подаче вступительных документов. Впервые в своей жизни сталкиваясь с написанием рассказа о себе, молодые люди всеми силами пытались доказать, что они достойны почетного звания «командиры советской индустрии». Отрекаясь от своего прошлого и прежних статусов и ролей, авторы таких биографий проходили

альтернатию и ресоциализацию, когда прошлое перетолковывается так, чтобы оно соответствовало нынешней реальности [1, с. 263]. При этом в прошлое переносились различные элементы (рабочее происхождение, бедность, служба в РККА), которых в нем объективно не было. Насколько массовой была такая реинтерпретация собственной биографии, свидетельствует то, что в 1930 году более 80% студентов рабфаков и вузов Сталино позиционировали себя как рабочие и дети рабочих [14, с. 64, с. 226]. Добавим, что через автобиографию не только конструировалось «правильное» прошлое. Написание автобиографии свидетельствовало о приобретении человеком индивидуальной идентичности.

Систематическое овладение каноническими ценностями, образом мышления и официальным языком коммунистической идеологии осуществлялось на занятиях по общественно-экономическим дисциплинам, а также при посещении политчасов и кружков текущей политики. А.А. Зиновьев указывает на формирование у homo soveticus идеологического типа интеллекта [7, с. 211]. Действительно, в СССР коммунистическая идеология выступала главным абстрактным посредником и связующим звеном на всех уровнях общественной системы.

Благодаря ежедневному целенаправленному воздействию со стороны власти в сознании рядовых ИТР формировалось представление о том, что существует «фронт социалистического строительства», на котором бывают не только «победы», но и «временные поражения», обусловленные как «расхлябанностью, халатностью, недостаточным развитием критики и самокритики», так и происками «вредителей», «кулацкого элемента», «троцкистско-бухаринских диверсантов». Перечень таких идеологем и языковых клише можно продолжать до бесконечности. Для кого-то они так и остались просто словами, постоянное повторение которых как заклинаний открывало путь для вертикальной мобильности. Другие же искренне воспринимали содержание таких выражений, по идейным мотивам подчинялись устоявшийся образ жизни, привычки, быт правилам, по которым должны были жить строители социализма. Однако независимо от конкретной биографической ситуации советская идентичность не была навязана. Бывшие абитуриенты, переступая порог вуза, сознательно принимали правила игры, где в качестве награды выступали общественное признание, ощущение собственной

значимости, будущий достаток. Система образования была для таких людей средством правильно вписаться в общество советского Модерна.

Однако, несмотря на приобретение советскости, которое сопровождалось неслыханной идеологической обработкой сознания, у многих молодых специалистов так и не произошёл полный разрыв с прошлым. Как и их ровесники, оставшиеся в деревне, они болезненно переживали трагические события коллективизации и Голодомора. Так, осенью. 1933 года даже среди партийных студентов вузов Сталино фиксировались откровенно антисоветские настроения: углехимический институт – И. Передерий: «Всё, что пишут в газетах о колхозах – сплошная ложь... Сейчас колхозы находятся в плохом состоянии и вряд ли оно улучшится»; Г. Федюшин: «Селоразорено до основания, люди умирают с голода, а советской власти и партии до этого дела нет»; Г. Константинов: «Народ вымер, в селах из населения осталось 30%, некому могил копать, я сам там не видел хлеба до 1 мая»; горный институт – К. Гергель: «При феодальном строе крестьянину лучше жилось чем теперь, легко ли сказать 40% умерло с голоду.. О чем говорить, когда знаю людей, пробывших всю гражданскую и империалистическую войну на позициях, всё пережили, а вот коллективизация и социализм доконали, умерли с голоду» [4]. Добавим, что критическое отношение к власти обуславливалось осознанием колоссальной пропасти между лозунгами о светлом будущем и средствами, с помощью которых оно создавалось. Осмысление этого было следствием формирования у интеллигенции таких качеств, как рефлексия окружающего мира, а также работа с абстрактными понятиями и категориями.

Выше неоднократно указывалось, что процесс приобретения советскости означал вхождение человека в модерное общество. Соответственно у молодого поколения ИТР формировались новые социально-антропологические качества: индивидуальность, личная биография, способность к саморефлексии, представление о категории выбора и время-стрелу (где прошлое, настоящее и будущее существуют в осознанном триединстве), монополия на экспертное знание, оперирование абстрактными понятиями, участие в языковых играх.

Одним из главных материальных благ Модерна для рядового человека стал комфорт. В официальном дискурсе это понятие

подменялось дефиницией культурность. Впервые она появилась в отчетном докладе XVII съезда ВКП(б) в январе 1934 года вместе с каноном советского человека. В ноябре 1935 года на Всесоюзном совещании стахановцев И.В. Сталин говорил уже о «зажиточной и культурной жизни» советских людей. Понятие культурность не имело четкого определения. Чаще всего под ним понимали культуру в антропологическом аспекте, представленную в стиле жизни и в поведении. Она проявилась не только в опрятной одежде и в правильной, «городской», речи специалистов, но и в обстановке их жилищ, где кроме кровати и стула был шкаф, на полках стояли книги, а окна – стекла, а не фанера. Внутренний вид таких домов свидетельствовал о стремлении к уюту. Последнее дополнялось способностью к самоконтролю во всех жизненных проявлениях, которую немецко-британский историк и социолог повседневности Н. Элиас определял как процесс цивилизации. Этот же термин использует в своих работах и А.А. Зиновьев, понимая под ним начало, противоположное социальности (коммунальности). Цивилизация проявляется в постоянных усилиях и в стремлениях ограничить человеческую природу [6 с.16-17]. Насколько эта черта была развита, ярко свидетельствует курьезный случай, зафиксированный в отчете обследования бытового положения техперсонала Константиновского химического завода в 1934 году: «На заводе в единственном доме ИТР в 26 квартирах живут 40 семейств и нет ни одной уборной. Два месяца тому назад стоявшая на улице уборная была снесена в целях благоустройства (портила общий вид улицы), и сейчас *всё население вот уже два месяца пользуется уборной дворца культуры за три квартала от этого дома*» (курсив наш. – А.С.) [5].

Создавая и воспроизводя новые социальные практики, символы и коды, инженеры и техники, как и другие группы интеллигенции, стремились обозначить свою позицию в общественной иерархии через маркирование физического пространства. Результатом этого стало появление понятия «квартиры ИТР», которые были более комфортабельными и приспособленными к культурной жизни, чем общежития и «нахаловки». По иронии судьбы далеко не все специалисты проживали в таких жилищах, поскольку комфортной уютной жизни требовали также партийные функционеры, служащие, работники торговли, а квартир всем желающим не хватало. То же самое произошло со специально организованными магазинами ИТР.

Особое место в реализации экспрессивного порядка техперсонала занимали деловые клубы и комнаты ИТР при дворцах культуры предприятий, а также специальные дома ИТР, созданные в 1935 году в Сталино, Артемовске и Луганске. Они обеспечивали условия для культурного досуга и удовлетворения духовных потребностей технической интеллигенции – в их стенах работали кружки и библиотеки, проводились тематические вечера, демонстрировались фильмы и спектакли.

Однако не стоит идеализировать *homo soveticus*, даже если он относился к привилегированным группам квалифицированных рабочих, интеллигенции или партийной бюрократии. В ряде публицистических и научных работ А.А. Зиновьев критически оценивает советского человека, выделяя следующие его негативные черты:

Во-первых, *homo soveticus* является продуктом приспособления к определенным социальным условиям, являясь одновременно их носителем и хранителем. Он приучен жить в относительно плохих условиях и постоянно ожидает худшего. Таким образом, это глубоко конформистский тип личности.

Во-вторых, он стремится помешать тем, кто нарушает устоявшиеся нормы поведения. Он способен на критику и проявление своего недовольства только в строго определенных формах и рамках.

В-третьих, хотя *homo soveticus* постоянно недоволен своим положением, но в обществе он обречен бороться только за свои собственные интересы, не может выразить свой протест вне рамок коллектива, т.е. официально разрешенных форм, не может создать влиятельной оппозиционной силы из-за давления на него со стороны общества и разобщенность потенциальных участников оппозиции [7, с. 226-227; 6, с. 222].

В-четвертых, вследствие всестороннего идеологического воздействия у человека формируется идеологический тип интеллекта, для которого характерны гибкость, беспринципность, двоемыслие [7, с. 211].

В-пятых, наряду с официальной идеологией существует так называемая практическая идеология – совокупность правил и навыков поведения людей в принципиально важных ситуациях, которая и определяет поведение – стремление не выделяться и быть как все, демонстративное проявление лояльности к начальству [7, с. 204].

Наиболее типичным проявлением таких качеств стало массовое членство специалистов в партии, обусловленное не столько идеологическими, сколько прагматическими соображениями (возможность карьерного роста и улучшение материально-бытовых условий, защита от спецедедства). В конце 1930-х годов каждый третий ИТР крупной промышленности Донбасса был коммунистом [14; с. 87].

Официальная идеология ликвидировала общечеловеческую мораль как абсолютную ценность. Восприятие ее норм осуществляется контекстуально, в связи с чем homo soveticus совершает неморальные поступки. Однако, по мнению А.А. Зиновьева, его нельзя в аморальности. Условия жизни в СССР ставили человека ниже того минимума, который необходим для практического применения норм морали [6, с. 54]. В свою очередь отметим, что моральный релятивизм характерен для любого современного общества (в т.ч. и западного). Способность работать с абстрактной нормой в отрыве от конкретной ситуации обусловлена, в первую очередь, с плюрализмом и высокой изменчивостью различных форм социальной жизни.

Формирование в 1920-1930-х годах в СССР нового социально-антропологического типа человека было закономерным следствием процессов советской модернизации. Действия власти находили отклик среди представителей низших слоев общества, которые всеми силами стремились повысить свой социальный статус и соответствовать новым социальным стандартам и правилам. В обществе Модерна система образования является одним из наиболее мощных средств социализации индивидов. Поэтому во время учебы в вузах будущие технические специалисты наряду с профессиональными знаниями и навыками усваивали элементы габитуса современного человека: индивидуальность, способность к саморефлексии и абстрактному мышлению, стремление к комфорту и приватности. Платой за эти приобретения стал разрыв с прошлым, которое не отвечало канону о пролетарской новизне интеллигенции.

Потребление духовных и материальных благ Модерна в повседневной жизни выступало средством маркирования самости и групповой идентичности интеллигенции. Многие ее непреднамеренные социальные изобретения (городской образ жизни, культурность, участие в языковых играх с властью) стали осваиваться социальными низами. Указанное выше дает основания полагать, что

интеллигенция была не только продуктом, но и творцом материального и духовного измерений советского общества.

В то же время индокринация коммунистической идеологии и политическая реальность тоталитаризма привели к формированию фундаментальных противоречий в характере homo soveticus, в связи с чем, его повседневные практики кажутся парадоксальными:

- советский человек недоволен условиями своей жизни, но всё равно постоянно приспосабливается к новым условиям. Это происходит потому, что большинство населения могло выражать протест только в официально допустимых формах и границах;
- граждане понимают нелепость существующего положения дел, но продолжают действовать по установленным правилам, поскольку люди приучены жить и ориентироваться в этих условиях;
- хотя официально воспитание нового поколения базируется на высоких моральных принципах, коммунистическая идеология обосновывает контекстуальный и относительный характер морали. Как следствие, в ходе рутинных взаимодействий люди поступают неморально;
- homo soveticus воспитывается в коллективе, но как человек современного, а не традиционного общества он не признает приоритета коллективных интересов над индивидуальными.

Ссылки:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Бурдые П. Практический смысл [Текст] / П. Бурдые; пер. с фр.; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
3. Вайль П.Л. 60-е. Мир советского человека [Текст] / П.Л. Вайль, А.А. Генис. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 358 с.
4. Государственный архив Донецкой области. – Ф. П-18. Сталинский городской комитет Коммунистической партии (большевиков) Украины. – Оп.2. – Д.95. Спецсводка об антипартийных и антисоветских проявлениях среди отдельных членов и кандидатов партии, учащихся в высших и средних учебных заведениях города Сталино. – Л.26-29.

5. Государственный архив Донецкой области. – П-326 Сталинский (Донецкий) областной комитет Коммунистической партии (большевиков) Украины. – Оп.1. – Д.214. Записка «О расстановке и материально-бытовом положении специалистов на заводах основной химии». – Л.54.

6. Зиновьев А.А. Зияющие высоты: роман [Текст] / А.А. Зиновьев. – М.: ЭКСМО, 2008. – 734 с.

7. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность [Текст] / А.А. Зиновьев. – М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2003. – 379 с.

8. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора [Текст] / Н.Н. Козлова. – М.: Ин-т философии РАН, 1996. – 216 с.

9. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории [Текст] / Н.Н. Козлова. – М.: Европа, 2005. – 526 с.

10. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920-1930-е годы [Текст] / Н.Б. Лебина. – СПб.: Журнал «Нева»; «Летний сад», 1999. – 316 с.

11. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю [Текст] / Н.Б. Лебина. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.

12. Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Статьи 1993-2000 [Текст] / Ю.А. Левада. – М.: Московская школа полит. исследований, 2000. – 576 с.

13. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х [Текст]: Сборник / Отв. ред. Ю.А. Левада. – М.: Мировой океан, 1993. – 299 с.

14. Струченков О.В. Інженерно-технічна інтелігенція Донбасу (кінець 1920-х – 1930-і роки): формування, умови життя, діяльність [Текст]: дис. ... к.і.н.: 07.00.01: захищена 6.02.09 / Олександр Вікторович Струченков. – Донецьк, 2009. – 277 с.

15. Стяжкіна О.В. «Правильна біографія» пересічної людини 1920-х років: спроби конструювання минулого (на матеріалах Донбасу) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/nsid/2008_15_16/08stiazhkina.htm. – Назва з екрана.

16. Стяжкіна О.В. Бути владою: антропологічні коди провінційних радянських керівників 1920-х років (на матеріалах Донбасу) [Електронний ресурс]. – Режим доступу:

http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/nsid/2009_17_18/09stiazhkina.htm. – Назва з екрана.

17. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования [Текст]: в 2-х т. / Н. Элиас. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 382 с.

18. The long life of Homo sovieticus [Text] // The Economist. – 2011. – Dec 10th.

**«ЧЕЛОВЕК МАССЫ» ИЛИ «ДУХОВНЫЙ АРИСТОКРАТ»:
АНАЛИЗ АЛЬТЕРНАТИВ**

Э.А. Самотаева

В статье предпринята попытка проанализировать способы осуществления человеком своего жизненного пути, причины и результаты выбора альтернативы подчиниться объективному потоку истории, став при этом «человеком массы» или сохранить свою подлинность в меняющемся мире.

Ключевые слова: постчеловек, человек массы, жизненный путь, духовный аристократизм.

Наша эпоха породила тип человека, который А. Зиновьев обозначил как «постчеловек». Описание сходного по своей сути типа человека, впрочем, встречается во многих философских концепциях: «человек массы» Хосе Ортега-и-Гассета, «одномерный человек» Герберта Маркузе или «человек-робот» (*homo mechanicus*) Эриха Фромма.

«Постчеловек» («западоид», «человек-робот», «человек массы») появился в результате действия процессов, подчиненных «закону зеркальности»: как только человечество объединилось в единое целое, начались мировые войны; технологическое могущество над природой обернулось колоссальным отчуждением индивидов; движение к свободе трансформировалось в массовое бегство от нее; развитие культуры породило одномерного человека; высокий уровень комфорта – потребительскую психологию. А. Зиновьев пишет: «Наблюдая жизнь и изучая историю, я убедился в том, что самые устойчивые и скверные недостатки общества порождаются его самыми лучшими достоинствами, что самые большие жестокости делаются во имя самых гуманных идеалов. Нельзя устранить недостатки того или иного общественного строя, не устранив его достоинства. Нельзя реализовать в жизни положительный идеал без отрицательных последствий» [9].

Постановка проблемы. Тем не менее, не смотря на всю, казалось бы, безнадежность взгляда А. Зиновьева на природу человека и человеческого общества, живущего по закону «экзистенциального

эгоизма», сам А. Зиновьев создал формулу, одновременно являющуюся его собственным принципом жизни и способом формирования «нового человека»: «Я сам себе суверенное государство». Как отмечает П. Минка, это путь, когда ты взаимодействуешь в обществе, но не являешься винтиком в его беспощадном механизме, увлекающем тебя к гибели [8].

Цель данной статьи – определение внутренних потенциальных ресурсных возможностей человека сохранить свою подлинность в меняющемся мире.

У современного человека есть как минимум две альтернативные возможности.

Первая – подчиниться объективному потоку истории, став при этом «человеком массы».

Вторая – подлинность бытия, заключающаяся в проявление активности, умении брать на себя ответственность за собственную жизнь, за свободное творение себя с учетом объективных условий, а иногда, возможно, и вопреки им.

Каждая из двух альтернатив имеет свои преимущества и недостатки. Но прежде, чем приступить к их анализу, необходимо определиться с понятиями.

Человек массы – это определенный тип человека, доминирующий в современном, преимущественно западном обществе, характеризующийся потребительской психологией (стремится к расширенному потреблению, прежде всего материальных благ, но к достижениям культуры и цивилизации относится также с точки зрения их потребления для удовлетворения своих гедонистических потребностей); склонностью к стереотипному мышлению и неадекватной самодостаточностью, заключающейся в самодовольстве, отсутствии стремления к постижению истины, бесцеремонному, а подчас агрессивному навязыванию своих, часто посредственных и некритично усвоенных, мыслей окружающим.

Жизнь человека массы носит имитационный (игровой) характер. Такой человек постоянно создает видимость: имитирует бурную деятельность, заменяет науку наукообразностью, дружбу – крепкими связями, любовь – зависимостью. Как писал Ортега-и-Гассет, «так уж настроен массовый человек – на капризный лад. Он ничего не делает раз навсегда, и что бы ни делал, все у него «понарошку...» [10].

Подлинность человека заключается в том, чтобы «быть», «давать выражение всем своим задаткам, талантам и дарованиям,..преодолевать узкие рамки своего собственного «я», развивать и обновлять себя и при этом проявлять интерес и любовь к другим, желание не брать, а давать» [12, с. 465.].

Подлинность, в отличие от имитации, характеризуется ощущением полноты жизни, чувством самореализованности и счастья.

Итак, жизнь человека – это череда постоянных выборов, которые, по сути, так или иначе, ведут к выбору жизненного пути в целом.

При выборе первого пути (путь «человека массы») происходит «поглощение личности стереотипом». Под стереотипом следует понимать связующий фактор, конфигурирующий и предписывающий поведение и отношения в рамках какого-либо общественного института, закона, религии, любой общественной группы. Как только возникает ситуация, в которой тот или иной стереотип определяет себя как побеждающий, все члены сформированного им объединения начинают считать, что они одерживают победу. И наоборот, когда стереотип терпит поражение, его приверженцы ощущают себя проигравшими. Например, любой человек велик постольку, поскольку его партия выигрывает, и ничтожен и мелок, если проигрывает. Будучи ограниченной рамками стереотипа, как клеткой, наша изначальная способность к самоопределению безвозвратно уничтожается [7].

Выбор данного пути обосновывается неспособностью к рефлексии, что, в свою очередь, приводит к тому, что человек не может отличить свои собственные жизненные ценности от ценностей, ему навязанных. Не желая жить бессмысленно, с одной стороны, с другой, он не хочет тратить силы на поиски Истины. Поэтому довольствуется мифом.

Миф – это простые готовые ответы без особой аргументации на самые сложные вопросы, которые ставит перед человеком жизнь. Миф успокаивает его, «примиряет» с окружающим миром, дает ориентир. Человеку легче жить в упорядоченном мире. Миф дает ощущение порядка. Если в мире есть порядок, то человек тоже является частью порядка, и ему нужно попросту найти свое место в нем [8]. Обладающий мифологическим сознанием человек как бы отрабатывает усвоенный им однажды сценарий, подгоняя под него свое поведение, мысли, поступки. Он бессознательно искажает реальность с целью оправдания сценария. Зачем? Это дает ему возможность получать «волшебные» решения проблем, избегая как

самого выбора, так и ответственности за свой выбор. Таким образом, «человек массы» не является зрелой личностью. Не зря же Ортега-и-Гассет сравнивает его с избалованным ребенком.

Впрочем, мифы действительно насаждают в нашем обществе с детства, начиная с семьи. Наибольшую роль в распространении мифов играет система образования. Когда ребенок идет в школу, то он, как правило, попадает в беспощадную машину, которая старается подогнать его под свои стандарты. Если ребенок начинает проявлять спонтанность, творческие задатки, то это часто расценивается как нарушение дисциплины. Кроме того, школа не только подавляет творческие устремления человека, но и притупляет мышление. Размышлять над информацией, анализировать ее, перерабатывать и делать частью себя – практически не требуется. Вместо этого, на ученика обрушиваются тонны разнообразной информации, часто излишней. Перегрузка информацией превращается в такое же препятствие мышлению, как и ее недостаток. Не будучи способными, справиться с потоком знаний, ученики вынуждены принимать все, что им навяжут, в качестве истины. Итог очевиден: очень редко встретишь людей, которые выработали при этом критическое мышление [8].

Некритичность мышления является следующим шагом на пути выбора образа жизни «человека массы» и приводит к приверженности к манипуляциям. Такие люди никогда не доверяют себе, сознательно или подсознательно они верят, что их спасение в других. Однако и другим они полностью не доверяют. Поэтому сами прибегают к манипуляциям. Как писал Э. Фромм, такое поведение похоже на поведение ребёнка, который съезжает по скользкой горке, уцепившись за край одежды другого, и в то же время пытается управлять им, или на поведение второго пилота, который отказывается вести самолёт, но пытается руководить первым пилотом [12]. Не доверяя себе, человек пытается избежать ответственности, не доверяя другим, он не может оставаться спокойным. Таким образом, манипуляции, которым человек был подвержен извне, становятся его внутренними манипуляциями. В качестве примера можно привести приверженность подавляющего большинства людей к дискуссиям на политические темы. Чрезмерная политизированность общества – обратная сторона нежелания реально участвовать в его развитии.

Полнота ответственности за собственную жизнь – неперемный атрибут современного мира. И это является огромным грузом, который

многие люди не выдерживают, стараются уклониться от него, как правило, не отдавая себе в этом отчёта. Э. Фромм выделял целый ряд психологических механизмов, позволяющих избавиться и от факта собственной свободы, и от ответственности за происходящее. Один из таких механизмов – охотное подчинение тоталитарным режимам. Люди хотят иметь сильного вождя, который способен и приказать, и взять на себя ответственность за всё происходящее. Рядовому человеку остаётся скромная, но удобная роль боевой единицы, которая радостно подчиняется, даёт манипулировать собой, но, при этом, ни за что не отвечает. В ситуации социальной стабильности власть обеспечит работой, защитит тех, кто ей верен. В случае военного или экономического провала виновата будет тоже власть, в то время как рядовой человек чист перед собой и перед другими, ибо ни на что не влиял, не участвовал в судьбоносном выборе [12].

Таким образом, выбор пути «человека массы» происходит практически неосознанно, не требует особых усилий и даже позволяет чувствовать себя вполне довольным жизнью. В «Глобальном человечнике» А. Зиновьев показывает, что при данном выборе подлинно человеческое подавляется, душится в зародыше. Общество строится, таким образом, начиная с системы образования и заканчивая телевидением, чтобы воспитать умственно примитивного, не умеющего мыслить робота, который играет в жизнь, не будучи живым. Массовая культура рождает зомби, убивая человека. При этом зомби, верящего в то, что он и есть настоящий человек [2].

Альтернатива «человеку массы» – это духовный аристократизм. Стержневая основа духовного аристократизма – это, с одной стороны, развитие своих уникальных талантов, с другой, развитие того потенциала, который можно назвать «человечностью». Это переживания полноты жизни, творческого экстаза, любви, свободы и т.д., которые очень сильны и представляют собой «дыхание» души человека, делают его живым [9].

Становление личности происходит в процессе усвоения людьми культуры общества, в котором они живут. Компоненты, объективно представленные в культуре, присваиваются человеком и становятся его достоянием. Однако, развитие и самореализация духовного Я человека начинается тогда, когда он осознает необходимость определения для себя того, как он конкретно должен понимать общечеловеческие духовные ценности – истину, добро, красоту, что

свидетельствует не только о признании субъективной значимости духовных ценностей, но и о психологической готовности к их усвоению и формированию [5]. Человек является не только творением культуры, но и её творцом. Как писал М.К. Мамардашвили, человек не должен перекладывать на плечи общества, государства, нации то, что может и должен сделать сам, причём сделать здесь и сейчас. Это возможно лишь в том случае, если человек лично осваивает богатства человеческой культуры, то есть превращает их в активные творческие способности своей личности [6].

Исследования, проведенные в США и России [5], подтвердили относительно универсальную закономерность, не зависящую от культурных и социоэкономических факторов: чем сильнее человек ориентирован на внутренние стремления в противовес внешним, тем выше у него показатели психического здоровья, и, наоборот, чем выше он оценивает важность внешних стремлений в сравнении с внутренними, тем ниже его психологическое благополучие. К внутренним стремлениям по результату факторного анализа были отнесены: личностный рост, привязанность и любовь, служение обществу. В группу внешних стремлений попали состояния, имеющие видимые признаки благополучия и признания, оценка и достижение которых зависит от реакции других людей. Это материальные благополучия, социальное признание через популярность и физическую привлекательность. Такие стремления являются средствами достижения некоторых внешних по отношению к личностному «Я» целей и способами реализации потребностей, не ведущих к личностному росту и психическому здоровью.

Активность, умение брать на себя ответственность за собственную жизнь – критерии зрелой личности. Свобода и ответственность – способ человеческого бытия, определяющий меру его достоинства. Чем душевно и духовно здоровее человек, тем свободнее он творит себя из жизненного материала и тем больший потенциал приобретает в нем свобода. Свобода личности способна возрастать. Данная возможность особо востребована в эпоху перемен, так как позволяет «...выходить за рамки и границы любой культуры, любой идеологии, любого общества и находить основания своего бытия, которые не зависят от того, что случится во времени с обществом, культурой, идеологией или социальным движением» [6, с. 114].

Свобода и ответственность не возможны без развития рефлексии, понимания и принятия себя. «Уйти из мира никуда нельзя. Если и получится куда-то «эмигрировать», то только на уровень высочайшей культуры, высочайшей мысли, высочайшей морали. Это своего рода «эмиграция» во внутреннюю жизнь» – писал А.А. Зиновьев [4, с. 229].

Итак, выбор второго пути, пути осознанности и активности ведет к настоящей удовлетворенности жизнью, аутентичности, любви. По сути, любовь и есть особый способ отношения к миру, обнаруживающий подлинность человеческого существования.

Призыв любить ближнего своего, как самого себя является одной из важнейших моральных заповедей. Однако, необходимо отметить, что в этом как раз и замыкается заколдованный круг нашей современной жизни. Большинство людей при всём желании не могут любить ближнего, потому что не любят самих себя. Человек не может жить без веры. В случае нелюбви к себе и другим, вера принимает иррациональный характер. Она становится верой в вождей, технику, деньги, успех или что-либо подобное. Как яркий пример, можно привести описание поведения Гимmlера, данное английским историком Х.Р. Тревор-Коупером: «Принцип верности, который лежал в основе всей его жизни, всех успехов, всей системы ценностей, щадил его и оберегал от любых трудностей, связанных с самоанализом и размышлением. ...Благодаря этому принципу жизнь Гимmlера текла просто, без всяких осложнений, в полном согласии с его наивной верой в метафизическую чепуху нацистской религии. Защищённый такой волшебной бронёй, он ни о чём не думал и не в чём не сомневался, но просто верил и действовал» [11, с. 282]. Уважение к себе и другим характеризуется рациональной верой. Такая вера является верой прежде всего в человека и его возможности и опирается на собственный опыт продуктивной деятельности. Уже в силу этого она не может быть пассивной и является выражением подлинной внутренней активности. Отсюда следует, что нельзя говорить о рациональной вере, когда человек верит в идеи любви, разума и справедливости не на основе собственного опыта, но лишь потому, что его научили верить в это. Плодотворные сами по себе идеи свободы и демократии вырождаются в иррациональную веру, если они не подтверждаются опытом собственной продуктивности каждого человека, а внушаются ему различными партиями или государством, силой принуждающие верить в эти идеи [12].

Как пишет уже сам Зиновьев в «Исповеди отщепенца», характеризуя место Бога в зиновьёге, «одно из моих «Я» должно было стать моим собственным Богом со всеми его атрибутами». Вера человека в Бога связана с решением (это уже цитата из «Иди на Голгофу») «таких и только таких его проблем, решение которых зависит целиком и полностью от самого данного человека». Бог есть завершение человеческого «Я». Такое его завершение, при котором «Я» примиряется с миром и одновременно рассматривает себя в качестве его реформатора [1].

В отличие от первого пути, выбор второго пути предполагает не только радость подлинной жизни, но и глубинное одиночество человека. Второй путь выбирает человек, в котором имеется постоянное чувство запредельного, ощущение проникновения в ту область, где он – единственный творец, единственный Прометей [1].

Человеческая «запредельность» – это не только зрелость, выражающаяся в поиске человеком смысла своего бытия, но и отчуждение – отчуждение экзистенциальное. Оно связано с основными экзистенциальными противоречиями человека, а именно с тем, что человек смертен и свободен и, вместе с тем, наделён интенцией бессмертия и стремлением к объединению с другими.

Человек неизбежно остается один, когда приходит время умирать. Знание о собственной смерти заставляет человека в полной мере осознать, что никто не может умереть вместе с кем-то или вместо кого-то. Как утверждал Хайдеггер, человек может пойти на смерть за другого, но подобное умирание не означает, что другого хотя бы в малейшей мере избавили от его смерти.

Точно как же человек одинок в той мере, в какой ему приходится отвечать за собственную жизнь. Ответственность подразумевает авторство. Сознать свое авторство – значит отказаться от веры, что есть другой, кто создает и охраняет тебя. Акту самосотворения сопутствует глубокое одиночество [12].

У Павла Минки находим сходную мысль. Он отмечает, что путь из кризиса невозможен коллективно. Он возможен лишь в одиночку. А. Зиновьев, по его мнению, в этом плане является гениальным примером пути к выходу. Повторить этот путь нельзя и не нужно. Но можно пройти свой индивидуальный путь, ориентируясь на А.Зиновьева [9]. «Я получил в детстве толчок к движению, приказ «Иди!». Затем я определил направление движения. И я иду в этом

направлении несмотря ни на что, не считаясь с последствиями. Иди своим путем, и пусть другие говорят что угодно! Иди как можно дальше! Не можешь идти, ползи! Но, так или иначе двигайся! Никакой конечной цели у тебя нет. Ты никогда не скажешь себе, что достиг того, чего хотел, и можешь успокоиться. Твой путь не имеет принципиального конца. Он может оборваться по независящим от тебя причинам. Это будет конец твоей жизни, но не конец твоего пути» [3, с. 45].

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать следующие выводы.

Человек наделен возможностью выбора. Совершая череду последовательных выборов, он определяет свой жизненный путь. Существует как минимум две альтернативы жизненного пути: подчиниться объективному потоку истории, став при этом «человеком массы» или сохранить свою подлинность в меняющемся мире.

Выбор первого пути приводит человека к созданию своего иллюзорного, несколько упрощенного мира, что позволяет облегчить жизнь, но при этом лишает ощущения ее подлинности и радости бытия. Данный выбор основывается на мифологичности сознания, некритичности мышления и склонности к манипуляциям. При выборе данного пути человек может быть доволен жизнью, но не удовлетворен нею.

Выбор второго пути ведет к удовлетворению основной экзистенциальной потребности человека – потребности в самоосуществлении. Данный путь сложен, так как предполагает глубинное одиночество, тяжесть свободы и связанной с ней ответственности. Выбор данного пути обусловлен душевной и духовной зрелостью человека, способностью к рефлексии и стремлением к выходу за пределы собственного «Я». Однако такой выбор вознаграждается ощущением полноты жизни, удовлетворенности, счастья.

Ссылки:

1. Гусейнов А.А. Учение о житии Александра Зиновьева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://guseinov.ru/publ/zinov1.html>.

2. Зиновьев А. Глобальный человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tululu.org/read13961.3>.
3. Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rushkolnik.ru/docs/index-4715593.html>.
4. Зиновьев А. Я мечтаю о новом человеке [сост. О.М. Зиновьева]. – М.: Алгоритм, 2007. – 240 с.
5. Знаков В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. – 1998. – № 3. – С. 104-107.
6. Мамардашвили. М.К. Необходимость себя. Введение в философию. Доклады, статьи, философские заметки / Сост. и общ. Ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Лабиринт, 1996. – 432 с.
7. Менегетти А. Система и личность. – М.: «Серебряные нити», 1996. – 128 с.
8. Минка П. Новый тип человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://postmodern.in.ua/?p=60>.
9. Минка П. Путь выхода из кризиса эпохи постмодерна на примере А.Зиновьева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://postmodern.in.ua/?p=838>.
10. Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры – М.: Искусство, 1991. – 588 с.
11. Тревор-Коупер Х.Р. Последние дни Гитлера / Х.Р. Тревор-Коупер. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1995. – С. 282.
12. Фромм Э. Революция надежды. Иметь или быть : [пер с нем] – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 622 с.

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ДОНБАССА:
ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ И
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ**

А.А. Агаркова

В статье рассмотрены некоторые аспекты феноменологии культурных ландшафтов в контексте образного соотношения региональных и общенациональных целостностей в условиях исторического становления и изменения образа Донбасса и современного кризиса культурной идентичности.

Ключевые слова: региональный культурный ландшафт, национальный культурный ландшафт, региональный образ Донбасса, региональная мифопоэтика, культурная идентичность

Проблема оформления, исторических метаморфоз и взаимодействий культурных ландшафтов остается одной из актуальнейших в современной гуманитаристике.

Понятие «культурного ландшафта» («культурной географии») уже нашло свое значимое место в культурологии, поскольку, с одной стороны, позволяет рассматривать мир культуры как сложную, разномасштабную мозаику целостностей (территориальных локусов), взаимодействующих между собой, с другой – выявлять их внутренний культурный рельеф, динамику преобразований, соотношение единого и различного, центра (ядра) и периферии и т.п. Среди работ, оперирующих указанным концептом, отметим труды Ю. Веденина, В. Каганского и др. [1-2].

Современная ситуация в мире, когда пришли в движение «тектонические плиты» культурного пространства (как в общемировой, так, и национально-государственных системах координат), обозначая новые и нивелируя прежние его сегменты, заставляет более разносторонне оперировать этим понятием, применительно, к примеру, к регионам, находящимся в сложной «перезагрузке» своей культурной самости. Среди них оказался сейчас и Донецкий регион, проблеме региональной идентичности которого последнее десятилетие уделяется значительное внимание [4-5; 7; 9].

Не секрет, что динамика развития национальной культуры в современном мире сопровождается двумя противоположными тенденциями: глобализацией духовного пространства (таков, к примеру, отмечаемый А.Зиновьевым фактор «западнизации» *другого мира*) и регионализацией его отдельных местных локусов-регионов, как стремление к сохранению собственной аутентичности [3].

Проблема исторического бытия и сосуществования региональных культурных целостностей особо значима в контексте, отмечаемого А. Зиновьевым, установления современной «эпохи сверхобществ» и драматической для мировой истории утраты социокультурной «эволюционной конкуренции». «После поражения советского коммунизма инициативу захватил западнистский вариант эволюции. Прочие варианты /.../ суть либо эволюционные тупики, либо подражания западнизму, либо зоны колонизации для Запада» [3, с. 551]. «Западнизация» рассматривается им как путь установления мирового порядка, отвечающего интересам Запада, будучи принудительным средством сохранения достигнутого положения [3, с. 548]. «С возникновением глобального сверхобщества произошел перелом в самом типе эволюционного процесса: степень и масштабы сознательности исторических событий достигли такого уровня, что стихийный эволюционный процесс уступил место проектируемой и управляемой эволюции» [там же].

Подобное единообразие не может драматически не сказаться на будущности национальных культурных ландшафтов, во многом определяемых своеобразием их региональных миров. Региональная культурная самобытность выступает способом определенного противовеса унифицирующим процессам «западнизируемого незападного мира» [3, с. 546]. Логика развития региональных культурных ландшафтов интересна как раз наличием своей, внутренней, имманентной (стихийной) логики развития и преобразования.

Задачей нашего исследования станет рассмотрение проблемы соотношения национально-государственного и регионального культурных ландшафтов в разных социально-исторических контекстах. В качестве ее объекта был избран Донецкий регион.

«Культурный ландшафт» определяется Ю. Ведениным как «целостная и территориально-локализованная совокупность природных, технических и социокультурных явлений, создающаяся в

результате соединенного действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и рутинно-жизнеобеспечивающей деятельности людей» [1, с. 9]. Культурный ландшафт, отмечает автор, «складывается из совокупности территориальных культурно-природных комплексов, образующих взаимосвязанную систему, обеспечивающую развитие, воспроизводство и сохранение объектов и явлений, как инновационных, так и традиционных культур» [там же, с. 17]

Культурное пространство страны всегда многомерно, сочетает как общий план, так и отдельные, малые территориальные единства. Человеческому сознанию изначально свойственна постоянная смена ракурса пространственного мировосприятия во все усложняющемся мире, *постоянный переход* от малых жизненных пространств к большим, где каждый пространственный сегмент обладает своим целостным образом и особыми индивидуальными характеристиками. Закономерно, что укрупнение масштаба территориально-культурных образований корректирует весь образно-символический ряд, переподчиняясь новому фокусу их восприятия.

Единое общегосударственное культурное пространство, состоящее из множества региональных образований (*Месем*), локализуется в представлениях живущих там субъектов в разноликие образы *своих миров*. Символическое «собрание» местных локусов в завершенные образы малых природно-культурных универсумов было обусловлено не просто формальным наличием установившихся административно-территориальных границ, но и естественной психологической потребностью ощущать себя в границах обжитого, узнаваемого, реально-осязаемого *регионального дома*, индивидуализированного («персонифицированного») собственной, конкретной региональной историей и исторически сложившейся системой культурных знаков.

Малые региональные целостности изначально локализованы особенностями местного географического ландшафта, в тесной связи с которым исторически оформляются индивидуальные черты социокультурного образа региона. Регионы являются составной частью системы расширяющихся культурных миров. Объединяя в собственную, внутрирегиональную целостность множество местных городских универсумов, они, в свою очередь, могли образовывать родственные межрегиональные единства. Синтез всех региональных целостностей формирует уже общенациональный культурный мир.

Региональное культуротворчество, при этом, подобно «вариациям» на общекультурную «тему», коэффициент индивидуальности которых мог быть различен.

Между большими (национальными) и малыми (региональными) локусами может быть достигнуто как состояние альянса, динамического синтеза (в пору больших жизнеустроительных задач, разделяемых большинством социума), так и дисбаланса, когда вторые более уже не находят себя в прежнем качестве и начинается процесс разотождествления их образов и идейно-ценностных приоритетов. Одна из причин – в их принципиально разной пространственно-временной основе (хронотопе): традиционализму и интровертности местных этнических культур как носителей и хранителей духовной аутентичности народа противостоит принципиальная инновационность и открытость национальных культур, в значительной мере являющихся умозрительным теоретическим конструктом. В отличие от первых, обращенных в свое прошлое, к истокам, вторые – «заточены» на созидаемое настоящее, на периодическую «перезагрузку» всего духовного целого в соответствии с изменением социального бытия и появлением новых исторических вызовов.

В контексте современных тенденций глобализации и попыток директивной «национализации» культуры (особенно постсоветскими государствами-неофитами), происходит осознание первоосновности именно малого жизненного круга. Человеком осуществляется исторически новое «переосвоение» Мира. Умудренный драматическим опытом прошлого, разочарованный пафосом прежних социальных устремлений («великих скачков», «революций», «национальных проектов» и пр.), он, как никогда, стремится закрепиться на осязаемо-своем жизненном плацдарме существования, окруженный узнаваемо-своими природными и культурными знаками. В качестве надежного убежища мир невольно сужается до границ своей малой региональной Родины. Это означает символическое *возвращение домой* в общекультурном духовном смысле.

Рефлексия региональных субъектов на предмет собственной самости, роли и места в общем национальном пространстве, неизбежно активизирующаяся на исторически новых витках развития, является одним из проявлений все тех же защитных механизмов культуры. Поскольку, «многоэлементность» национального культурного пространства, обнаруживающая себя в разнообразии

региональных образов культуры, всегда способствует нахождению нового творческого потенциала для дальнейшего саморазвития, обеспечивая ему искомую полноту и целостность.

Каждый регион продуцирует изнутри исторически подвижные автообразы своей культуры: систему представлений о себе самом, преломляющуюся в быту и ментальных чертах, фольклоре и художественном наследии. Этот автообраз во многом моделируется на мифопоэтической основе. Неизбежно осуществляется упрощение и «разрисовка» его различных звеньев, способных к периодическому дотраиванию, подчиняясь господствующей на данный момент общенациональной идеологической программе.

Так, после революции 1917 года и мощной мобилизующей энергии коммунистического учения впервые создается образ Донбасса как характерного молодого «соцрегиона», не имевшего развитой дореволюционной культурной предыстории. По словам А.Зиновьева: «Задача социальных реформ состоит в том, чтобы мобилизовывать миллионы людей /.../ на многие годы». Реформы «должны были стать образом жизни активной части населения страны и под их воздействием – всех прочих граждан» [2, с. 577]. В представлении «строителей новой жизни» образ края создавался заново: регион и в самом деле начинал складываться как новый культурно-хозяйственный организм с принципиально новым этносоставом. Стремительно «собирался» его культурный ландшафт, «рассредоточенный» в прежних дореволюционных реалиях. Оформлялась главная культурная доминанта, на которую опирался официальный канонизируемый образ края в межрегиональном пространстве. Отсутствие достаточно основательной культурной предыстории в дореволюционный период и начало грандиозного послереволюционного обустройства региона, осуществляемого усилиями нового «освобождённого человека труда», вызвали мощный выброс местной мифотворческой энергии. Так, «донецкость» донбасского региона будет надолго соединена с шахтерской темой.

Было бы абсурдным искусственно абстрагировать или противопоставлять друг другу региональные и национальные образы культуры, значимость малой и большой Родины в жизни человека, манифестируя какую – то принципиальную особенность первой. Местная, региональная индивидуализация всегда проявляет себя только в контексте национальной культуры. По мере приближения

символического «объектива» к региональным локусам, пространство национальной культуры обнаруживает разнообразие культурного ландшафта, представленного специфически местной мифопоэтической символикой, образной тематикой. Игнорирование последнего в национальной культурной политике неизбежно влечет за собой кризис искомой «противоречивой гармонии» в образе страны.

Культурная индивидуальность регионов не находится в механической соподчиненности и соответствии со сложившимся в государстве административно-территориальным членением, формируя разные «уровни плотности». Общий колорит края может перекрывать собственные границы, пересекаясь с культурными полями других регионов. С другой стороны, отдельные зональные сегменты внутри самого региона в силу ряда социально-исторических причин могли тяготеть к различным национально-культурным ориентирам. Не секрет, что в северных районах Донетчины украинские культурные традиции всегда были выражены сильнее, чем в русифицированном промышленном центре. При этом, один малый культурный локус может одновременно объединяться с другими (как правило, пограничными, ментально близкими) в более масштабную социодуховную целостность (Донбасс – Новороссия; Крым – Таврия и пр.). В драматические моменты истории нередко осуществляется переоформление элементов образа региона, обнаруживаются его новые «точки роста» (А. Зиновьев), происходит переоценка духовно-ценностного потенциала.

Как уже было сказано, и большие, и малые культурные миры исторически создают и изменяют свою образность и мифопоэтику (как устойчивые, так и преходящие черты), ценностно-идеологические доминанты и пр. Это и порождает богатство и специфику культурных ландшафтов, а также проблему их альянса. Региональные локусы, являясь частью национальных, государственных целостностей, периодически «обозначают свое присутствие», в той или иной мере подтверждая или опровергая свое *Место*, свой устоявшийся образ. Так, осуществляется неизбежное периодическое переосмысление новым поколением своей региональной культурной идентичности.

Культура – живое целое, со своими объективными законами и ее логика (парадоксальность?) может не только не совпадать с конъюнктурными политическими задачами, но, и, порой, открыто им противоречить. Как бы не казались вполне очевидными рычаги

административного контроля и управления над сферой культуры на разных исторических этапах, у последней всегда проявлялись, уже упоминаемые, свои «защитные механизмы» противодействия навязываемому духовному единообразию и втаскиванию в отвлеченные идеологические схемы-проекты («принудительность культуры»). Одной из великих иллюзий является представление о легкости *управления культурой*, о том, что культурный образ страны, края – лишь окончательное декоративное оформление моделируемого политической элитой определенного государственного проекта.

Оформление специфики местного культурного ландшафта далеко не всегда может совпадает с общей программой государственно-политического строительства. Региональный культурный мир не находится в механической соподчиненности с общенациональным, не характеризуется окончательностью и предрешенностью в выборе их судеб. Исторически формируя свой местный ландшафт, малые территориальные локусы, в той или иной мере подчиняясь общей драматургии развития страны, вместе с тем, имеют и свою внутреннюю динамику, свои стадии «подъемов», «застоев» и «кризисов». Исторически проявляется свой особый хронотоп регионального культурного бытия: активно-динамичный в одном случае, или инертно застойный в другом. Культурный подъем малой Родины может сопровождаться известным застоєм или кризисом большой.

У каждой страны свои особенности (своя драма?) соучастия регионов в общенациональном культурном развитии. В ее системе координат могут быть свои исторически сложившиеся цивилизационные полюса притяжения (Запад – Восток, Европа – Россия), определяющие их культурную самобытность. Понятно, что чем больше внутрирегиональных различий, тем богаче национальное культурное пространство, тем сложнее и драматичнее интеграционные процессы. У каждого региона свой культурогенез, свои культурные слои, обусловленные историческими особенностями этнического, социального, хозяйственного обустройства.

Национальная культурная политика всегда таит соблазн *мышления территориями*, а не региональными целостностями. Еще один соблазн – своеобразная «антропоморфизация» восприятия т.н. *элитой* собираемого национального культурного ландшафта, с признанием за одними особой творческой «интеллектуальной» роли, и

инструментальной, исполнительской, материально обеспечивающей – за другими. Вместе с тем, сама рукотворность культурного ландшафта всегда предполагает постоянную коллективную работу всех соотечественников, его исторически трудное «духовное возделывание».

Как отмечалось, феномен духовного обустройства малых региональных миров немислим вне оформления характерных образно-поэтических систем, порожденных восприятием своих ойкумен. Локализуясь на определенных территориях, эти системы становятся важной характеристикой данного культурного ландшафта. Какой неприглядной и совершенно «непоэтической» изначально не оказалась данная среда обитания человека (как, например, традиционно «унылый» промышленный донецкий пейзаж), сознание укореняющегося здесь субъекта все равно со временем принимает ее как данность, стремится ее обжить. В результате, пространство осваивается, одомашнивается сознанием: «собирается» воедино и упорядочивается система узнаваемо своих природно-ландшафтных характеристик (в Донбассе: *степь, курган, река Донец, террикон* и пр.).

Принимаясь в качестве одной из черт регионального мира, невольно эстетизируется и его промышленная сторона, которая примиряется и «породняется» с природной. Возникает переполненный живыми непосредственными эмоциями региональный круг образных представлений, типичных для данной территории. Становясь устойчивым, со временем дополняясь, корректируясь или даже ниспровергаясь новыми представлениями, этот круг являл собой особый «образный котел» или региональную мифопоэтику, по своему идентифицирующую культурное пространство данного регионального дома. Прошедшие «мифопоэтическую обработку» образы регионального дома неизбежно принимали субъективный характер. Воспринимаемые извне, за пределами местного духовного контекста, реальные жизненные объекты нередко вызывали совершенно иной эффект восприятия.

Региональные мифопоэтические системы совмещают в себе как универсальные архетипические образные структуры, отражающие общие закономерности мировосприятия человека, так и индивидуальные черты, складывающиеся под воздействием местных природных и социальных факторов. Региональная образность и

мифопоэтика становится преломлением представлений, наиболее типичных для данного территориального локуса.

Образ региона – явление динамическое, подверженное новым историческим интерпретациям. В зависимости от утвердившегося на этот час социокультурного контекста, его отдельные звенья могут упрощаться, «выпадать», или, напротив, чрезмерно гипертрофироваться, искусственно достраиваться в соответствии с новыми идеологическими парадигмами эпохи. В цепи исторических интерпретаций образа региона каждый раз заново переосмысливается соотношение «прошлое-настоящее». Представление о динамике отечественного культурно-исторического процесса вообще удобнее всего локализуется «на короткой дистанции»: на наглядном примере судьбы собственного регионального дома. Как воплощение малой целостности, образ региона – многослойное и сложное явление. Во временном измерении он содержит свой мифорелигиозный план, историко-героический, трудовой, персонажный и др.

Так, мифорелигиозный план, материализуемый в комплексе языческих и христианских святынь, основывается на представлениях о собственной древности. Региональная культурная история, в этом случае, оказывается не обособлением, а конкретизацией национальной. Региональный масштаб превращает общеизвестную «хрестоматийную книжность» национальной истории в реально переживаемое начало. Историко-героический план образа региона составляет цепь наиболее значимых для края событий, образующих местную праздничную систему. В свою очередь, трудовой план регистрирует круг значимых трудовых свершений, персонажный – пантеон «знатных людей» края и пр.

В пространственном отношении образ региона оформлялся на основе символического прочтения внутрорегиональной конфигурации основных природно-культурных зон. В представлении регионального субъекта целостный природно-культурный лик своего мира образовывала сумма особых знаковых мест в культурном пространстве края, которые формировали его многослойную картину исторического прошлого.

Так, в образе Донецкого региона, укореняемого в советский период, языческие истоки были представлены, в первую очередь, комплексом Каменных Могил, расположенных в приазовской донецкой степи у истоков речки Кальчик и входящих в территорию

филиала Украинского государственного степного заповедника. Образ данного объекта невольно нес в себе необходимый мотив тайны, древней загадки, отвечая важной потребности мистифицировать истоки истории своей культуры.

Мотивы «славного казаческого прошлого» более всего оказались сфокусированы в образе Саур-Могилы – легендарного кургана, воспетого во множестве украинских дум и чумацких песен, устных легенд и преданий. В прошлом донбасская Саур-Могила была одной из нескольких степных возвышенностей Приазовья с подобным же названием. В культурной памяти региона она стала своеобразным символическим мостом, соединившим наиболее героические и драматические страницы его истории: Казачины (XVI-XVII вв.), освобождения Донбасса (и «высоты 277» в 1943 г.), наконец, гражданского противостояния в свете последних событий.

К северу этот воображаемый целостный профиль регионального дома замыкает на себе знаменитый пещерный Святогорский монастырь XVI в., устроенный в меловых горах монахами-отшельниками, – главная религиозная святыня Донбасса.

Образуемая в итоге целостная триадичность этих донбасских святынь глубоко символична: поскольку, изначально, с раннемифологической традиции, триада означает «целостность», которая «вмещает в себя все». Стягивая внеидеологическими, духовно-историческими нитями образ края, эти символические центры одновременно и локализовывали его внутри себя, и выводили за его пределы, укрепляя единство регионального культурного поля и с общенациональным, и с православно-славянским цивилизационным пространством.

В советский период в образе «края-ударника» оформляются исторически новые знаковые центры, в числе которых: шахта «Центральная-Ирмино» в Кадиевке – родина стахановского движения, Старобешево – родина колхозно-тракторного трудового почина П.Ангелиной и др.

В ландшафтно-пространственной горизонтали региональный универсум образа Советского Донбасса образовывал комплекс контрастных природно-культурных зон. «Ядро» региона характеризовалось урбанизированным индустриальным промышленным центром с мощным узлом шахтных, металлургических, машиностроительных, труболитейных и других

предприятий. Именно это производственное ядро становилось «культурным лицом» края в межрегиональном пространстве и главным элементом поэтизации в художественном творчестве.

В пространственных координатах «север-юг» периферию «Всесоюзной кочегарки» дооформляли живописный лесистый Север со Святогорьем, называемые в простонародье «Донецкой Швейцарией» и Южное Приазовье с сохранившимися здесь развитыми греческими традициями. В пространственных координатах «запад-восток», доминантный для края степной ландшафт особо характеризовали западные, по преимуществу, сельские районы, граничащие с Запорожской областью (с красноречивыми названиями «Степное», «Вольное», «Зеленое поле» и т.п.). Восточные же «степные ворота» Донбасса символически замыкала Саур-Могила. Образующая своеобразная зажатость региона в пограничье между двумя легендарными казаческими вольницами: Запорожской и Донской дополнительно семантизировала его пространство, предопределив особую роль в деле строительства «Новой Жизни».

Пространственное «телосложение» региона, следовательно, формировала в представлении его субъектов образ многоликого, упорядоченного, завершенного природно-культурного целого, целиком освоенного руками «человека труда». Исходное дооктябрьское пространство региона как нельзя более подходило к роли стать одним из показательнейших воплощений самого грандиозного из социально-идеологических проектов XX века. Так, в природном отношении это был большой территориально-ландшафтный локус, по существу еще мало освоенный человеком периода «проклятого прошлого», открытый для масштабного созидания. В социальном отношении это был край, где протекал один из самых мощных процессов концентрации полиэтнического пролетарского населения, лишенного «отсталых» патриархально-родовых привязанностей. Наконец, отсутствие в дореволюционный период развитых духовных традиций, своеобразная неотягощенность грузом культурной памяти культурной памяти прошлого (особенно Юэрайона), – все это делало регион одной из наиболее показательных территориальных площадок, на которой должно было развернуться культурной строительство «Новой Жизни».

Культурный ландшафт (как большой, так и малой Родины) в сознании своих соотечественников собирается, подчиняясь доминирующим мифоидеологемам.

В «стабильные» периоды региональные и общенациональные ландшафты как целостные образы, утверждающиеся в восприятии людей, всегда более или менее сбалансированы, как и отвечающие им уровни идентичности. Ситуация же кризисов, драматических «разрывов» между этапами, нередко сопровождающихся попытками одномоментной «переустановки» всей сложившейся культурной системы, приводит к тому, что все ранее погашенные внутренние противоречия в их соотношении активизируются и обостряются.

Отсутствие объединяющей идеи, а также имеющих «подъемную» силу мифоидеологем (как это было в довоенный советский период) легко расчленяет межрегиональный культурный симбиоз по осям исторической памяти, разных этнорелигиозных традиций и знаково-символических доминант. Применительно к современной России А. Зиновьев парадоксально отмечал ее потребность в новом «едином государственном идеологическом механизме» [3, с. 540], во многом утраченном в постсоветский период, как единственной возможности дальнейшего самосохранения.

Эпохи «канунов и начал» всегда в той или иной мере стимулируют социальное мифотворчество. В XX веке (еще со времен Серебряного века) отечественная культура переживала не одну из его волн.

Советский культурный проект (при всей идеологизации всего духовного пространства) еще с эпохи «героического энтузиазма» 30-х гг. активно поддерживал местное многообразие, «культурные периферии» (искомое «единство в многообразии»). К тому моменту, когда коммунистические идеологемы обретут лишь «фасадно-декоративную» роль, местные культурные традиции будут уже оформлены. При всех идеологических издержках («мы-они», «тогда-теперь») советское культурное пространство активно прорастало снизу, иницируя местное культуротворчество, как в его высоких, так и низовых формах.

Реальным культурным полем, в котором находила свое непосредственное и практическое выражение разбуженная мифотворческая энергия масс, – стал именно регион. Активное хозяйственно-политическое обустройство регионов, стремительно менявшее общий облик страны, сопровождалось и вдохновлялось его

мифопоэтической интерпретацией. Коллективное строительство нового *своего мира*, развернувшееся в послеоктябрьском Донбассе, на первых порах переживалось как настоящее рождение *Новой Жизни*.

Украинский культурный ландшафт последних десятилетий неизменно отстраивался в контексте пафоса «Незалежности» (как своеобразное проявление негативной «свободы от...») в качестве национально объединяющей идеи, до крайности заточивая моноэтнoцентристскую модель построения национальной культуры. Культура же не может быть «независимой», это противоречит самому ее существу, определяемому множественностью разносторонних воздействий и диалогов.

Постсоветское ослабление гражданской идентичности так и не было преодолено. Региональная же идентичность всегда спасительна в подобный кризисный период, как и образ малой Родины.

В отведенный историей временной резерв постсоветской Украины, так и не было создано устойчивое культурно-ценностное ядро, объединившее бы основную часть социума, с сильными самобытными перифериями (местными центрами). Возобладало желание равномерно экстраполировать умозрительную «высокую украинскость» на все культурное пространство страны. В условиях, когда ментально чуждые «западные ценности» все более размывали так и не сложившееся новое культурное древо страны, официальная государственная культура, усиливая свою монопольную роль, парадоксально, возрождала худший вариант культурного администрирования и пропаганды периода советского «Застоя». Ситуация относительно слабой государственности при сильном внешнем влиянии «западнизма» неизбежно влекла избыточное (ограничительное) культурное нормотворчество, применительно к регионам, изначально не отвечающим устанавливающимся культурным приоритетам. А.Зиновьев справедливо писал о драматических последствиях «перепроизводства культуры» и «псевдоноваторства» в современном западном мире, которая представляет собой культуру « /.../ в основном посредственностей и для посредственностей» [3, с. 511]. Результатом такого влияния становится размывание подлинных этнонациональных основ «западнизируемых стран».

Украинская государственная культурная политика изначально не обрела объединяющей, центростремительной силы. Местные

художественные традиции так и не были вовлечены в создание нового объединяющего национального образа, где каждый регион – по своему значимый фрагмент общенационального целого.

Отмежевываясь от чуждых «национальных проектов», региональный культурный ландшафт все более сосредоточивается (переформатируется) изнутри и вовне, ищет (и моделирует) новые альянсы малых и больших культурных целостностей. Трагическое обострение межрегиональных различий последнего времени, обернувшееся военным противостоянием, сопровождается очередным *пересобиранием образа Донбасса*. Вновь проявляет себя космогоническая мифологема «строительства Новой Жизни». Возникает очередная веха осмысления своей региональной идентичности, подлинных черт «украинскости», «русскости», «европейскости». Образ Донбасса достраивается новыми чертами и элементами культурно-пространственного «телосложения», военной героики, персонажного и трудового плана. В образе края осуществляется новое семантическое структурирование пространства с выделением «сильных», сакрально-значимых сегментов региональной топонимической образности (Дебальцево, Иловайск и др.).

Обозначается внутренняя консолидация регионального культурного потенциала, новое соотношение центра и периферии, городских и сельских культурных ареалов. Проявляются новые культурные диалоги. Начинается новый исторический виток символизации культурного ландшафта, затрагивающей как исконные ментальные архетипы: *путь-дорога* как метаобраз русского космоса (отсюда особый мифопоэтический смысл категории «беженца»), *степь*, *курган* и пр., так и новые, порожденные новой реальностью. Пересобирание регионального культурного образа порождает ряд новых художественных форм, как в сфере профессиональной, авторской, так и фольклорной, а также низовой (бытовой) традиций. Воссоздается новый круг визуально-зрелищной, литературно-поэтической и музыкальной образности.

Таким образом, одной из основных проблем современного мира остается сохранение богатства и специфики национальных и региональных культурных ландшафтов.

При всем кризисе поликультурализма (особенно в современном западном мире) потребность подлинного (не внешнего, зрелищно-аттрактивного) духовного многообразия лишь подтверждает свою

значимость. Идея «концерта культурных миров», о чем говорил Г.Померанц, – «в котором сохраняются различия во всем их богатстве, продолжают местные традиции, но достигается взаимопонимание и переключка», становится еще более актуальной в драматических условиях исторического переоформления образов национальных и региональных пространств [10, с. 465].

Как отмечалось выше, малые региональные целостности изначально локализованы особенностями местного географического ландшафта, в тесной связи с которым исторически оформляются индивидуальные черты социокультурного образа региона. И большие, и малые культурные миры исторически создавая и изменяя свою символику, мифопоэтику, ценностно-идеологические доминанты и пр., призваны постоянно коррелировать свои образы. Национальные и региональные культурные миры периодически находятся то в состоянии равновесия, альянса, то дисбаланса, ввиду межпоколенческих и социально-политических идейно-ценностных трансформаций и разотождествления их ранее сложившихся образов. Так, осуществляется неизбежное периодическое переосмысление новым поколением своей региональной культурной идентичности.

В целом, проблема сохранения самоидентичности региональных культурных ландшафтов в едином национальном целом, обусловленных общим генезисом хозяйственных, социально-этнических и духовных процессов малых территорий, вкупе с постоянным историческим осмыслением своего места и роли в мировых межкультурных диалогах, остается одной из главных задач нашей современности. Поставленная в работах А. Зиновьева проблема духовной монополии современным «западнистским сверхобществом», когда культурой овладевает лишь «неудержимое стремление к поискам новых и оригинальных форм /.../, «мания изменений и новизны» и потери социокультурных альтернатив развития [3, с. 507], становится одним из наиболее значимых в настоящее время инструментов исследования сложной драматургии современного культурно-исторического процесса в его цивилизационных, национальных и региональных масштабах.

Ссылки:

1. Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства / Ю.Веденин. – СПб, 1997.
2. Каганский В.Л. Культурный ландшафт: Основные концепции в российской географии. Архетип культурного ландшафта / В.Каганский // Обсерватория культуры. – 2009. - №1.
3. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу / А.А. Зиновьев – М.: Астрель, 2008.
4. Пасько І. Плавильний басейн донецької ідентичності / І.Пасько, Я.Пасько, Г.О.Коржов // Критика. – 2006. – №9.
5. Коржов Г.А. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации / Г.А.Коржов // Социология: теория, методы, маркетинг. -2006. - №4.
6. Попов М.Е. Безопасность российской культуры и конфликты идентичностей [Текст] / М.Е. Попов // Обсерватория культуры. – 2009. - №4. – С. 28-32.
7. Тараненко О.В. Донецкая мифология: смена концептов, или Уголь, Розы и Футбол / О.Тараненко // Метафізика Донецька. Філософські есе. – Донецьк: Донецьке відділення Наукового товариства ім.. Шевченка, ТОВ Східний видавничий дім, 2012. – С.86-110.
8. Нечаев В.Д. Региональный миф в политической культуре современной России / В.Нечаев. – М.: Институт Африки РАН, 1999.
9. Агаркова Г. Міфотворчі механізми регіональної культурної ідентичності (на прикладі формування регіонального образу Донеччини) / Г. Агаркова // Схід. – 2007. - №6. – С.92-95.
10. Померанц Г. Диалог культурных миров / Г.Померанц / Лики культуры: Альманах. Том первый. – М.: Юрист, 1995.

МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РЕСПОНДЕНТ КАК ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯЦИЙ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ СВЕРХОБЩЕСТВА

Я.А. Фарина

В статье мониторинг общественного мнения рассматривается как механизм обратной связи в демократическом государстве, в котором народу предоставляется право на реализацию власти в форме контроля и на прерогативу пользователя во всех сферах жизнедеятельности общества. Особое место отводится в условиях сверхобщества обоснованию невозможности для респондента быть субъектом формирования общественного мнения, как в формате пользователя, так и в формате реализации прав гражданина государства.

Ключевые слова: манипуляция, мониторинг, обратная связь, общественное мнение, прерогатива пользователя, респондент, сверхобщество.

В исследованиях общественного сознания общественное мнение принято рассматривать как компонент обыденного уровня освоения реальности. Оно в основном соответствует параметрам развития жизнедеятельности общества, хотя в нем всегда присутствует фактор относительной самостоятельности, который указывает как на отставание, так и на опережение развития общественного бытия.

В процессе изучения общественного мнения фиксируется динамика изменения общественного бытия, которая позволяет определить реперные точки в общественном развитии и вносить должные коррективы для улучшения жизнедеятельности человека.

Если принять во внимание, что западный мир, согласно А.А. Зиновьеву, формирует сверхобщество матричного типа (цивилизацию «западоидов»), то в таком обществе можно обнаружить, что взаимосвязь общественного бытия и общественного сознания приобретает иной характер соотнесенности: последнее становится однозначно детерминированным первым.

Такой формат развития общественного сознания нивелирует необходимость исследования общественного мнения в силу изначальной предсказуемости его результатов.

Если воспользоваться анализом свержобщества А.А. Зиновьева, то можно увидеть, что респонденты в нем нужны только в качестве объектов для манипуляции общественным мнением.

В многочисленных научных работах, посвященных исследованию общественного мнения, можно обнаружить разнообразный интерес к проблеме субъект-субъектного взаимодействия интервьюера и респондента.

Большого всего исследований направлено на изучение методик проведения интервью (В. Донахью, Д. Молиньякс, В. Лейн, Э. Ноэль, С. Квале, О.М. Маслова, Г.А. Погосян, С.А. Белановский, И.В. Журавлева).

Особое место в данных исследованиях занимает субъектное начало респондента. Так, Н.В. Веселкова для проявления активности респондента подводит теоретические основания и методологические принципы полуформализованного интервью, Д.М. Рогозин проводит когнитивный анализ опросного инструмента, В.Н. Панкратов видит потенциал проявлений респондента в психотехнологии управления людьми, В.И. Ильин делает акцент на драматургии качественного полевого исследования, Л.Е. Кесельман значительное место отводит респонденту в уличном опросе, А.С. Готлиб и Н.И. Козлова проблему взаимодействия познающего и исследуемого субъектов погружают в нарративное интервью.

Состояние респондента как объекта исследования общественного мнения рассматривается в контексте особенностей невербального взаимодействия интервьюера и респондента в социологическом интервью, в процессе выявления ошибок интервьюеров (А.В. Матовская), в анализе адекватности ответов респондентов, полученных в углубленном пилотаже (К. Лютынская), в искренности респондентов в массовых опросах (А.Ю. Мягков) и когда респондент воспринимается просто как источник информации (А.А. Давыдов).

Респондент проявляется как субъект изучения общественного мнения в методиках обработки информации у А.В. Бурлова. Его интересуют стратегии использования и логика анализа данных в методе неоконченных предложений в социологии. Субъектное начало респондента

прослеживается в методике демоскопии (Э. Ноэль) и построении категориальной модели в контент-анализе (С.К. Шляпина).

Разнообразные аспекты проявления социального начала респондента прослеживаются в изучении роли общественного мнения в инновационных процессах развития высшей школы на современном этапе (Е.А. Самойленко), исследовании общественного мнения как фактора региональной политики (А.И. Прокудин), определении специфики применения метода опроса при изучении общественного мнения населения в региональных условиях (А.П. Хриенко), выявлении особенности общественного мнения как духовно-практического образования (С.В. Коняев), раскрытии механизма функционирования общественного мнения в системе социального контроля (Е.В. Танасюк).

В данной статье определяется реальный потенциал общественного мнения как инструмента мониторинга общественного сознания, и раскрываются предпосылки манипуляции им в условиях сверхобщества.

Современный уровень общественного развития во многих своих проявлениях в определении истинности любых проблем ставит на первое место общественное мнение, которое оказывает существенное влияние на преобразование действительности. Не только в обыденном сознании, но и в широких научных кругах считается, что общественное мнение – это форма выражения здравого смысла самим народом. Во многом этот тезис становится исходным пунктом для тех, кто от имени народа выражает мнение народа, полученное, в лучшем случае, в ходе репрезентативных общественных опросов.

Можно согласиться с Н.И. Гавриловым в том, что «общественное мнение в своем содержательном аспекте, понимаемом как совокупность отдельных суждений, включает в себя некоторое позитивное знание, отражающее ту или иную относительную истину, но в целом оно мозаично. В нем есть все – от верно подмеченных тенденций действительности до предрассудков. В нем перемешены истина и заблуждение, видимость и явление. И обыденному сознанию не под силу разграничить все ложное и истинное в общественном мнении» [1, с. 44].

Одним из распространенных доводов в пользу изучения общественного мнения является утверждение о том, что отдельно взятый человек, кем бы он ни был, не может судить о чем-либо лучше, чем все вместе взятые. Поэтому в общественном сознании

укоренилось представление, что сам народ лучше всего понимает, что ему на пользу и что следует делать для того, чтобы ему жилось лучше. С этой целью проводятся массовые опросы, создаются службы по изучению общественного мнения. На этой основе формулируется истина, которая якобы определена самим народом и предлагаются разнообразные рецепты для общественных преобразований.

Но истина не устанавливается количеством мнений, как бы велико оно не было, и сколько бы репрезентативна не была выборка в исследовании, следует исходить из того, что «народ» как таковой не может знать, чего он действительно хочет. Никакое общественное мнение не может выразить всю глубину общественных преобразований. Оно обладает лишь представлением, которое находит свое закономерное оформление в образном видении мира. Поэтому, какая бы страсть не вкладывалась в общественное мнение, как бы эмоционально не утверждали или опровергали что-либо – это не есть еще критерий того, что действительно важно.

Не добавляет весомости в понимании реальности мнения экспертов, в роли которых на различных «ток-шоу» приглашаются «медийные» активисты в качестве выразителей общественного мнения. Фельетонный контекст такого шоу описал Герман Гессе: «Временами особенно популярны бывали опросы известных людей по актуальным проблемам..., при которых, например, маститых химиков или виртуозов фортепианной игры заставляли высказываться о политике, любимых актеров, танцовщиков, гимнастов, летчиков или даже поэтов – о преимуществах и недостатках холостой жизни, о предполагаемых причинах финансовых кризисов и так далее. Важно было только связать известное имя с актуальной в данный миг темой» [2, с. 12].

Ценность мнений сводится лишь к «прерогативе пользователя», то есть к тому, что они несут информацию о мере пригодности и полезности вещей со стороны пользователей, которая является «обратной связью» для тех, кто продуцирует идеи. Мнение пользователя о том, «что такое хорошо» и «что такое плохо» есть необходимая составляющая для определения «дано» и выработки на его основе необходимых решений.

Так, например, человек, пользующийся какой-либо вещью, безусловно, будет обладать наибольшим опытом и сможет указать тому, кто делает эту вещь, на достоинства и недостатки его работы. Как

пользователь он проявит умение третьего рода – умение использовать эту вещь по назначению. Следует согласиться с Аристотелем в том, что «не один только мастер является единственным и наилучшим судьей, именно там, где дело понимают и люди, не владеющие искусством. Дом знает не только тот, кто его построил, но о нем лучше будет судить тот, кто им пользуется, то есть домохозяин..., и о пиршестве гость будет судить правильнее, нежели повар» [3, с. 466]. Но на этом основании нельзя делать вывод о тождественности разного рода умений. Действительно, в некоторых случаях, именно там, где дело касается житейского опыта, профессиональных качеств, не только один мастер, умеющий изготавливать вещь, является единственным и наилучшим судьей произведения своего мастерства. Житейский опыт в этом случае приобретает вид конкретных, определенных по месту и времени образов, связанных со всеми внешними обстоятельствами и сформированных на материальной основе. Эти образы помогают мастеру лучше воплотить изначальную идею.

Прерогатива пользователя позволяет народу в демократическом государстве принимать непосредственное участие в осуществлении власти. Гегель видел причину стремлений к тому, чтобы «все в отдельности должны участвовать в обсуждении и решении общих государственных дел, поскольку все они – члены государства и дела государства – это дела всех, и все имеют право оказывать влияние на их решение своим знанием и своей волей», в ограниченности обыденного представления, которое хотело бы ввести в государственный организм демократический элемент без всякой разумной формы, то есть без учета действия прерогативы пользователя [4, с. 345 – 346].

Если рассматривать в качестве целостности государственную власть как таковую, то у народа всегда должна оставаться наиболее существенная и устойчивая ее часть, которая выражает ее сущность – контроль. «Контроль как форма проявления власти, – отмечает Н.И. Гаврилов, – должен обеспечивать реализацию цели, которую ставит для себя народ, с помощью имеющихся средств. Власть в форме контроля определяет себя как целостность, в которой одна наиболее активная часть народа, выражающая тенденцию к изменчивости, трансформируется во власть в форме организации, а другая ее часть, выражающая тенденцию к устойчивости, образует структуры самоуправления, активно реагирующие на те или иные отклонения в

процессе реализации сущностных сил человека. Та часть целого, выражающая тенденцию к устойчивости, выполняет наиболее пассивные функции власти: отвечает за процесс принятия решений посредством определения исходного «дано» и, обладая преимуществом «прерогативы пользователя», своевременно реагирует на отклонения в его реализации» [5, с. 212].

Критерий для определения параметров «дано» власти народа в форме контроля заключен в самой идее демократической государственности, которая не может быть понята без цели развития сущностных сил человека. И если цель человеческого развития заключается в достижении свободы, то демократическое государство не может быть ничем иным, кроме нравственного целого, создающего возможность осуществления свободы. Вне зависимости от того, познается или не познается отдельным человеком идея государства, соответствует или не соответствует она его желанию, государство есть, по Гегелю, «действительность конкретной свободы».

Человек лишь настолько может реализовать свои сущностные силы, насколько он становится органической частью демократического государства. Он может и не знать, что именно посредством государства *идет ему на пользу, как этим можно пользоваться* и что со своей стороны он должен давать государству. Власть в форме контроля призвана гарантировать ему владение собственностью, обеспечение личной безопасности и благополучия, осуществление политической и гражданской свободы. Состояние политической и гражданской свободы позволит человеку реализовать собственные силы, активизировать свою энергию, создаст условия для развития его способностей. И все эти сферы его жизнедеятельности должны стать объектами изучения общественного мнения.

О познавательном потенциале общественного мнения можно говорить лишь тогда, когда посредством его изучения накапливаются факты.

В основании общественного мнения должны быть положены только факты, то есть нечто уже сделанное, совершенное. В такой определенности понимание факта совпадает с характеристикой данности как таковой, которую можно записать в виде «дано». Поэтому для исследования общественного мнения важно исходить из того, что фактом является лишь то, что существует в действительности

и уже познано. Непознанная действительность еще не является фактом – о ней ничего нельзя сказать.

Факты включаются в процесс изучения общественного мнения лишь тогда, когда они подвергаются отбору, классификации, обобщению и объяснению. А задача научного познания заключается в том, чтобы вскрыть причину возникновения данного факта, выявить его существенные свойства и установить закономерную связь между фактами.

Особое внимание следует уделять процедуре отбора фактов посредством исследования общественного мнения. Нельзя накапливать лишь «положительные» факты, подтверждающие ту или иную точку зрения, и отбрасывать, оставлять вне поля исследования факты «отрицательные». Это считается чистым субъективизмом, не допустимым в науке и по существу означающим фальсификацию.

В анализе общественного мнения не играет существенной роли количество «положительных» фактов. Ведь может быть так, что в начале развивающегося явления «положительных» фактов, оправдывающих старые взгляды, больше, а «отрицательных» – меньше, и, тем не менее, истина находится на стороне последних. Поэтому чисто «количественный» подход к фактам по правилу «чем больше фактов, тем достовернее» не всегда оказывается правильным.

В мониторинге общественного сознания зачастую наблюдается выхватывание отдельных фактов и обыгрывание различного рода отдельных событий. Но такое своеобразие событий не имеет никакого значения. Более того, такая произвольность приводит к отрицательным последствиям, ибо они подаются в качестве абстрактных истин, без должной конкретизации. Факты, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, не являются не только средством доказательства, но и теряют потенциал диагностирующей функции общественного мнения.

Безусловно, реальность содержит в себе немало случайного. Поэтому следует исходить из того, что в общественном мнении должно интересоваться, прежде всего, общее, закономерное. Основой для его анализа является не просто единичный факт, а множество фактов, отражающих основную тенденцию. Из обилия фактов должен быть сделан объективный отбор только тех из них, которые будут необходимы для понимания сути изучаемой проблемы.

В исследовании общественного мнения важно отличать фиксацию и констатацию фактов от их интерпретации, истолкования. Истолкование факта – это уже не факт. Правда, порой отличить факт от его истолкования весьма трудно, особенно в сферах, в которых респондент не является пользователем. Но подобное различие проводить крайне необходимо во избежание субъективизма. Этому помогает точная фиксация фактов по параметрам: «что», «где», «когда», «в каких условиях» и т.п., которые строго очерчивают факты, придают им свойства конкретности. Познаваемый на эмпирическом уровне объект исследования характеризуется именно по этим параметрам. Конкретизация фактов необходима и потому, что она применяется против подтасовки, фальсификации фактов.

Описание фактов является существенным моментом общественного мнения. Но описание факта и факт как таковой – это совсем не одно и то же. Описание фактов является более ответственной задачей, чем собирание фактов, потому что возможен субъективизм. В этом случае тот, кто выдает описание факта за сам факт, подменяет факт «квазифактом», т.е. чем-то таким, чем факт, как таковой, совсем не является. И если в процессе добывания фактов он берется таким, каким существует реально/объективно, то описание, напротив, определяется самим исследователем. Каждый исследователь описывает факты по-своему, а в различных областях научного знания это делается еще и по-разному, ибо определенную роль играет установка исследователя.

Чтобы спрогнозировать, как могло бы быть осуществлено исследование общественного мнения в сверхобществе, представим его таким, как его описывает А.А. Зиновьев. Для этого он использует антропологическую систему координат. Это общество представляет собой «историю без надежд и без отчаяния, без иллюзий и без прозрений, без обольщений и без разочарований, без радости и без горя, без любви и без ненависти...» [6, с. 447].

Сверхчеловек, населяющий его, характеризуется такими качествами: «высокий интеллектуальный потенциал, прагматизм, деловитость, расчетливость, конкурентоспособность, изобретательность, способность рисковать, авантюристичность, любознательность, эмоциональная черствость, холодность, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости, склонность к добросовестности в деле,

чувство превосходства над другими народами, стремление управлять другими и подчинять их своей воле, высокая степень самодисциплины и самоорганизации» [Там же, с. 793 – 794].

Оборотная сторона этого сверхчеловека выглядит неприглядным образом: разрушенная целостность «души», разрушенные ее самозащитные механизмы и охранявшие ее автономность «оболочки». Место живой человеческой психики занял ее механический эрзац. Все то, что осталось в «Я» (в психике, в «душах») западоидов, было выявлено с исчерпывающей полнотой, разложено на простейшие элементы и сделано объектом деятельности особых людей, учреждений и предприятий.

Тем самым сверхлюди стали «одинаковыми, как солдаты, вороны, москиты, муравьи. А лучше сказать – как роботы одной серии» [Там же, с. 609].

В результате синтеза светлой и темных сторон сверхчеловека, реальный западоид у А.А. Зиновьева предстает, как внутренне упрощенное, рационализированное существо, обладающее средними умственными способностями и контролируемой эмоциональностью, ведущее упорядоченный образ жизни, заботящееся о своем здоровье и комфорте, добросовестно и хорошо работающее, практичное, расчетливое, смолоду думающее об обеспеченной старости, идеологически стандартизированное, но считающее себя при этом существом высшего порядка по отношению к прочему (незападному) человечеству.

В сверхобществе созданы все условия для манипуляции общественным мнением в формате пользователя. О том, что граждане Западного Союза должны думать по тому или иному вопросу, они узнают после того, как социологи произведут соответствующий опрос населения, а идеологи найдут соответствующую интерпретацию результату опроса. Таким образом, «социологи узнают, что именно мы думаем по данному вопросу, и сообщают нам об этом, а идеологи учат нас тому, что мы должны думать о том, что мы думаем» [6, с. 449].

Мощный аппарат пропаганды неумоимо вбивает в голову нужную информацию. Все прочие средства пропаганды просто бледнеют перед этой информацией, которая даже не воспринимается, как идеологический молот, бьющий по голове [Там же, с. 480].

Основания для такой обработки массового сознания закладываются уже сегодня. Известный американский экономист,

публицист и политолог Пол Крейг Робертс указывает, что у западных СМИ уже отсутствует честный подход к истории о крушении малазийского Боинга на Украине: «Не ожидайте, что западные СМИ напишут об этом, ведь они – сборище людей, которые лгут всю жизнь. Причина, по которой Запад не имеет будущего – здесь нет независимой прессы, но только пропагандисты западных правительств и корпоративных программ и защитники их преступлений. Каждый день продажные западные СМИ поддерживают Матрицу, что делает западные народы политически бессильными» [7].

Невозможность осуществлять власть в форме контроля А.А. Зиновьев объясняет двумя причинами. С одной стороны, граждане стран Западного Союза ничуть не больше знают о явлениях своего общества, существующих веками. Даже образованные слои населения имеют весьма смутное представление о реальной структуре своего общества и о том, как функционируют его различные подразделения, сферы, учреждения [6, с. 450]. Такое невежество в корне несовместимо с развитым гражданским началом.

С другой стороны, в таком обществе нежелательны даже убеждения, соответствующие официальной установке. Человек обязан добросовестно выполнять ее, и все. Он не может ее критиковать, но не может и проявлять убежденность в ее правоте, ибо это выдает его способность быть пристрастным. Граждане – суть интеллектуальные солдаты, бесстрастно выполняющие свои солдатские обязанности. А еще точнее – они человекообразные информационные роботы.

Потому гражданам предоставлено право, не участвовать ни в каком управлении или в каком-то подразделении власти по своему выбору. Это право неучастия во власти объявлено также священным и неприкосновенным, прирожденным и неотъемлемым. Гражданам предоставлены все необходимые, средства, гарантирующие соблюдение этого высшего права человека и гражданина [Там же, с. 628].

В выборах представителей власти решающую роль играют не технические средства, а все то, что предшествует и сопутствует выборам, включая деятельность влиятельных сил по отбору кандидатов, скрытую систему подкупов, сговоров, обманов, шантажа и т.д. и открытую выборную кампанию. Преимущества в выборах имеют самые влиятельные партии, общественные организации, союзы

предпринимателей и вообще те, кто имеет больше средств и контролирует массмедиа.

В заключении можно отметить, что сверхобщество «заподоидов» никакой свободой, кроме той, которая реализовывалась в привычных формах западной демократии, не располагало, причем не в силу каких-то запретов и ограничений, каких не было и в каких не было необходимости, а в силу объективных закономерностей организации огромных масс людей в единое целое. Западная демократия уже в конце XX века достигла предела совершенства. Все последующие ее усовершенствования не внесли в нее ничего принципиально нового, а лишь создали и создают все предпосылки для трансформации его в формат матрицы.

Ссылки:

1. Гаврилов Н.И. *Философия для пользователя*. – Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2012. – 539 с.
2. Гессе Г. *Игра в бисер*. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. – 464 с.
3. Аристотель. *Политика* // Аристотель. *Сочинения*: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376–644.
4. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. – М.: Мысль, 1990. – С. 44–524.
5. Гаврилов Н.И. *Феномен государственной власти народа*. – Севастополь: «Вебер», 2003. – 300 с.
6. Зиновьев, А.А. *Глобальный человек / Светлое будущее: избранные сочинения / Александр Александрович Зиновьев; составление Ю.П. Солодухина*. – М.: Астрель, 2008. – 863 с. – с. 447-882.
7. Робертс П.К. *Эксперт: Только идиот поверит в версию Вашингтона о крушении Boeing* // *Взгляд*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2015/10/15/772556.html>

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ А.А. ЗИНОВЬЕВА

С.В. Данилова

В статье приведены разные воспоминания об А.А. Зиновьеве как о человеке и ученом. Проведен психологический анализ интенциональных установок А.А. Зиновьева, который сделан с помощью метода интент-анализ на основе его последнего интервью.

Ключевые слова: интент-анализ, направленность на себя, направленность на противника, направленность на ситуацию, направленность на «третью сторону».

Люди, которым посчастливилось быть близко знакомым с Александром Александровичем, говорят, что он был интересным рассказчиком, внимательным и доброжелательным собеседником. Никогда в жизни он не подстраивался под идеологическую или политическую конъюнктуру, не менял свои убеждения, взгляды, ценности дабы понравиться сильным мира сего. Чувство собственного достоинства в нём было развито очень сильно. Его целью было постижение истины, смыслом жизни – возможность свободно мыслить. В беседах он не раз говорил про себя, что он машина для думания.

В воспоминаниях об этом человеке близкие люди описывают его как обычного «нормального» человека в быту, похожего на любого среднего гражданина России, но в, то, же время, он был человеком, отличающимся от всех своим умением видеть действительность по-особому, анализировать происходящее, опережая время, предсказывать, к чему могут привести те или иные события.

А.А. Зиновьев непрерывно о чем-то думал, что-то переживал. А это значит, шла постоянная внутренняя работа души по созданию того самого «собственного внутреннего мира», который он строил в себе до последних дней. Сегодня мы говорим о целостности, как о главном качестве зиновьевской природы, и печалимся тем, что нынешние люди, в массе своей, будучи плодом сверхрационализма и гиперспециализации в образовании, – это люди отрывочного, осколочного, усеченного сознания и душевной пустоты.

Анализируя воспоминания разных людей об Александре Александровиче Зиновьеве, можно, выделить главную общую характеристику, которую дают ему его современники – это многогранность.

Соратники Александра Александровича отмечают, что «уже в детстве, отрочестве и юности он, как минимум, был амбициозным человеком, понимавшим многое из того, чего вовсе не понимали другие и взрослые люди, был отчаянно смелым. Мыслимое ли дело: группа мальчишек во главе с Зиновьевым планировала убийство Сталина!» [4].

И.М. Ильинский так говорит об Александре Александровиче: «Когда я думаю о феномене А.А. Зиновьева во всей его полноте, он предстает передо мной как невероятная Сложность. Это не просто homo sapiens (человек разумный), а тем более – homo faber (человек-ремесленник), homo economicus (человек хозяйственный), homo prosaicus (человек прозаический). А.А. Зиновьев – существо рациональное и эмоционально неистовствующее; работающее и играющее; экономическое и потребительское; эмпирическое и воображающее; прозаическое и поэтическое. Одним словом, существо внутренне противоречивое. Но таким и должен быть полноценный, нормальный человек. Таким образом, А.А. Зиновьев в моем понимании – это образец для оценки существующих людей и создания человека нового типа: с высокоразвитым умом и высокоразвитой душой, озабоченного самим собой, судьбами своей семьи, отечества и всего мира. А.А. Зиновьев – это норма. Все остальное – ненормальность. Другое дело, что я не могу представить себе мир, состоящий из одних Зиновьевых. Этого никогда и не случится, зато есть высота, к которой можно стремиться» [3].

Дмитрий Выдрин в своей статье «Учитель» пишет: «Мы все, будучи аспирантами, хотели походить на А.А. Зиновьева – и внешне, и внутренне. И, став профессорами, по-прежнему хотим походить на него – и внутренне, и внешне. Уже тогда мы интуитивно чувствовали, что невероятная сила А.А. Зиновьева, его обаяние и притягательность заключались в том, что он действительно особенный. Обычно человек чрезвычайно дискомфортно чувствует себя вне той или иной социальной общности – нации, партии, государства. Потерять, например, партийность, гражданство для многих страшнее, чем потерять жизнь. Даже Сократ, при выборе лишиться гражданства

своего полиса или умереть, выбрал яд. А Учитель, когда вставал выбор потерять членство в партии, гражданство могучей страны или потерять совесть, утратить истину, болезненно, но немедленно расставался с первым. Но понимал, что это путь избранных и поэтому говорил нам, своим последователям: «Не делай как я. Это не для всех» [2].

Важно отметить, что А.А. Зиновьев жил и творил в эпоху, которая считается одной из трудной, но в тоже время самой плодотворной, может быть, даже самой плодотворной в интеллектуальном и духовном отношении за всю историю человечества. В том числе и в области социальной, гуманитарной. Эта эпоха дала миру целый ряд настоящего крупным, оригинальных мыслителей. Но и на этом фоне А.А. Зиновьев выделяется, предстаёт личностью исключительно яркой, многогранной, нестандартно мыслящей, глубоко творческой.

А.А. Зиновьев хорошо известен как логик, социолог, художник, поэт, мы же в своей статье попытаемся раскрыть еще одну грань Зиновьева, а именно: рассказать о личности Александра Зиновьева, как об объекте психологического исследования.

Одним из распространенных методов исследования личности творческого человека, гения является анализ продуктов его деятельности. Такому анализу могут подвергаться его произведения искусства, письма, автобиографии, статьи, интервью и т.д. В последнее время одной из областей исследования стали его коммуникативные намерения, а наиболее продуктивным инструментом этого исследования является метод интен-анализа.

Дело в том, что интенциональность речи связана с внутренним эмоциональным переживанием ситуации. И под интенциональностью понимается качество, внутренне присущее порождению текста (устного или письменного). Характер коммуникативной цели обусловлен некоторым психологическим состоянием говорящего человека.

Анализом текстов, а также устных высказываний, диалогов и дискуссий занимается дискурсивная психология. Основная мысль дискурс-аналистов состоит в том, что дискурс совершенно необязательно «отражает» действительность. Выдвигается идея так называемого «конструкционизма», показывающего, как различные сферы человеческой активности определяются функционирующим в обществе дискурсом. Оказывается, что через такой процесс языковой деятельности устанавливается множество психологических и

социально-психологических отношений. Это подтверждается примерами формирования под его влиянием персональной идентичности, властных позиций, манеры повседневного поведения людей и пр. Специальным объектом анализа дискурса в исследованиях Т.Н. Ушаковой и ее сотрудников стал феномен речевых интенций [6]. Авторы рассматривают интенции, прежде всего, в контексте речевых процессов, механизмов и определяют интенциональность, «направленность на», как специфичное и существенное свойство речи.

Интенциональное содержание речи человека служит его важной психологической характеристикой. Доброжелателен ли данный субъект или злобен, выражает ли он терпимость или обнаруживает негативное отношение к собеседнику, направлен ли он эгоистически на себя или его интересуют другие люди? Какой предмет занимает его мысли, какого он характера? Насколько широк круг явлений, которые его занимают? Эти и многие другие феномены проявляются в том, что человек говорит. Именно поэтому интенциональная направленность говорящего составляет важную часть психологического содержания речи.

Для изучения таких интенций Т.Н. Ушаковой и др. разработан операциональный метод, названный интент-анализом. С помощью данного метода определяются используемые учеными, политическими деятелями, творческими людьми и др., приемы ведения дискуссий, которые описываются индивидуальные варианты конфликтного или дружеского, критического или аналитического речевого взаимодействия, то есть их действенная направленность. Сферой действия интент-анализа является ментальное состояние субъекта, которое определяется мотивами, интересами, оценками, намерениями и целями, т.е. интенциями. Состав интенций остается одним и тем же независимо от продуцента анализируемого дискурса, меняется лишь удельный вес той или иной интенции в дискурсах разных авторов. Анализу подвергались газетные тексты, стенограммы политических выступлений, диалоги в телепередачах, интервью с политическими деятелями.

В речи человека различаются интенции двух уровней:

- интенции первого уровня первичны по происхождению в онтогенезе и непосредственно связаны с особенностями функционирования нервной системы человека. Первичная

интенциональность определяется как побудительная тенденция к говорению и обнаружению своих мыслей. Это общее свойство говорящих индивидов;

- интенции второго уровня (вторичные) связаны с обращением к внешнему миру – прежде всего миру, людей. Их можно квалифицировать как коммуникативные интенции. Для них характерна двусоставная структура: выражение каждой интенции предполагает обозначение её объекта и отношения к нему говорящего субъекта.

Специфическая индивидуальность интенций состоит в том, какие объекты избираются для обозначения и каково отношение к ним. Т.Н. Ушакова обращает внимание на то, что интенции выражаются в разнообразных формах. В выделении и квалификации интенций малопродуктивна опора на отдельные слова и предложения. Одна и та же интенция может быть выражена в одном слове, в целом высказывании, в абзаце или нескольких абзацах. И, наоборот: в одном предложении или даже интонации можно выразить несколько интенций. Эта особенность потребовала обращения к анализу субъективной понятности текстов для слушающих.

Экспертное выявление и идентификация речевых интенций дает возможность очертить их круг в текстах разной тематики и направленности, а также качественно характеризовать их. На этой основе возможна их количественная оценка. Очевидно, что степень субъективной понятности выражаемых в речи интенций не может быть абсолютной. «Размытость» значения и смутность понимания используемого речевого материала представляет существенную особенность интенциональных высказываний.

Т.Н. Ушакова утверждает, что речь – это отражение психики человека. У взрослых людей идущий изнутри импульс сохраняет свое значение для осуществления речи, приобретая обычно черты произвольного и целенаправленного действия. Во всех случаях порождения речи действует некоторый общий энергетический вектор: от психического состояния к речезыковым формам [6].

Разговор в большинстве случаев с известной личностью на определенную тему либо о личности интервьюируемого, которое транслируется по радио или телевидению или печатается в прессе – интервью [5].

Во время интервью журналист задает вопросы, которые определяют содержание, а также имеют психологическую

направленность, в результате чего интервьюируемый высказывает свою точку зрения по определенному вопросу. В интервью могут быть представлены все виды речевых форм: сообщение, описание, отзыв, характеристика, доказательство и, в нашем случае рассуждение [1].

Основой нашего психологического анализа личности А.А. Зиновьева является его последнее интервью, которое он дал В. Большакову. Прежде чем перейти к анализу самого интервью, рассмотрим ситуацию и тему интервью [7].

Дело было в начале марта 2006 года. Автор приехал к нему в его профессорскую квартиру в МГУ на Ленинских горах и с ужасом узнал от его жены Ольги, что у него страшное заболевание – рак мозга. Сам он об этом тогда еще не знал. Близкие ему это объявить сразу не решились, только уже месяц спустя сказали, и он понял, что обречен. Несмотря на это, до последнего вздоха А.А. Зиновьев продолжал работать, в том числе над последней книгой, которую он условно назвал «Фактор понимания».

В. Большаков не собирался брать у него интервью. Кнопку диктофона на запись он скорее нажал по традиции их бесед и уже только потом понял, что эта беседа с Александром Александровичем – последняя.

При исследовании данного интервью с помощью метода интен-анализа, мы анализировали намерения автора, не только явные, но и скрытые. Интенциональная организация данного дискурса характеризуются следующими направленностями:

1. «мы», или направленностью на себя (обсуждение автором себя и своих сторонников);
2. «они», или направленность на другого/противника (интенции, относящиеся к оппонентам);
3. «ситуация», или направленность на окружающую действительность (обсуждение происходящих событий);
4. направленность на третью сторону (интенции, адресованные к аудитории, читателю, студентам и т.д.).

Далее абсолютный показатель количества интенций переводится в относительный: вычислялось отношение количества подсчитанных определенного вида интенций к сумме всех интенций статьи. Это было необходимо в нашем случае, т.к. решалась задача – сравнить выраженность интенций в тексте, а, следовательно, необходимо было

перейти к относительному показателю. Полученные результаты отражены в таблице.

**Представленность идентифицированных интенций
по материалам последнего интервью с А.А. Зиновьевым**

Интенциональ- ные категории	Интенции	Соотношение
«МЫ»	Самопрезентация	2 (2,4%)
	Неявная самопрезентация	5 (6,09%)
	Презентация	2 (2,4%)
	Отвод критики	0%
	Самооправдание	1 (1,2%)
	Самоохранение	1 (1,2%)
	Самокритика	0%
	Всего	11 (13,4%)
«ОНИ»	Обвинение	4 (4,8%)
	Безличное обвинение	4 (4,8%)
	Разоблачение	1 (1,2%)
	Безличное разоблачение	6 (7,3%)
	Дискредитация	1 (1,2%)
	Критика	11 (12%)
	Противостояние	4 (13,4%)
	Размежевание	0%
	Угроза	0%
	Всего	31 (37,8%)
«СИТУАЦИЯ»	Анализ (+)	1 (1,2%)
	Анализ (-)	7 (8,5%)
	Оценивание	9 (10,9%)
	Информация	3 (3,6%)
	Всего	20 (24,3%)
«ТРЕТЬЯ СТОРОНА»	Кооперация	1 (1,2%)
	Успокоение аудитории	7 (8,5%)
	Отказ в просьбе	
	Побуждение	1 (1,2%)
	Предупреждение	11 (13,4%)
	Всего	20 (24,3%)

Для анализа статьи набор интенций оказался достаточным: из 25 использовались 20. Не было обнаружено таких интенций как «отвод критики», «самокритика», «безличное разоблачение», «размежевание», «угроза» и «отказ в просьбе».

Рассмотрение последней колонки таблицы даёт суммарные показатели выраженности интенций. Обнаруживается, что для каждой из выделенных категорий существует своего рода «корневая» интенция: именно она «эксплуатируется» наиболее часто в рамках данного интервью.

Так при обсуждении себя и своих сторонников (интенционная категория «Мы») чаще всего проявляется интенции: «неявная самопрезентация». *Направленность на себя* проявляется в том, что А.А. Зиновьев презентует себя как мудрого, все понимающего ученого, пытается представить себя в выигрышном свете с помощью позитивов, которые он стремится поставить себе в заслугу. Для этого он рассказывает о важности книги, которую он пишет в данный момент, приводит данность, что уже сделано, и что еще надо сделать. Рассказывает о своих «пророческих» прогнозах по исходу войны и власти Й. Сталина, прогнозирует интеллектуальный уровень будущего поколения. Подчеркивает хорошее качество образования в Советском Союзе по сравнению с нынешнем и западным образованием, здесь применяется стратегия выдвижения на передний план положительных сторон образования, полученного им самим.

А.А. Зиновьев не отрицает, что существуют проблемы. Он противопоставляет себя современному миру и большинству. С горечью и осуждением говорит о деградации людей. Его настроение в рассуждениях о себе и других скорее грустные, но чувствуется, что он надеется, что его услышат. Используется стратегия сближения с адресатом: *(Мы с вами столько наших бесед опубликовали, наговорили много)* [7, с. 231]. Этим приемом А.А. Зиновьев старается все же указать, что он не одинок, что у него есть единомышленники и к ним стоит прислушаться.

Обсуждение другой стороны (интенционная категория «Они») связано с подчёркнутым проявлением интенции – «критика». Критикуется правительство Й. Сталина и коммунистический строй, интеллектуальные способности современников и жителей запада (как профессуры, так и студентов), образование, старая и новая власть. *Направленность на оппонентов (противников)* характеризуется

дискредитацией большинства современных людей. А.А. Зиновьев стремится возбудить негативное отношение к «недумающим». Стремление дистанцироваться от Й. Сталина, коммунистического строя, власти, нового поколения, выражается в данном случае тем, что А.А. Зиновьев хочет все переделать, но не говорит каким образом, особенно это касается нынешнего образования.

Слова «интеллект» и «образование» Александр Александрович многократно нелестно употребляет в интервью. Также можно наблюдать стремление ученого дистанцироваться и от «не думающих» людей, которое выражается в противопоставлении себя им и приводит примеры их безграмотного, ограниченного образа мыслей (*Я помню, когда был в Америке, задавал один и тот же вопрос профессорам, математикам, техникам, инженерам: «Сколько будет девятью семь?» Никто мне ответить не мог. Все вытаскивали калькуляторы и подсчитывали. Профессора! Вы понимаете? Сейчас уже в массе своей молодые люди решить не могут те задачи, которые для нас были азбучными. Помните задачку про две трубы – в одну втекает вода, а из другой вытекает. Я ставил эту задачку многим ученикам четырнадцати, пятнадцати лет и старше. Они не могут решить эту задачку. Это не пустяки. Это сказывается на всем*) [7, с. 233-234]. Однако стоит подчеркнуть, что направленность на оппонента представлена в последнем интервью не ярко, скорее, в контексте иллюстрации его отношения к окружающей действительности.

Для обсуждения ситуации характерна интенция «оценивания». А.А. Зиновьев стремится привести точные данные для объективного анализа событий. Установлено, что в данной статье преобладает негативная аналитическая позиция (отрицательное отношение к действующим лицам и событиям).

В последнем интервью Александра Александровича важную роль играет интенциональная *направленность на действительность*. Представление фактов и событий окружающей жизни нацелено на фокусирование злободневных проблем, изменение или стабилизацию существующего положения. Ученый анализирует, оценивает, прогнозирует ситуацию, обнаруживает эмоциональную включенность в происходящее. Направленность на окружающую действительность в данном интервью выражается в том, что, по мнению А.А. Зиновьева требуется «очень сложная работа и в системе образования, и в

системе информации. Но, к сожалению, ученый не предлагает конкретные пути решения данной проблемы.

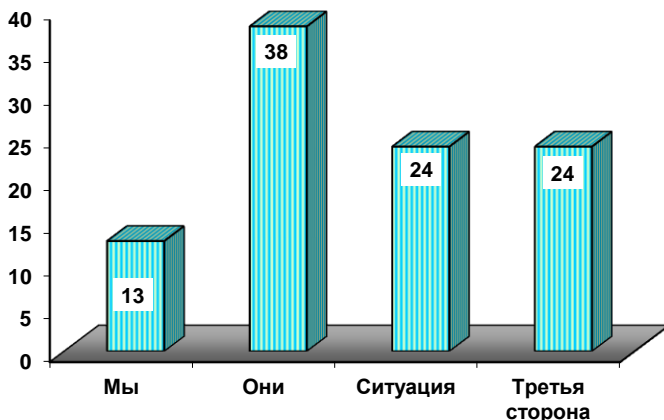
А.А. Зиновьев считает, что человечество стоит на грани полной деградации. Он с горечью сетует на низкий уровень образования, грамотности и узкий кругозор современников. Он предсказывает, что глобализация приведет человечество к катастрофе. Говоря об этом, речь ученого становится более эмоциональной, каждая фраза как будто наполнена горечью и попыткой убедить слушателей и читателей в своей правоте, попыткой привлечь как можно больше внимания и «разбудить» как можно больше людей.

«Третьей стороной», на которую оказывается воздействие, является адресат. М.М. Бахтин отмечает, что адресат может быть непосредственным участником диалога, может быть дифференцированным коллективом специалистов какой-нибудь специальной области культурного общения, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками и т.д. [1]. В данном интервью, хоть речь направлена на конкретного интервьюера, В. Большакова, с которым А.А. Зиновьев знаком многие годы, создается впечатление, что ученый обращается к широкому кругу слушателей. Он уверен в себе, своей правоте и в принципе не ставит цели понравиться кому-нибудь или привлечь на свою сторону. В данном интервью речь интервьюируемого направлена не столько на собеседника, сколько на читателей – студентов, людей заинтересованных в образовательных реформах, а также в личности самого Александра Александровича. В нашем случае четко доминирует интенция «предупреждение». В словах А.А. Зиновьева прослеживается желание «взбудоражить» читателя, разбудить и заставить действовать, но в то же время чувствуется усталость и некоторое разочарование от того, что ему в который раз приходится повторять одно и то же, однако он чувствует, что его не слышат в той степени, на которую он рассчитывает.

А.А. Зиновьев стремится показать, что он и адресат относятся к одной нации, имеют общие цели и задачи. В лексическом плане это выражается в том, что он использует местоимение «мы». На фоне указанных общих тенденций обнаруживаются индивидуальные особенности интенциональных установок интервьюера рассмотренных текстов. Итак, анализ показал, что у А.А. Зиновьева преобладают

интенции «неявная самопрезентация», «противостояние» и «критика», «оценивание» и «отрицательный анализ», «предупреждение».

Идентифицированные интенции по объектам направленности в интервью с А.А. Зиновьевым имеют следующее распределение (см. рис.).

Распределение идентифицированных интенций по объектам направленности

Анализируя полученную гистограмму, мы можем сказать, что у А.А. Зиновьева, больше всего выражена направленность на других (37,8%); меньше всего он говорит о себе (13,4%).

Это скорее связано со стремлением противостояния себя и других, он обвиняет и критикует нынешнее власть и современников. Неярко выражена направленность на «себя», возможно, А.А. Зиновьев старается оградить себя от причастности к происходящим событиям и не стремиться к самооправданию и отводу критики.

По-видимому, требуется накопление значительного материала интент-анализа для выработки представлений о типах паттернов, адекватных характеру человека, обсуждаемой ситуации или другим моментам коммуникации.

Таким образом, можно сказать, что Зиновьева Александра Александровича описывают по-разному, его друзья и поклонники его близкие, его враги. Для нас в своем последнем интервью он рисуется

мудрым, умеющим заглянуть в будущее ученым, уставшим от недопонимания. Он уверен в своей позиции, уверен в своих словах, но противопоставляет себя большинству, с горечью констатируя, что большая часть человечества не просто деградирует, а становится управляемым «стадом». Его речь в определенные моменты становится даже в некоторой степени злой, он считает, что весь его труд «как метание бисера перед свиньями». «Может, и нехорошо так говорить, я ведь людей свиньями вовсе не считаю. Но я прихожу к выводу, что 90 процентов из того, что я наговорил и написал и вы наговорили и написали, можно просто вычеркивать. Потому что, людям это уже недоступно».

Тем не менее, даже устав от своих попыток донести до людей свои мысли, он уверен, что его услышат, он продолжает свою работу, как мы узнаем позже, до последних дней.

Ссылки:

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940 –1960-х гг. – С.159–206. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm.

2. Выдрин Д. Учитель / Д. Выдрин //Еженедельник 2000 (Украина), выпуск №31 (615) 3 – 9 августа 2012 г.

3. Ильинский И.М. А. Зиновьев: «Человек – нормальный» / И.М. Ильинский / Зиновьевские чтения: материалы I Международной научной конференции. Москва, 15–16 мая 2007 года.. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. – С. 7-11.

4. Ильинский И.М. Из заветов Александра Зиновьева: Мы должны переумнить Запад / И.М. Ильинский // Вузовский вестник. - 2006. – № 11, С. 12–18.

5. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)/ под ред. Э.Г. Азимов, А.Н.Шукин. – М.: Изд-во ИКАР. 2009. – 548 с.

6. Ушакова Т.Н. Речь: истоки и принципы развития: учебное пособие /Т.Н. Ушакова. – Москва : Пер Сэ, 2004. – 256 с. – ISBN 5-929201-26-9.

7. Я мечтаю о новом человеке / Александр Зиновьев; [сост. О.М. Зиновьева]. – М.: Алгоритм, 2007. – 240 с.

ANNOTATIONS

THEORY, METHODOLOGY AND SOCIOLOGY HISTORY

COMMUNIST REALITY: TO THINK OF THE WHITE, WHILE SEEING THE BLACK

N. I. Gavrilov

In the article, distinction is made in the determination of units of measure of material, social and spiritual types of civilization. The communist reality is correlated with a spiritual type of civilization on the basis of the level of cultural development. The principle of totality in the study of subjective and objective factors in the becoming and development of countries with communist orientation is applied.

Keywords: units of measure, culture, communism, productive forces, relations of production, social laws, civilization.

SOVIET AND WESTERN CIVILIZATIONS: THE SCOPE OF OPPOSITES IN THE LOGICS OF THE GLOBAL EVOLUTION OF MANKIND

D. Ye. Muza

The article pays attention to the most important problem of the current historical process: the existence of two alternative versions of the social evolution that occurred in 20 century and were implemented by Soviet and Western civilizations respectively. While relying of civilizational theory, it was shown that these civilizations have principal differences in their genesis, social structure, project tasks and goals of historical oeuvre. The Cold War and the resulting defeat of USSR is an event that points to the scopes of opposites. In its turn, the United States' aim to reformat post-Soviet Russia on the basis of patterns of Western technogenic, urban and hedonistic civilization confirms a metaphysical rejection of alternative form and direction of social evolution.

Keywords: Soviet civilization, Western civilization, civilizational sources, conditions of formation, social structure, anthropological types, historical projects, teleology.

**THE EVERYDAY LIFE OF RUSSIA AND INNOVATIONAL
DEVELOPMENT OF SOCIETY**

S. N. Nekrasov

The article deals with the need to create new sciences for the provision of the transition to the new world order that can be compared with the transition from primitive to class societies. New society is built on neoindustrial basis and Russia as a messianic country of Russian Supra-Modern project is ought to lead the humanity to progress and freedom from forces of nature and social elemental forces that lead to devolution and fascism.

Keywords: Eurasian society, integrative model of science, neoindustrial modernization, new humanities.

**ZINOVIEV'S PARADIGM OF EVOLUTIONARY THEORY AND
SOCIOLOGY OF SOCIETY**

A. I. Subetto

It is shown in the article that the underpinnings of A.A. Zinoviev's scientific system are peculiar Zinoviev's paradigm of social evolution and the resulting Zinoviev's paradigm of sociology.

Keywords: society, socialism, capitalism, mechanism, money, monetary mechanism, function, imperialism.

**METHODOLOGICAL FEATURES OF ZINOVIEV'S
SOCIOLOGICAL THOUGHT**

A. V. Gizha

The problem of methodological grounding of socio-humanitarian discourse is examined with a reference to Alexander Zinoviev's oeuvre. Specific features of his sociological discourse that create a unique personal style complex of methodological approaches are shown. The importance of scholar's high moral qualities in addition to the logical component of his studies is emphasized. Personal scholarly conscientiousness is a necessary premise of the work in every sphere of activity, especially in socio-humanitarian cognition.

Keywords: logics, methodology, morality, rationality, society, scholarly conscientiousness.

**METHODOLOGY OF RUSSIAN CONFLICTOLOGY:
AN EVALUATION OF ITS INTENTION
IN THE CONTEXT OF A.A. ZINOVIEV'S IDEAS**

L. N. Tsoi

In the article, the methodological aspect of conflict studies is examined in the context of basics of A.A. Zinoviev's logics and methodology of social knowledge. The content analysis of problems that are studied by Russian sociologists is conducted and the objective limitation that prevented sociologists from building the 'object' called 'conflict' is revealed. The fact that conflictology is not a science in the strict sense is proven. The fundamentals of the intention of Russian conflictology are formulated.

Keywords: conflict, conflictology, conflict of ideas, consciential war, information war.

**CIVILIZATIONAL INTROVERSION OF PRINCE VLADIMIR'S
CHOICE OF CHRISTIANITY**

D. V. Semikopov

The article is devoted to an analysis of the possibility of application of methods of A.A. Zinoviev's logical sociology to the study of historical processes. The process of Christianization of Ancient Rus and the problem of 'choice of religion' were selected as an object of study. The representation of the historical past in contemporary Neopaganism and Orthodoxy is examined.

Keywords: logical sociology, political anthropology, historical representation, Christianization.

**THE SOCIO-POLITICAL PROCESSES,
ORGANIZATION AND MANAGEMENT**

THE WEST AND RUSSIA IN THE WORKS A. A. ZINOVIEV AND I. A. ILYIN

S. A. Stasenko

In this article, oeuvres of A.A. Zinoviev and I.A. Ilyin are analyzed by the criterion of their attitude to the issue of 'Russia – the West'. The similarities and differences in their understanding of the problem are distinguished. Commonalities in their understanding of the problem relate to the affirmation of differences between Russia and the West, with the attitude toward communism as the main difference. Zinoviev considers communism as the development of communitarian sources of Russian history, while I.A. Ilyin considers that communism is the negation of Russian essence.

Keywords: emigration, communism, history, social organization.

**A.A. ZINOVIEV'S SOCIAL ATOM
AND THE EVOLUTION OF MANAGEMENT SYSTEMS**

S. P. Rastorguyev

The article makes a conclusion that A.A. Zinoviev's law of grouping which is related to social systems is universal enough to be extended on all levels of life management. Wherein structural and the most dangerous 'diseases' of management system result from the particular way of the separation of the managing organ and the managed body.

Keywords: social atom, evolution of management system, life, knowledge, network self-organization of product.

**WESTERNIZATION AS A PHENOMENON OF CONTEMPORARY
GLOBAL TRANSFORMATIONS OF THE WORLD ORDER**

Yu. V. Dergunov

In this paper, A.A. Zinoviev's sociology of Westernization as his approach towards global transformations of world order is examined. Attention is paid to the complex nature of these transformations in A.A. Zinoviev's theory as a combination of such dimensions as Westernization, Americanization and globalization. The high level of abstraction at which A.A. Zinoviev worked is marked as an obstruction to the application of his theory to the study of empirical social processes. Comparison is made between A.A. Zinoviev's theory and sociological theories of global capitalism that provided empirical grounds to each of dimensions of global transformations he discussed.

Keywords: Americanization, hegemony, Westernization, globalization, world-systems analysis, transformation.

WESTERN ASPECT IN THE US GLOBAL LEADERSHIP

J. Yu. Komlyakova

The article deals with the transformation of the US foreign policy towards post-Soviet states after the end of the Cold War in the context of A. Zinoviev's sociological campaign. It describes the main features of the ideological influence of the West with further tendency on reorientation new independent post-Soviet states on the United States.

Key words: foreign policy, globalization, Westernism, the post-Soviet space.

THE ARBITRARINESS AS A FORM OF MANIFESTATION OF DANGER

D. G. Zyrin

The article deals with the arbitrariness as an opposite of the will through its attributive features. The danger as an extent of the arbitrariness is discussed. Forms of manifestation of the danger on the basis of the predominance of some attribute are displayed.

Keywords: will, measure of normality, danger, arbitrariness, goal attainment.

AXIOLOGICAL ASPECT OF MANAGEMENT IN EDUCATION

V. P. Kovalenko

The article deals with the specifics of the organization of values-oriented activity in the educational process. Particularities of the training of management staff of education system and its readiness for the effective functioning in the context of axiological dynamics of society are discussed.

Keywords: education, values, value orientation, axiological dynamics of society.

THE IDEOLOGICAL FACTOR IN THE MANAGEMENT OF SOCIAL RELATIONS

A. Yu. Strizhakova

The article defines the content of ideology as a part social relations and the overall strategy of social development. The notion of social relations is disclosed. Entities of political system that form directions of ideological activities and the peculiarities of the formation of ideological doctrine of the state building are examined.

Keywords: ideology, resources, social relations, information influence, society, social interaction.

SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

THE MENTAL SPHERE OF THE HUMAN ANTHILL AS A CONSTANT MECHANISM OF ITS SOCIAL CONTINUITY

N. I. Bukhteev

In the article, the attempt is taken to define of the notion of mental sphere of the human anthill (cheloveynik) as a constant multi-dimensional mechanism of its social continuity. It is argued that the mental sphere's condition, anatomy and its role in the production of the human substratum of the social organization of society are defined by its own laws and results of performance.

Keywords: human anthill (cheloveynik), mental sphere, ideological sphere, ideology, mentality, social laws.

**THE FORMATION OF THE 'NEW MAN'
UNDER CONDITIONS OF GLOBAL TRANSFORMATION OF SOCIETY**

Ye. V. Golovliova

The problem of the formation of the new type of personality is analyzed. Regularities of the formation of the new man in the historical context are examined. Particular attention is paid to A.A. Zinoviev's approach that provides the fullest designation of the situation of human development in today's Russia. Prospects of humanity under conditions of rapid social transformation are examined.

Keywords: personality, social transformation, system 'personality-society', crisis of society.

**SOCIO-ANTHROPOLOGICAL FEATURES
OF HOMO SOVIETICUS**

A. V. Struchenkov

In the article, the conception of Homo sovieticus is examined on the basis of methodological principles of social anthropology. Special attention is paid to the analysis of mechanisms of the construction and reproduction of the Soviet sociality in everyday practices on the example of the technical intelligentsia of Donbass. Besides that the main socio-anthropological features of Homo sovieticus are also analyzed.

Keywords: habitus, intelligentsia, everyday life, Soviet sociality, Homo sovieticus.

**THE 'MASS MAN' OR THE 'ARISTOCRAT OF SPIRIT':
THE ANALYSIS OF ALTERNATIVES**

E. A. Samotayeva

This paper is an attempt to analyze modes of the realization of one's course of life, reasons and results of a choice between the obedience to the

objective flow of history while becoming the mass man and the preservation of one's own identity in the changing world.

Keywords: posthuman, mass man, course of life, aristocratism of spirit.

**THE PHENOMENOLOGY OF CULTURAL LANDSCAPE:
HISTORICAL METAMORPHOSIS OF THE REGIONAL AND NATIONAL
IMAGES (ASPECTS OF DONBASS)**

A. A. Agarkova

The paper deals with some aspects of the phenomenology of cultural landscapes. They are examined in the context of the imaginative correlation of the regional and national integrities under condition of historical becoming and modification of the image of Donbass and the contemporary crisis of the cultural identity.

Keywords: regional cultural landscape, national cultural landscape, regional image of Donbass, regional myth-poetic, cultural identity.

METHODS OF SOCIAL RESEARCH

**THE RESPONDENT AS AN OBJECT OF MANIPULATION
OF PUBLIC OPINION UNDER CONDITIONS OF SUPRA-SOCIETY**

Ya. A. Farina

The public opinion monitoring is examined as a feedback mechanism of a democratic state, in which people have a right for the realization of power in the form of control and the user privilege in all spheres of social life. Under conditions of supra-society, special attention is paid to respondent's inability to be a subject of the formation of the public opinion both in a user format and in the format of the realization of citizen's rights.

Keywords: manipulation, monitoring, feedback, public opinion, user privilege, respondent, supra-society.

A.A. ZINOVIEV'S INTENTIONAL SETTINGS

S. V. Danilova

In the article, different memoirs on A.A. Zinoviev as the personality and the scholar are brought back. The psychological analysis of A.A. Zinoviev's intentional settings on the methodological basis of intent analysis of his last interview is complied.

Keywords: intent analysis, self-directivity, directivity towards the adversary, directivity on the situation, directivity towards the 'third party'.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агаркова Анна Алексеевна, к. культурологии, доцент
Макеевский экономико-гуманитарный институт,
доцент кафедры философии и социологии

Бухтеев Николай Иванович, к.и.н., доцент
Донецкий государственный университет управления,
доцент кафедры социологии управления

Гаврилов Николай Иванович, д.филос.н., профессор
Донецкий государственный университет управления,
заведующий кафедрой социологии управления

Гижа Андрей Владимирович, к.филос.н, доцент
Донецкий национальный технический университет,
доцент кафедры философии

Головлева Елена Викторовна, к.психол.н., доцент
Донецкий государственный университет управления,
доцент кафедры социологии управления

Данилова Светлана Владимировна, к.психол.н.
Донецкий государственный университет управления,
доцент кафедры социологии управления

Дергунов Юрий Валерьевич,
Донецкий государственный университет управления,
ассистент кафедры социологии управления

Зырин Денис Геннадиевич,
Донецкий государственный университет управления,
аспирант кафедры социологии управления

Коваленко Валентина Павловна, к.гос.упр., доцент
Донецкий государственный университет управления,
доцент кафедры краеведения

Комлякова Юлия Юрьевна,

Донецкий государственный университет управления,
ассистент кафедры социологии управления

Муза Дмитрий Евгеньевич, д.филос.н., профессор

Донецкий государственный университет управления,
профессор кафедры социологии управления

Некрасов Станислав Николаевич, д.филос.н., профессор

Уральский федеральный университет,
профессор кафедры культурологии и дизайна,
заведующий кафедрой философии

Расторгуев Сергей Павлович, д.т.н., профессор

Закрытое акционерное общество «Всесоюзный институт волоконно-оптических систем связи и обработки информации»

Самотаева Элла Александровна, к.психол.н.

Донецкий государственный университет управления,
доцент кафедры социологии управления

Семикопов Данил Владимирович, к.филос.н, доцент

Нижегородская духовная семинария,
заведующий кафедрой церковной истории

Стасенко Станислав Александрович, к.филос.н., доцент

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры
доцент кафедры истории и философии

Стрижакова Анастасия Юрьевна,

Донецкий государственный университет управления,
аспирант кафедры социологии управления

Струченков Александр Викторович, к.и.н., доцент

Донецкий государственный университет управления,
доцент кафедры социологии управления

Субетто Александр Иванович, д.филол.н., д.э.н., профессор
Смольный институт РАО,
проректор по качеству

Фарина Ярослава Александровна, к.соц.н.
Донецкий государственный университет управления,
доцент кафедры социологии управления

Цой Любовь Николаевна, к.соц.н., доцент
Генеральный директор Московской школы конфликтологии,
доцент кафедры УЧР НИУ ВШЭ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ	
<i>Гаврилов Н.И.</i> Коммунистическая реальность: видя черное, помнить о белом	5
<i>Муза Д.Е.</i> Советская и западная цивилизации: предел противоположностей в логике глобальной эволюции человечества	20
<i>Некрасов С.Н.</i> Повседневность России и инновационное развитие социума	34
<i>Субетто А.И.</i> Зиновьевская парадигма теории эволюции и социологии общества	45
<i>Гижа А.В.</i> Методологические особенности социологической мысли Зиновьева	57
<i>Цой Л.Н.</i> Методология российской конфликтологии: замысел в контексте идей А.А. Зиновьева	69
<i>Семикопов Д.В.</i> Цивилизационная интроверсия выбора христианства князем Владимиром	83
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ	
<i>Стасенко С.А.</i> Запад и Россия в творчестве А.А. Зиновьева и И.А. Ильина	104
<i>Рассторгуев С.П.</i> Социальный атом А.А. Зиновьева и эволюция систем управления	115
<i>Дергунов Ю.В.</i> «Западнизация» как феномен современных глобальных трансформаций миропорядка	125
<i>Комлякова Ю.Ю.</i> Аспект западнизма в глобальном лидерстве США ..	139
<i>Зырин Д.Г.</i> Произвол как форма проявления опасности	152

Коваленко В.П. Аксиологический аспект менеджмента в образовании	164
--	-----

Стрижакова А.Ю. Идеологический фактор управления общественными отношениями	174
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Бухтеев Н.И. Менталитетная сфера человеиника как постоянный механизм его социальной наследственности (преемственности)	183
---	-----

Головлева Е.В. Формирование «нового человека» в условиях глобальной трансформации общества	197
---	-----

Струченков А.В. Социально-антропологические признаки homo soveticus	211
--	-----

Самотаева Э.А. «Человек массы» или «духовный аристократ»: анализ альтернатив	224
---	-----

Агаркова А.А. Феноменология культурных ландшафтов Донбасса: исторические метаморфозы региональных и общенациональных образов	234
---	-----

МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Фарина Я.А. Респондент как объект манипуляций общественным мнением в условиях сверхобщества	250
--	-----

Данилова С.В. Интенциональные установки А.А. Зиновьева	261
---	-----

ANNOTATIONS	273
--------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	283
----------------------------------	-----

Научное издание

Социологическое наследие А.А. Зиновьева

Сборник научных статей

Ответственный редактор
Н.И. Гаврилов

Редактор
Я.А. Фарина

Компьютерная верстка и макет
О.С. Михайличенко